

**АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»**

**ЛЮДИ И СУДЬБЫ
XX ВЕК**

*Материалы
Всероссийской научной конференции,
Курск, 17 февраля 2023 г.*

Курск
2023

УДК 93/94 (470) “19”
ББК 63.3(2)6
Л 93

Рецензенты: Г. А. Салтык, доктор исторических наук,
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»;
Р. Р. Хисамутдинова, доктор исторических наук,
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный
педагогический университет».

Л 93 Люди и судьбы. XX век : материалы Всероссийской научной конференции. Курск, 17 февраля 2023 г. / под редакцией Э. А. Кудрявцева. – Курск : ООО «Центр рекламы «Лоцман», 2023. – 204 с. – Текст: непосредственный.

Редакционная коллегия: Э. А. Кудрявцев (гл. редактор) – начальник архивного управления Курской области; Е. П. Маслов (зам. гл. редактора) – директор ОКУ «Госархив Курской области»; В. В. Раков – зам. директора по научно-исследовательской работе ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук; О. А. Черников – заведующий филиалом ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук.

Научный редактор: О. Н. Аргунов, канд. ист. наук.

Сборник содержит тексты докладов и сообщений ученых, сотрудников архивных учреждений, работников учреждений культуры, краеведов, представленных на конференцию. Публикуемые материалы в своем большинстве подготовлены на основе документальных источников, выявленных в центральных и местных архивах, впервые вводимых в научный оборот. Издание предназначено для самого широкого круга читателей, интересующихся историей. Материалы опубликованы в авторской редакции.

УДК 93/94 (470) “19”
ББК 63.3(2)6

© Архивное управление Курской области, 2023
© ОКУ «Госархив Курской области», 2023
© Авторы статей, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Холодова Е.В., Шпаков И.В.	История и архитектура дома-клиники А. И. Калиновского и краеведческого музея в г. Рыльске конец XIX – начало XX вв., XX в.	6–13
Гуринов С.Л.	Информация российской военно- морской разведки о японском адмирале и принце Арисугаве Такэхито	14–16
Гордеев П.Н.	«На моей обязанности было доставать все, что надо...»: Е. К. Малиновская, А. М. Горький и общедоступный театр в Нижегородском Народном доме	16–22
Курапова Е.Р.	Правители России на страницах дневников М. В. Нечкиной: от Николая II до Л. И. Брежнева	23–29
Чаплыгина Н.И.	Люди земли Курской: Г. Л. Болычевцев, В. В. Овечкин и Е. И. Носов (по материалам Государственного архива Курской области)	29–34
Конищев А.Р.	Жители села Фентисово Щигровского уезда Курской губернии: просопографический портрет по материалам сельскохозяйственной переписи 1911 г.	35–42
Щукина Е.П.	Михаил Павлович Трунов – организатор Липецкого уездного исторического архива	42–48
Раков В.В.	К вопросу о жертвах политических репрессий в годы Гражданской войны ...	49–56
Родионов И.И.	Польско-советская война и судьба польских военнопленных	56–59
Петров Н.В.	Значение профессиональных и личностных качеств курских статистиков в изучении социального состава городского населения первой половины 1920-х гг.	59–64
Суржик О.С.	Проблемы геополитики и манипуляции сознанием в наследии К. П. Победоносцева и А. Ф. Сергеева сквозь призму вызовов современности ..	64–76

Ливенцев Д.В.	Воронежский ученый Л. И. Любошиц против фашизма	76–82
Дорош А.А.	Вклад в антирелигиозную пропаганду председателя областного совета «Союза воинствующих безбожников» Центрально-Черноземной области П. К. Зарина	82–86
Афанасьев С.А.	Судьба и политическая карьера первого председателя Курского облисполкома Петра Степановича Царёва	87–91
Аргунов О.Н.	Члены исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся в 1941 г.: коллективный портрет	91–101
Давыдов А.С.	О роли курян в восстановлении городского трамвая в 1943 году	102–106
Кононов Н.Г.	Курский городской водопровод (1943–1945 гг.): трудовой коллектив и проблемы восстановления	107–116
Волкова А.И., Волкова Т.Н.	Великая Отечественная война через призму человеческих судеб: учитель и война	116–119
Гусак П.И.	Жизнь и судьба Александра Петровича Прищепова	119–124
Коровин Р.В.	«Наша слава ходит рядом с нами...» (Страницы биографии стахановца-машиниста А. М. Бородавченко)	124–129
Манжосов А.Н.	«Прославятся среди героев наши имена...» (Страницы трудовой биографии машиниста-стахановца депо Курск Г. Е. Старосельцева (1905–1946 гг.)	129–134
Паршакова З.И., Финогенов М.А.	Документальный портрет генерала М. И. Наумова	135–138
Дубошей Ю.О., Долгова А.В.	Жизненный путь генерал-майора А. В. Афанасьева и 2-я Ударная армия ...	138–143
Пчелинов- Образумов А.А.	Личные фонды участников Гражданской войны, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и Советско-японской войны 1945 г. в	

	Государственном архиве Белгородской области	143–151
Коровин В.В.	Источники личного происхождения о сопротивлении населения немецко-фашистскому оккупационному режиму .	151–156
Ефремова И.С.	Жизнь и деятельность директора Государственного архива Курской области Василия Кузьмича Подлова	157–161
Челышева Е.И.	Историко-архивные изыскания сотрудника музея И. М. Логинова – работа с фондами Центрального архива Министерства обороны (1955–1974 гг.) .	161–169
Беялов Н.У.	Организация детского отдыха в пионерских лагерях в 1950-х – 1960-х гг. в документах Московского областного архивного центра	169–179
Чаплыгин В.П.	Историографический обзор деятельности государственно-политических организаций Центрального Черноземья по привлечению интеллигенции к повышению культуры сельского населения (1965–1976 гг.)	179–190
Сойников А.А.	Дифференцированный подход как черта деятельности работников сельских клубов Центрального Черноземья (1966–1975 гг.)	191–195
Шевельков А.И.	Б. Г. Пашков: На службе Отечеству и исторической науке	196–203

Е. В. Холодова
кандидат архитектуры
Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»
Научно-исследовательский институт теории
и истории архитектуры и градостроительства

И. В. Шпаков
кандидат исторических наук
Курский государственный университет

**ИСТОРИЯ И АРХИТЕКТУРА ДОМА-КЛИНИКИ
А. И. КАЛИНОВСКОГО И КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ
В г. РЫЛЬСКЕ КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX вв., XX в.**

Аннотация. В исследовании впервые представлена история и архитектура здания Рыльского краеведческого музея – бывшего дома-клиники А. И. Калиновского.

Ценной характеристикой исследуемого здания с точки зрения социальной культуры, безусловно, является включенность объекта в научный оборот: публикации в научно-краеведческих изданиях, средствах массовой информации, однако комплексное исследование объекта: архитектуры, истории строительства проведено и публикуется впервые.

Историко-культурной ценностью здесь выступает хорошо сохранившееся усадебное здание, ставшее одним из первых в истории Курского края краеведческим музеем (затем музеем и районной библиотекой), отметившим в 2019 г. свое столетие. В бывшем доме и клинике врача А. И. Калиновского бесценно, более ста лет, концентрируются краеведческая и научно-просветительская работа, действует библиотека.

Ключевые слова: дом; клиника; музей; архитектура; история; планировка.

Исследуемое здание, одно- двухэтажный кирпичный дом, построенный в конце XIX – начале XX вв., как жилой особняк и клиника, расположен в квартале г. Рыльска, образованном по первому генеральному плану в 1784 г. Здание угловое, расположено на перекрестке улиц Луначарского (ранее Вознесенская) и Урицкого (ранее Глуховская). Современный адрес: г. Рыльск, ул. Урицкого, д. 81 [1, л. 1].

Последним дореволюционным владельцем домовладения был Александр Игнатьевич Калиновский (Калиновский) – вольнопрактикующий врач, коллежский советник, городской врач Рыльска (1910–1913), уездный врач Рыльского уездного полицейского управления (1911–1916), врач женской гимназии Рыльска (1909–1913), врач городской торговой школы Рыльска (1909–1916) [2, л. 113; 3, л. 43 об.; 4, л. 20–21; 5,

с. 331, 335; 6, л. 257, 262]. В Российском медицинском списке 1916 г. указывалось, что А. И. Калиновский родился в 1859 г., имел специализацию лекарь, окончил медицинский курс в 1888 г., коллежский советник, уездный врач в Рыльске Курской губернии [7, с. 200].

В самом здании проживала семья врача, кроме того, там располагалась его частная клиника [8, с. 380].

Напротив дома А. И. Калиновского (по другую сторону Глуховской улицы) находилось домовладение Евдокии Касьяновны Шелиховой, состоящей из двухэтажного главного здания городской усадьбы, одноэтажного флигеля, надворных построек и сада [9, л. 11 об. – 13; 10, л. 43–44]. Главный дом и флигель сохранились до настоящего времени. По ряду документов Государственного архива Курской области удалось реконструировать принадлежность домовладений квартала вблизи дома Калиновского на начало XX в. (рисунок 1).

Рисунок 1. Историко-культурный опорный план – концепции реконструкции принадлежности домовладений части кварталов г. Рыльска на начало XX в. по документам ГАКО. Реконструкция Е. В. Холодовой, 2019 г.

В 1918 г. домовладение А. И. Калиновского было муниципализировано.

В конце 1918 г. в одной из комнат здания бывшей городской усадьбы А. И. Калиновского был открыт культурно-исторический музей. Впоследствии музей расширился до восьми комнат, а в 1920-е г. занял особняк полностью (18 комнат). Комплектовалась музейная коллекция изначально из экспонатов, поступивших из Рыльского уезда. В 1921 г. Рыльский музей получил часть коллекции ценностей из бывшего дворца князей Барятинских в селе Ивановском: картины, мрамор, бронзу и

старинное оружие. В середине 1920-х гг. музей был преобразован в краеведческий [11, с. 3–6, 17] (рисунок 2).

В 1923 г. народно-художественный музей состоял из 7 отделов: художественного, исторического, этнографического, зоологического, наглядных пособий, восточного искусства, детского творчества. При музее имелась также библиотека-читальня по вопросам искусства и старины [12, л. 42].

**Рисунок 2. Вид на здание музея бывший дом А. И. Калиновского с северо-запада.
Фото 1929 г.**

Инициатором создания музея и первым его директором (с 1918 г. по 1934 г.) была художница из Москвы Софья Константиновна Репина [13, с. 148–159].

В 1923 г. в музее числилось 3 сотрудника:

1) Софья Константиновна Репина – заведующая музеем, художница, высшее художественное образование, историко-филологический факультет;

2) Андрей Павлович Андреев – библиотекарь и делопроизводитель, среднее художественное образование;

3) Е. Т. Залозных – сторож-уборщица [12, л. 69].

В сентябре 1941 г. все ценные экспонаты при проведении эвакуации были вывезены в Москву, многие из них в Рыльск больше не вернулись [14].

В 2010 г. Рыльский музей стал филиалом Курского областного краеведческого музея.

Фонды музея насчитывают около 30 000 единиц хранения, в том числе уникальные коллекции старинной книги, нумизматики, скульптуры и живописи XVIII–XIX вв. Экспозиционная площадь музея составляет 440 кв. м.

В 14 залах экспозиции музея в хронологической последовательности отражена история Рыльской земли.

Посетителей музея восхищают великолепные памятники западноевропейской художественной культуры – картины итальянских художников Антонио Виги «Петр I на поле Полтавской битвы» и «Пейзаж» Франческо Казановы, немецких живописцев Яна Рооса «Пастушок» и «Пастушка» и Франца Крюгера «Александр I», шотландского художника-портретиста Аллана Рэмзи «Английская королева Шарлотта Мекленбург-Стрелицкая», скульптуры датского мастера Александра Триппеля «Диоген из Синопа» и «Нерон», немецкого ваятеля Христиана Рауха «Николай I» и «Александра Федоровна» (жена Николая I), ученицы и помощницы знаменитого Фальконе Мари-Анна Колло «Петр I» и многие другие произведения (рисунок 3).

**Рисунок 3. Вид на здание музея бывший дом А.И. Калиновского с запада.
Фото 1979 г.**

Особое место отведено жизни и деятельности именитого рыльского купца, одного из основателей Русской Америки Г. И. Шелехова.

С Рыльским краем связаны имена художника-пейзажиста Л. Л. Каменева, одного из первых флагманов Красного Флота А. В. Домбровского, писателя В. А. Ковалевского, историка В. В. Мавродина, известного советского адвоката и правозащитника С. В. Каллистратовой, заслуженной артистки РСФСР, актрисы театра и кино К. И. Тарасовой, металлофизика Г. В. Курдюмова.

Ежегодно Рыльский краеведческий музей посещает около 22 000 посетителей [15] (рисунок 4).

В настоящее время музеем заведуют Татьяна Егоровна Рыкова.

На втором этаже здания более полувека располагается районная библиотека, в настоящее время – муниципальное казенное учреждение культуры «Межпоселенческая библиотека Рыльского района».

**Рисунок 4. Вид на здание музея, бывший дом А. И. Калиновского с запада.
Фото 1990 г.**

Здание по ул. Урицкого, 81 вошло в «Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Курская обл.» (Москва, 1979) [16, с. 90–92] (фото на рисунке 3).

**Рисунок 5. Вид на здание музея, бывший дом А. И. Калиновского с запада.
Фото Е. В. Холодовой 12 сентября 2019 г.**

Градостроительная значимость исследуемого здания определяется его местоположением в исторической среде, локальной исторической территорией, имеющей более вековую историю. Объект находится в историческом центре города в красных линиях улиц регулярной планировки по генплану 1784 г., по красной линии застройки в ряду жилой исторической застройки (рисунок 5).

Ансамблевым значением объекта является его гармоничное единение с комплексом соседних, в доступном радиусе визуальных связей, окружающих зданий сохранившейся исторической застройки, что является своеобразный ансамбль жилых и общественных зданий периода XIX – начала XX вв.

**Рисунок 6. Интерьер парадного зала.
Фото Е.В. Холодовой 12 сентября 2019 г.**

Архитектурно-художественной ценностью выступает здесь изначальная достаточная сохранность объемно-пространственного решения здания, части интерьеров, характера отделки фасадов в которой хорошо читается функциональные назначения объекта – городской усадьбы рубежа XIX – XX вв., как неотъемлемого элемента пространственно-планировочной структуры градостроительной среды исторического города, являясь частью ценной жилой исторической застройки и держащей угол на перекрестке квартала центральной части города Рыльска.

Здание кирпичное одно- двухэтажное, прямоугольное в плане 16 x 40 м, под вальмовой кровлей. Под двухэтажной частью расположен подвал, под деревянным перекрытием. Состоит из двух сблокированных корпусов одно- и двухэтажного. Возможно, строительство объекта велось в два этапа. Планировка этажей смешанная и анфиладная. Средняя высота помещений 3,1 – 3,75 м. Большой интерес представляют два парадных зала перового этажа (рисунок 6), с открытыми в пространство комнат оштукатуренными балками перекрытия, увязанными со штукатурными

тягами отделки потолка (рамки, карнизы), а так же лестничный холл с деревянным тамбуром и деревянной резной лестницей на деревянной резной опоре (рисунки 7, 8, 9).

**Рисунки 7, 8, 9. Интерьер парадной лестницы.
Фото Е.В. Холодовой 12 сентября 2019 г.**

Фасады здания оштукатурены. Здание имеет ассиметричные композиции фасадов. Наиболее декорированы и интересны угловые уличные фасады и дворовый северный фасад, имеющий на всю высоту здания два ризалита, для устройства лоджии, раскрытой на пространство когда-то обширного сада. Главный западный фасад ассиметричен – гладкие широкие лопатки делят его на три неравные части. Повышенный первый этаж отделен от более низкого второго этажа межэтажным карнизом, декорированным пояском ниш – ширинок, который переходит

на одноэтажный корпус уже в роли его венчающего карниза, зрительно объединяя оба здания. Все окна здания с пологими лучковыми перемычками без обрамлений на главном и дворовых фасадах и в рамках на южном фасаде. Окна на главном фасаде имеют следующее размещение – широкие по краям здания и узкие – в центре. Оригинально решение надоконного пространства в виде прямых сандриков со свесами или «серёжками». Под окнами – горизонтальные прямоугольные филёнки. Венчающий карниз здания простой, в несколько полочек.

В целом, объект представляет ценность с точки зрения истории и культуры и является подлинным источником, свидетельствующим о строительной и социальной культуре г. Рыльска рубежа XIX–XX и XXI вв.

Источники и литература

1. Российский государственный исторический архив. Ф. 1293. Оп. 166. Курская губерния. Д. 36.
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 310.
3. ГАКО. Ф. Р-2493. Оп. 1. Д. 129.
4. ГАКО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 346.
5. Курский адрес-календарь. 1910. Курск, 1910.
6. Курский адрес-календарь. 1916. Курск, 1916.
7. Российский медицинский список на 1916 год: списки врачей, ветеринаров, зубных врачей, фармацевтов и аптек по сведениям на 1 мая 1916 г. Петроград, 1916.
8. Чалых Н.Н. Рыльск. История с древнейших времен до конца XX века. Изд. 2-е, доп. и перераб. Курск, 2006.
9. ГАКО. Ф. Р-2493. Оп. 1. Д. 145.
10. ГАКО. Ф. Р-2493. Оп. 1. Д. 169.
11. Рыльский государственный окружной музей за 10 лет. 1919–1929 гг. Курск, 1929.
12. ГАКО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 309.
13. Кончин Е.В. «Марьино», август восемнадцатого...: докум. Повесть. Курск, 2001.
14. Чалых Н.Н. Эвакуация (Рыльск: история с древнейших времен до конца XX века) // Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года [Электронный ресурс] // URL: <http://old-kursk.ru/book/rylsk/page525.html> (дата обращения: 17.11.2019).
15. Рыльский краеведческий музей // Областное бюджетное учреждение культуры «Курский областной краеведческий музей»: [официальный сайт] [Электронный ресурс] // URL: <http://kursk-museum.ru/affiliates/ryilskiy-kraevedcheskiy-muzey/> (дата обращения: 17.11.2019).
16. Здание Рыльского межрайонного краеведческого музея // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Курская обл. / [Сост. В. В. Познанский]. М., 1979.

С. Л. Гуринов
доктор исторических наук
Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I

ИНФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ РАЗВЕДКИ О ЯПОНСКОМ АДМИРАЛЕ И ПРИНЦЕ АРИСУГАВЕ ТАКЭХИТО

Аннотация. Настоящая работа посвящена работе российской военно-морской разведки по сбору информации о высшем военно-морском командовании Японии, в частности о принце Арисугаве Такэхито.

Ключевые слова: военно-морская разведка; Япония; адмирал; принц Арисугаве Такэхито.

До 1917 г. военно-морские агенты Российского Императорского флота фактически являлись официальными шпионами, работающими под дипломатическим прикрытием. Именно такой деятельностью и занимался капитан 2-го ранга А. И. Русин в Японии. Накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. он представил разведывательную информацию в Морское министерство о тринадцати наиболее известных японских флотоводцах. Как писал сам капитан 2-го ранга А. И. Русин в своем донесении в Морское министерство: «...Имею честь представить при сем сведения об адмиралах японского флота (три тетради). Сведения эти составлены мной на основании моих личных наблюдений, когда это было возможно; на основании бывших у меня разговоров с японскими и других наций офицерами; наконец, на основании французского морского агента, лейтенанта Буассиери; мнение последнего было мною принято в основу характеристики адмиралов, учившихся во Франции, служивших там, или имевших какое-либо отношение к французским морским офицерам» [4, л. 1–1 об]. Все его донесения о японских адмиралах находятся в архивном фонде Ф. 32 Российского Государственного архива Военно-Морского флота [4].

Член императорского дома родился в Киото в 1862 г. Арисугава Такэхито принадлежал к побочной линии японского императорского рода и мог наследовать трон только в случае полной смерти правящей фамилии. Во время сегуната его хотели посвятить в буддийские священники, но после победы сторонников императора в 1871 г. призвали во дворец.

Уже в 1874 г. он поступает в военно-морскую академию. Молодой принц наблюдал за подавлением Сацумского восстания и исполнял должность военного атташе в Великобритании, прослужил год на английском королевском флоте [3, р. 107]. В 1880 г. сразу после свадьбы Арисугава Такэхито окончил полный курс престижного британского военно-морского учебного заведения в городе Гривинче. Затем вместе с

супругой долгое время путешествовал по европейскому и американскому континентам [3, р. 110].

Наконец, в 1890 г. Арисугава Такэхито приступает к действительной военно-морской службе в качестве капитана корвета «Кацураги». Затем в 1892 г. принимает командование крейсером «Чиода». В ходе японо-китайской войны 1894–1895 гг. командовал крейсерами «Мацусима» и «Хасидатэ» [1, с. 12]. За участие в боевых действиях его произвели через год в чин контр-адмирала [1, с. 15]. После чего, Арисугава Такэхито достаточно быстро повышался в чинах: вице-адмирал в 1899 г. и полный адмирал в 1905 г. в честь завершения русско-японской войны 1904–1905 гг. По нашему мнению, решающее значение в успешном продвижении по службе имело высокое происхождение японского принца, а не его способности командующего.

Надо сказать, что военно-морской агент, капитан 2-го ранга А. И. Русин дал в 1903 г. вице-адмиралу, принцу Арисугава Такэхито достаточно точную характеристику в плане его причастности к военно-морскому делу: «... Почетный член адмиралтейств-совета и командующий департаментом; в настоящее время никакого прямого, непосредственного отношения дела во флоте не имеет. Говорит хорошо по-английски и немного по-французски» [4, л. 14].

Однако русский военно-морской разведчик уделил внимание сыну титулованного принца и вице-адмирала: «... Сын принца Арисугава, родившийся в 1888 году, учится французскому языку и с нынешнего 1903 г. поступает в Морское училище, для чего на днях переезжает в свою новую виллу в Этадзима» [4, л. 15].

С одной стороны можно наблюдать верную характеристику вице-адмирала и принца Арисугава Такэхито с профессиональной точки зрения, с другой – упоминается факт создания военно-морской династии. Подобный подход свидетельствует о грамотной и всесторонней разведывательной деятельности военно-морского агента в Японии, капитана 2-го ранга А. И. Русина.

За свою дипломатическую деятельность в Великобритании Арисугава Такэхито удостоился ордена Бани [2, с. 250]. Во время визита в 1891 г. цесаревича Николая II именно он сопровождал будущего российского императора и присутствовал при нем во время неудачного покушения в городе Оцу [2, с. 252]. В придворных кругах приобрел заслуженную известность как поклонник автомобильного дела. Принц приобрел первый в Японии автомобиль и появился на нем при дворе императора, за что получил прозвище «моторного князя». Умер Арисугава Такэхито в 1913 г.

Источники и литература

1. Кладо Н. Военные действия на море во время японо-китайской войны. СПб., 1896.

2. Накамура С. Инцидент в Оцу и японское правосудие // Японцы и русские. Из истории контактов. М., 1983.
3. Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895 / Cambridge University Press. Cambridge, 2003.
4. Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 32. Оп. 1. Д. 168.

П. Н. Гордеев
доктор исторических наук
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

**«НА МОЕЙ ОБЯЗАННОСТИ БЫЛО ДОСТАВАТЬ ВСЕ,
ЧТО НАДО...»: Е. К. МАЛИНОВСКАЯ, А. М. ГОРЬКИЙ
И ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ТЕАТР
В НИЖЕГОРОДСКОМ НАРОДНОМ ДОМЕ**

Аннотация: История возникновения и деятельности в 1903–1904 гг. общедоступного театра в Народном доме Нижнего Новгорода так или иначе коснулась биографий многих выдающихся деятелей отечественной культуры – А. М. Горького и его супруги Е. П. Пешковой, Ф. И. Шаляпина, режиссера Л. А. Сулержицкого, руководительницы советского театра первых послереволюционных лет Е. К. Малиновской. Документы из личного фонда последней в РГАЛИ, материалы периодической печати и переписка Горького с Малиновской и Пешковой позволяют реконструировать этот примечательный эпизод из истории русского искусства.

Ключевые слова: русский театр; Нижний Новгород; Е. К. Малиновская; А. М. Горький; Ф. И. Шаляпин.

В биографии Елены Константиновны Малиновской (1875–1942), видной деятельницы советского театра, управлявшей после революции (до 1924 г.) московскими академическими театрами, а в 1930–1935 гг. бывшей директором Большого театра [1, с. 643], особую роль сыграли несколько месяцев конца 1903 и начала 1904 гг. В это время жившие в Нижнем Новгороде Малиновская, ее муж – архитектор Павел Петрович Малиновский и их общий знакомый А. М. Горький, уже тогда бывший всероссийской знаменитостью, а впоследствии снискавший мировую славу, оказались вовлечены в организацию примечательного театрального предприятия, предыстория которого началась несколькими годами ранее. Еще в 1897 г. на заседании Общества распространения начального образования в Нижегородской губернии было решено возвести здание Народного дома. П. П. Малиновский, вошедший в состав строительного комитета, безвозмездно принял на себя труды по проектированию и строительству, осуществленному в 1900–1903 гг. [2, с. 20–27].

Денег на постройку не хватало (всего она обошлась в 75 тысяч рублей, из которых 35 дало Министерство финансов, 10 тысяч пожертвовала известная меценатка графиня С. В. Панина, 7 500 руб. выделило губернское земство и 1 000 рублей – город [3, с. 357]) и комитету пришлось прибегать к благотворительным концертам, в одном из которых согласился принять участие Ф. И. Шаляпин. «Особенно помнится концерт в отстроенном уже Доме, когда не хватало денег расплатиться с долгами за крышу», вспоминала позднее Е. К. Малиновская. «Сцена была никак не оборудована. Навезли из леса настоящих деревьев, и на сцене получилась золотая осень. Шаляпин, чтобы собрать побольше денег, объехал властей и купечество, жена его, артистка балета, продавала программы по дорогой цене, мы проделали всю черную работу». Несмотря на затраченные усилия, «власти и тузы не явились на концерт, отчасти бойкотируя наше начинание, отчасти, возможно, из-за местоположения Народного Дома, где отсутствовало уличное освещение, и даже не была замощена площадь вокруг дома. В концерте пел весь вечер один Шаляпин, аккомпанировал ему композитор Корещенко, который сыграл еще две–три свои вещи. Концерт был исключительный. Вызовом не было конца, и на бис Шаляпин пел больше, чем стояло в программе» [4, л. 3]. Этот удивительный концерт в неоконченном здании состоялся 5 сентября 1903 г. и дал около 3 000 рублей сбора; вся сумма была пожертвована певцом на достройку Народного дома [5, с. 33].

После концерта Е. К. Малиновская письменно благодарила Ф. И. Шаляпина за участие, и артист ответил ей: «Голубушка Елена Константиновна! Получил Вашу записку, и передо мною как вчера пронесся ясно чудный вечер нашего концерта и с ним вместе и шумное, полное жизни послеконцертное. Если начальство, и с ним вместе истуканы с набитыми золотом лбами не пришли в наш концерт, то и чорт с ними, я об этом и не думаю. Жаль, конечно, что несколько лишних сотен рублишек не попало в стены животворного во всех смыслах дома, но я думаю, что от этого больно очень никому не будет. “Голенький – ох, а за голеньким бог” – говорит пословица. Я не знаю, как публика, но я наслаждался в этот вечер, как наслаждаюсь редко. Откроюсь Вам и скажу откровенно, что я, как артист, в этот вечер нравился самому себе, я пел – как пою сравнительно редко. В заключение скажу Вам еще: “чорт с ними”. Искренне жму Вашу руку и говорю Вам спасибо за все, за все, за все». В эти годы Малиновская часто виделась с великим певцом, вспоминая спустя годы: «Шаляпин неоднократно приезжал в Нижний. И каждый вечер, после спектаклей, мы собирались вместе у Пешковых или у нас. Интересны были эти вечера необычайно: разбирались и подвергались критике целые оперы, объяснялось толкование той или иной роли, прослушивались интереснейшие лекции, посвященные литературе и искусству. И обязательно пел Шаляпин свои любимые русские песни или что другое из своего репертуара. Молодежь – учащиеся и рабочие – узнали

об этом, и потом каждый вечер дежурили у двух квартир – где будет сегодня Шаляпин? В конце концов, на улице перед окнами образовывалась толпа, которая не уставала слушать пение. Шаляпин был счастлив проводить время в обществе Горького, проявляя себя, как и все, в присутствии Алексея Максимовича, с положительной стороны, и поэтому он был вполне искренен, когда в письме благодарил “за все”» [4, л. 3 об. – 4]. Шаляпин, одаренный чувством юмора, набросал в один из своих приездов шарж, подписанный «Малиновский после постройки Народного дома», где был изображен заросший бородой, измученный и полураздетый П. П. Малиновский с циркулем в руках (этот любопытный рисунок опубликовала дочь архитектора и Елены Константиновны Е. П. Малиновская [6, с. 31]).

Когда здание Народного дома было готово, встал вопрос, «как использовать в нем театр. Очень жаль было отдавать его в руки антрепренера», отмечала Малиновская. «И вот однажды Алексей Максимович предложил нам самим взяться за это дело. Все были буквально потрясены таким предложением. Прежде всего, никто не имел ни малейшего представления, как вести театральное дело, затем нужны были для этого крупные средства и, наконец, люди. Но М. Горький не признавал ничего невозможного и умел убеждать, что человек все может сделать, что сильно захочет, а потому и мы, если захотим – сделаем» [4, л. 4]. Сам Горький писал жене 29 сентября 1903 г. о судьбе Народного дома: «Мы его не хотим сдавать Басманову, а думаем образовать паевую компанию, составить труппу и – ставить пьесы. Мы – это я, Чириков, Малиновские, Михельсон, Нейдгардт – думаем пригласить в пайщики Шаляпина, Мороз<ова>, Алексеева, Панину. Артистов, полагаю, найдет Тихомиров и Андреева. Возможно, что мне придется ехать в Москву хлопотать по сему делу. Поеду или с Еленой, или с ее Павлом»¹ [7, с. 202]. С 3 по 7 октября 1903 г. Горький и супруги Малиновские побывали в Москве по делам создававшегося паявого товарищества [7, с. 427].

Поездка была успешной: руководители и целый ряд ведущих артистов МХТ согласились стать пайщиками (стоимость одного пая определили в 100 рублей, первыми пайщиками были представители нижегородской интеллигенции; сам Горький, Е. П. Пешкова, Ф. И. Шаляпин и Е. К. Малиновская подписались каждый сразу на 5 паев, а С. Т. Морозов дал на новое дело 5 000 рублей) [7, с. 207]. В число пайщиков вошли, среди прочих, К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко [8, с. 3]. Актер МХТ И. А. Тихомиров согласился перейти в нижегородский театр «художественным руководителем, артистом и крупным пайщиком», отобрав вместе с Горьким ряд выпускников школы

¹ В письме упоминаются нижегородский антрепренер Д. И. Басманов, артист-любитель Е. В. Михельсон, нижегородский губернский предводитель дворянства А. Б. Нейдгардт, писатель Е. Н. Чириков, знаменитый меценат С. Т. Морозов, графиня С. В. Панина, Ф. И. Шаляпин и К. С. Станиславский (Алексеев).

МХТ, которые должны были составить основной состав новой труппы (актрис О. М. Бонус, М. П. Лескову, К. Л. Соколову, Л. Ю. Тарину, В. В. Шумилину; вскоре, в дополнение к первоначальному составу, в труппу были приглашены еще несколько профессиональных актеров и около трех десятков нижегородских артистов-любителей, в числе последних был и известный писатель Е. Н. Чириков) [4, л. 4–4 об.]. Много позднее, приведя мнение актера М. С. Нарокова об отсутствии у Тихомирова яркого таланта, Малиновская в своих мемуарах отметила: «Я думаю, что в нашем деле он был максимально подходящим руководителем. Впоследствии я имела дело с ярчайшими режиссерами, перед которыми И. А. Тихомиров несомненно должен отступить, но не представляю, как бы они справились в условиях нашего Народного Дома. Ставить 20 пьес в сезон с труппой, в которой 12 человек профессионалов, а 33 любителя, из которых все где-то служили и отдавали театру только свободное от службы время. Работать в необорудованном еще помещении, без всякого имущества, в окружении энтузиастов, но ничего в этом деле не понимающих – кто взялся бы за это дело, у кого хватило бы терпения справиться с ним. А И. А. Тихомиров справился» [4, л. 7–7 об.].

Близкое участие в жизни театра принял и Л. А. Сулержицкий, впоследствии известный режиссер. Малиновская тепло вспоминала о нем: «В это время у Пешковых жил Л. А. Сулержицкий¹ или, как все его звали, Суллер, впоследствии помощник К. С. Станиславского, создатель и руководитель Первой Студии Художественного театра, а до того перечислить его занятия нет возможности. Достаточно для характеристики указать несколько, а именно: на средства, собранные Л. Н. Толстым, к которому он был очень близок, возил духоборов в Америку и два года пробыл с ними, организуя им новую жизнь; участвовал в подпольной типографии; за отказ от воинской повинности был сослан в отдаленную крепость Кушку; был водовозом; помогал художнику Васнецову расписывать Киевский собор; неоднократно возделывал землю и т. п. Зимой 1903–04 года он помогал П. П. Малиновскому по художественной отделке пароходов. Суллер обладал исключительным организаторским талантом, отличался художественным вкусом и внутренней культурой, был неисчерпаемо весел и, где бы он ни находился, всегда был душой общества. Он прекрасно владел приятным, хотя и небольшим тенором, и пение его всегда доставляло большое удовольствие. В нашем театре он, как и Алексей Максимович, никем не был, но все свободное время проводил с нами и по своей натуре, с его исключительным темпераментом, не мог не влиять на нашу работу. Где бы он ни был, он всюду вносил жизнь, критиковал иногда основательно, но в такой форме, что на него не обижались и внимательно прислушивались. Своими шутками он сглаживал всякие шероховатости и наши огорчения от бесчисленных

¹ Такое написание фамилии в тексте документа.

трудностей в работе, а вечерами, особенно когда он был в настроении – стон стоял от его изобретательности» [4, л. 6 об.].

17 ноября 1903 г. «организаторы спектаклей» подписали с Обществом распространения начального образования (владевшим Народным домом) договор об аренде здания на три сезона, обязавшись уплачивать 10 % от валового сбора с каждого спектакля, за исключением благотворительных. Подписи под договором поставили А. М. Пешков, А. К. Гейнце, И. О. Пиотровский (видимо, его можно отождествить с дядей известного театроведа и киноведа А. И. Пиотровского, в нижегородской семье которого последний провел детство и юность [9, с. 11]), Е. П. Пешкова, Е. К. Малиновская, П. П. Малиновский, М. А. Волжина (мать Е. П. Пешковой, теща Горького), И. А. Тихомиров и Е. В. Михельсон [10, л. 1–3]. Из девяти арендаторов Народного дома пятеро принадлежали к двум семьям (Пешковых-Волжиных и Малиновских), что придавало всему предприятию определенный семейно-дружеский характер. 14 декабря 1903 г. в торжественной обстановке происходило открытие самого Народного дома. После молебна «в присутствии многочисленной публики» началось торжественное заседание Общества распространения начального образования в Нижегородской губернии. Собрание «неоднократно и горячо» приветствовало председателя строительного комитета А. Б. Нейдгардта, архитектора П. П. Малиновского и «всех, поработавших для сооружения нового просветительного учреждения» [3, с. 356–357]. Теперь уже ничто не могло помешать началу спектаклей.

Девять пайщиков быстро взялись за дело, и менее чем через месяц после подписания договора театр распахнул свои двери для публики. «Открытие спектаклей в народном доме общества распространения начального образования в нижегородской губернии состоялось во вторник 16-го декабря», отмечал корреспондент местной газеты. «Зал был полон, спектакль (шла “Царская невеста”) произвел прекрасное впечатление. Сбор дал 365 рублей. В день спектакля от Ф. И. Шаляпина была получена следующая телеграмма: “Передайте мою искреннюю радость режиссеру и актерам по поводу открытия спектаклей в народном доме. Пусть брошенная искра самосознания и света разгорается и блеснит подобно чистой звезде в сердцах дорогого народа”» [11, с. 380]. Так, с оперы Н. А. Римского-Корсакова, впервые поставленной всего лишь четыре года назад в 1899 г. в оперном театре С. И. Мамонтова [12, с. 667] (на выбор произведения, возможно, повлияла рекомендация Ф. И. Шаляпина, близко знакомого с Мамонтовым и певшего в его труппе) началась история общедоступного театра на Острожной площади (на ней было построено здание Народного дома), как его часто именовали в прессе. В дальнейшем труппа давала преимущественно драматические спектакли [4, л. 7 об. – 8 об.].

Члены правления театра распределили между собой обязанности: Гейнце вел финансовые дела и был казначеем, Михельсон исполнял

административные обязанности и был ответственным за спектакли лицом, Пешкова ведала костюмерной частью, а П. П. Малиновский занимался необходимыми усовершенствованиями в здании. «На моей обязанности было доставать все, что надо, для спектакля», вспоминала Е. К. Малиновская. «Когда мы начинали наше дело – у нас ничего не было. Делать все, что требовалось для постановок, не было ни времени, ни средств, особенно принимая во внимание принципы Художественного театра, проводимые Тихомировым. Поэтому он давал перед каждым спектаклем перечень всего необходимого, и надо было все это добыть у нас самих или у лиц, сочувствующих нашему театру. <...> Обставлялось все прекрасно, но как нам все давали – удивительно! Например, на одну постановку мы каждый раз получали роскошную мебель из дома предводителя дворянства, для другого спектакля брали серебряный сервиз от крупного капиталиста. На следующее утро все предметы в полной сохранности возвращались владельцам». Из всех членов правления один находился в особом положении: «А. М. Пешков, конечно, не нес никаких обязанностей, но был в курсе всех наших дел и, как мог, помогал, а главное, вдохновлял» [4, л. 6].

Вопреки мемуарам Елены Константиновны, нижегородский театр довольно быстро наскучил уехавшему в столицу Горькому. К этому примешивалось и нарастающее раздражение в адрес Малиновской, мягко подталкивавшей его, ушедшего из семьи к М. Ф. Андреевой, к возвращению к жене (кроме того, Горький подозревал Малиновскую в распространении текста своей поэмы «Человек»). 16 февраля 1904 г. писатель жаловался оставленной им супруге, что в Петербурге ходят по рукам списки «Человека» («Источником мог быть только Нижний, а в Нижн. только Елена»): «Будь добра сказать ей от моего имени, что это свинство. Судя по твоим письмам, она и муж начинают показывать себя с другой стороны? Мне очень жаль тебя, если так. С ней ты была ближе, чем с другими. Советую тебе: хочешь избежать разочарований в людях? имей возможно больше врагов и – ни одного друга, по возможности. Вообще – не подходи близко к людям, если ты не занимаешься изучением их ради каких-либо практических целей». Е. П. Пешкова не последовала циничному совету покинувшего ее мужа, сохранив на многие годы дружеские отношения с Е. К. Малиновской (да и сам Горький продолжал поддерживать с ней знакомство). В том же письме он признавался Пешковой: «Нардом – надоел мне, чорт бы его взял. Это неудачное детище» [13, с. 48–49].

Лишившись участия своего «вдохновителя» (а также, возможно, и покровительства А. Б. Нейдгардта, назначенного весной 1904 г. Екатеринославским губернатором [14, с. 334]), продавая билеты на спектакли по «весьма доступным ценам – от 20 коп. до 1 рубля» [8, с. 3], оказавшись в условиях вызванного началом Русско-японской войны экономического кризиса, руководимый правлением, состоящим из

неопытных любителей (так и не дождавшихся запланированных изначально гастролей МХТ в Нижнем [15, с. 532]), общедоступный театр в Народном доме просуществовал один сезон. К неудаче привели и цензурные стеснения в вопросах репертуара (разрешалось ставить лишь то, что было утверждено для народных домов), и конкуренция со стороны городского театра, обладавшего «довольно сильной труппой» [8, с. 3]. Последний спектакль общедоступного театра в Народном доме состоялся 17 мая 1904 г. [4, л. 8 об.]; закрывшееся предприятие оставило своим пайщикам около 12 тысяч убытков, из которых десять тысяч составлял пайевой капитал, а прочее – перерасход [15, с. 532].

Несмотря на неудачу, постигшую труппу, история театра на Острожной площади оставила яркий след не только в культурной жизни Нижнего Новгорода, но и в биографиях самих пайщиков. А. М. Горький приобрел небесполезный для драматурга опыт близкого и вовлеченного наблюдения за театральным процессом. Е. К. Малиновская впервые изнутри увидела мир театра, поучаствовала в организации его деятельности. Проведенные в Народном доме полгода, несомненно, запомнились ей, а извлеченные из работы в правлении уроки пригодились впоследствии, после революции, когда на протяжении многих лет ей довелось управлять лучшими театрами столицы СССР.

Источники и литература

1. С. Г. [Ганцевич С.М.]. Малиновская Елена Константиновна // Театральная энциклопедия. Т. III. М.: Советская энциклопедия, 1964.
2. Нифонтов Л.А. Архитектор П. П. Малиновский. Горький, 1973.
3. Открытие народного дома в Нижнем-Новгороде // Нижегородская земская газета. 1903. 18 дек.
4. Воспоминания об общедоступном театре в Нижнем Новгороде // Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 1933. Оп. 2. Д. 4.
5. Народный дом // Нижегородская земская газета. 1903. 11 сент.
6. Малиновская Е.П. Народный дом в Нижнем Новгороде // Огонек. 1975. № 44.
7. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. М., 1997. Т. 3.
8. Мих. Д. Театр Горького в Нижнем. Воспоминания Е. К. Малиновской и М. С. Нарокова // Вечерняя Москва. 1932. 23 сент.
9. Цимбал С.Л. Адриан Пиотровский: его эпоха, его жизнь в искусстве // Пиотровский А.И. Театр. Кино. Жизнь. Л., 1969.
10. Договор Е. К. Малиновской, А. М. Горького, Е. П. Пешковой, И. А. Тихомирова и др. с Нижегородским обществом распространения начального образования об аренде здания для спектаклей. Черновик // РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 73.
11. Текущие сведения // Нижегородская земская газета. 1903. 23 дек.
12. Н. Гр. [Григорович Н.Н.]. «Царская невеста» // Театральная энциклопедия. Т. V. М., 1967.
13. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. М., 1998. Т. 4.
14. А. Б. Нейдгарт // Нижегородская земская газета. 1904. 3 апр.
15. Неудача // Нижегородская земская газета. 1904. 20 мая.

Е. Р. Курапова
кандидат исторических наук
Российский государственный архив экономики

ПРАВИТЕЛИ РОССИИ НА СТРАНИЦАХ ДНЕВНИКОВ М. В. НЕЧКИНОЙ: ОТ НИКОЛАЯ II ДО Л. И. БРЕЖНЕВА

Аннотация. Бурный XX век вместил в себя историю трех российских государств, оказал влияние на судьбы миллионов людей. Имена правителей страны вошли в главы официальной истории и оставили след в частных документальных свидетельствах эпохи. Уникальным историческим эго-комплексом являются дневники известного советского историка М. В. Нечкиной, охватывающие записями период семи десятилетий XX века – с 1913 по 1984 г. Автор, как современник целой плеяды лидеров страны, фиксировала их имена на дневниковых страницах. В каких жизненных ситуациях и по каким информационным поводам это происходило, излагается в публикуемой статье.

Ключевые слова: история России; М. В. Нечкина; Дом Романовых; В. И. Ленин; И. В. Сталин; правители России; оттепель; культ личности; история науки.

Известный советский историк, академик АН СССР (1958), специалист в области общественной мысли, историографии и истории исторической науки М. В. Нечкина (1899–1985) на протяжении всей жизни вела дневники [1]. Первые записи были сделаны в гимназические годы (1913), последние (1984) – за год до кончины. На протяжении этих семи десятилетий XX столетия М. В. Нечкина была современницей целой плеяды руководителей страны – от Николая II до Л. И. Брежнева. Каждый из правителей – Николай II, В. И. Ленин, И. В. Сталин, Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев – оставили свой след в истории эпохи. Свое влияние этот след имел и в истории жизненного и творческого пути М. В. Нечкиной. Какие жизненные ситуации и информационные поводы – явные и подспудные – обусловили появление этих имен на страницах дневников М. В. Нечкиной? Рассмотрение темы предполагается вести с двух позиций / категорий, в которых выступает автор дневников: гражданина (члена социума) и профессионального историка.

Николай II. С императорским Домом Романовых будущий историк движения декабристов М. В. Нечкина была «связана» своим именем: девочку называли в честь Милицы Черногорской – дочери короля Черногории Николая I, супруги великого князя Петра Николаевича, внука императора Николая I [1, с. 7]. Празднование 300-летия Дома Романовых в 1913 г. дало информационный повод гимназистке Милице Нечкиной зафиксировать в дневнике февральские торжества в Казани, где тогда жила семья директора Промышленного училища В. И. Нечкина. Описывая

празднично украшенные основные городские здания на центральных улицах города, гимназистка отметит: «На доме главнокомандующего не было ничего, кроме флагов. [А. Е.] Зальца уехал представляться государю», а электрический вензель из лампочек на Коммерческом училище – «М[ихаил]. Н[иколай].» девочка озорно расшифрует свои именем и фамилией: «Милица Нечкина» [1, с. 62].

В. И. Ленин. С приходом Советской власти, в мае 1920 г. на страницах дневников впервые встречается имя В. И. Ленина. Студентка исторического факультета Казанского университета М. В. Нечкина подготавливала выпускное университетское сочинение на тему «Русская история в освещении экономического материализма. Историографический очерк» и «решила составить особый список главных марксистов и их трудов, поименный и хронологический». Для этого в университетской библиотеке она искала «по всем словарям: старому и новому Брокгаузу, новому Гранату, Большой энциклопедии, Русской энциклопедии» и «рылась в шкафу с революционной литературой, смотрела книги Ленина». Спустя неделю «просматривала Вл. Ильина “Развитие капитализма в России”, СПб, 1908», после чего «думала о труде Вл. Ильина (Ленина)» [1, с. 167–169]. Спустя четыре года преподаватель политэкономии Казанского рабфака М. В. Нечкина с группой товарищей собиралась в долгосрочную научную командировку в Москву, отъезд был запланирован на 24 января. Вдруг – «21 января, 6 часов 50 минут вечера – смерть Ленина ... Страшно тяжело – как родной умер. Вечером решали ехать завтра ... чтобы поспеть к похоронам». 25 января «были у гроба Ленина», 27 января «была на похоронах Ленина. (Семь часов на морозе в –26°)» [1, с. 278].

Дневниковые записи М. В. Нечкиной первых лет Советской власти полны драматического описания окружающего ее мира: хаос, разруха, аресты, голод, смерть. Тяжеловесный ход российской истории затронул и ее саму: умерли от голода в Поволжье ее бабушка и родная тетка, эмигрировали, не приняв Советскую власть, близкие ей люди – профессор медицины Г. Я. Трошин, в которого Милица была влюблена, и старший брат, сторонник партии кадетов Б. В. Нечкин. Семья бывшего директора Промышленного училища В. И. Нечкина начала ощутимо испытывать значительные материальные трудности. Насколько осознавала сопричастность российских государственных лидеров к происходящему в ее судьбе вступавшая в жизнь студентка университета, профессорский стипендиат Восточного педагогического института, преподаватель Казанского рабфака Милица Нечкина?

В первой половине 1930-х гг. научный сотрудник Института истории Коммунистической академии М. В. Нечкина была занята научной работой в области ленинианы: составляла библиографический [2] и тематический [3] указатели, готовила статью «Гоголь у Ленина» [4]. Дневниковые страницы 1931, 1933 гг. пестрят фразами «Работала над Лениным (много)», «сплошь работа над Лениным». Интенсивность работы была

высока, и даже в день 14-летия Октябрьской революции историк «демонстрацию проспала, а очень хотела пойти» [1, с. 313].

На следующие два десятилетия имя В. И. Ленина исчезнет со страниц дневников М. В. Нечкиной, и появится вновь в год 40-летия Октябрьской революции. В 1957 г. вышел в свет первый номер журнала «История СССР», для которого М. В. Нечкина «дала свои замечания» [1, с. 396] на статью главного редактора журнала М. П. Кима «В.И. Ленин об общеисторических закономерностях и своеобразии советского опыта социалистического преобразования и международном значении этого опыта». В начале 1960 г. велась подготовка совместной с этим автором [5] статьи по лениниане «для ленинского» номера издания [1, с. 415], а в декабре 1961 г. историк для этого журнала «написала большую рецензию» [1, с. 429] о статье Ш. М. Левина «Революционное народничество 70-х годов в оценке В. И. Ленина». Спустя полгода, в июле 1962 г., М. В. Нечкина «приготовилась к весьма острому обсуждению хода дискуссии о народниках в журнале», в дневнике она так определила свою позицию: «я – за дискуссии, но на большом фактическом материале, на архивах – чтобы было исследование вопроса. А нас кормят статьями из цитат Ленина, в духе дискуссий конца 20-х – нач. 30-х гг.! Нельзя спорить, кто “лучше” понимает Ленина и все! Чепуха! Таких дискуссий сейчас нет» [1, с. 430].

Вторая половина 1960-х гг. в Академии наук СССР была отмечена проведением двух научных сессий, посвященных В. И. Ленину. В обеих сессиях академик приняла участие, зафиксировав этапы подготовки к выступлениям в дневнике: в 1965 г. в Киеве в докладе «В. И. Ленин – историк революционного движения в России» [1, с. 465] и в 1969 г. в Москве с темой «Ленинская концепция истории России как историческое обоснование социалистической революции» [1, с. 485]. В год кануна 100-летнего юбилея В. И. Ленина, в 1969 г., М.В. Нечкина была востребована как рецензент книг ленинской тематики: работы А. Г. Черных «Ленин – историк пролетарской революции в России» [1, с. 484] и сборника «Произведения Ленина для учащихся средней школы» [1, с. 489], а в серии «Новое в жизни, науке, технике» [1, с. 491] выпустила свою книгу [6].

И. В. Сталин. 25 ноября 1936 г. М. В. Нечкина оставила в дневнике запись об открытии VIII-го Чрезвычайного съезда Советов: «Слушала доклад Сталина по радио. В первый раз слушала Сталина. Никогда не забуду» [1, с. 340]. Это первое упоминание имени вождя в дневнике историка. Следующее датируется 20 марта 1938 г.: М. В. Нечкина сделала доклад на политкружке АН СССР на тему «Сталинское понимание науки – ключ к истории СССР» [1, с. 344]. В «перерыве» между этими записями был расстрелян ее брат Б. В. Нечкин, вернувшийся в 1935 г. в СССР из Харбина, ее муж Д. А. Эпштейн был исключен из членов партии «в связи с арестом брата» [7] – известного политического деятеля А. Я. Яковлева (Эпштейна). Протоколы допросов последнего Сталин просматривал лично

[8, с. 387–395, 396, 399]. 29 июля 1938 г. он также был расстрелян. Возникало ли имя вождя в мыслях историка в связи с такими страшными, бесчеловечными событиями в жизни ее семьи?

Осенью 1941 г. М. В. Нечкина вместе с Историческим факультетом МГУ, где преподавала курс истории СССР с середины 1930-х гг., была эвакуирована в Ташкент. Основным видом деятельности стало чтение лекций с пропагандой исторических знаний в целях патриотического воспитания населения [9]. В телеграфном стиле названия лекций и место выступления историк фиксировала на страницах дневника. Согласно им, в августе 1942 г. историк прочитала четыре лекции в «Академии им. Сталина» (Военная академия бронетанковых и механизированных войск Красной Армии), в том числе 5 августа на тему «Мужественный образ наших предков» (А. Невский, Д. Донской, К. Минин), а вечером 20 августа та же лекция состоялась в городском «Парке Сталина» [1, с. 352].

Зримый визуальный и эмоциональный «сталинский» след на страницах дневников оставили события весны 1953 г.: 2, 4 и 5 марта синим карандашом, поверх основного чернильного текста своих записей лауреат Сталинской премии (1947) за монографию «А. С. Грибоедов и декабристы» М. В. Нечкина вписывает фразы о болезни и смерти «тов. Сталина» [1, с. 375]. С 6 по 9 марта, также одной/двумя фразами, следуют записи о формировании делегации Института истории АН СССР «ко гробу» и «на похороны» [1, с. 375–376]. Не попав в итоге ни в одну из делегаций «большой» Академии, историк выступила на траурном митинге в Академии педагогических наук РСФСР [1, с. 376].

Спустя 10 лет, уже в годы хрущевской оттепели имя И. В. Сталина вновь присутствует на страницах дневников, теперь в формулировке «культ личности Сталина» [1, с. 430]. Впоследствии фраза «утратит» фамилию. Ситуативно речь идет о статье в журнале «История СССР» и советско-итальянской встрече историков. Летом 1962 г. историк «прочла очень спорную статью» А. В. Фадеева «о колониальной политике царизма» для этого журнала и выступала на заседании редколлегии. В дневнике она зафиксировала «мою позицию»: автор статьи полагает, что «тезис о том, что в присоединении народов к России была и положительная сторона (общение народов и др.) ... это характерно для лет культа личности Сталина. ... Но у Сталина нет ни слова об этом. Сталин даже присоединение Грузии считал злом, хотя и наименьшим. Выходит возврат к старому» [1, с. 430]. В октябре 1964 г. в Москве состоялась советско-итальянская конференция историков, посвященная проблемам историографии. М. В. Нечкина выступила с докладом «10 лет работы (1954–1964) советских историков над историей России с конца XVIII в. по 1917 г.» [10]. Накануне она в отделе кадров Института истории АН СССР «с ужасом читала свой исковерканный начальством ([В. М.] Хвостов, ЦК, два отдела – идеологический и международный, Главлит) доклад для

итальянцев! Вычеркнут весь культ личности!» [1, с. 456]. Завершением «сталинской» темы в период 1960-х гг. можно считать дневниковую запись историка от 23 июня 1965 г.: «10 ч. У [С. П.] Трапезникова. Совещание ... о положении с исторической наукой, падении ее престижа, конъюнктурщине... Лозунг «Пишите правду» (заполняется содержанием «Хвалите Сталина»). Поворот, опять!!! (Я подготовила выступление, но не выступала)» [1, с. 467].

Н. С. Хрущев. Имя Н. С. Хрущева упоминается в дневниках М. В. Нечкиной дважды – в 1962 и 1964 гг. В июне 1962 г. было необходимо «Сверхспешно! Составить “справку” о варяжском вопросе для ЦК КПСС (по стилю спешки и типу суеты – не для Хрущева ли?..)» [1, с. 429]. М. В. Нечкина «встала ... в 5 ч. утра и написала к 12-30», предоставив текст в субботу, а не в понедельник, как было поручено. Текст ее «Справки о “варяжском вопросе” и о борьбе “норманистов” с “антинорманистами”» состоит из трех частей: «Определение темы», «Летописное свидетельство о “призвании варягов” и его состав», «Несколько моментов историографической борьбы вокруг “варяжского вопроса”» [1, с. 709–710]. Спустя два года, 15 октября 1964 г. историк выступала на защите докторской диссертации Е. Н. Городецкого на тему «Великая Октябрьская социалистическая революция и создание советского государства». «Во время заседания стало известно о “снятии” Н. С. Хрущева», – записала она в дневник [1, с. 457].

Образ экспрессивного советского лидера легко угадывается и в дневниковых записях М. В. Нечкиной 1963 г. без упоминания его имени. Историк воспроизводит некоторые «звонкие» эпитеты Н. С. Хрущева 1962–1963 гг. в адрес представителей художественной, литературной и кинематографической общественности, фиксирует ответную реакцию, сопровождая эти записи своими фразами «ужас!», «здорово!», «говорят, что было...» [1, с. 433].

Л. И. Брежнев. Имя генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева дважды встречается на страницах дневников – в 1965 и 1982 гг., оба раза – накануне Дня Победы. 8 мая 1965 г. М. В. Нечкина и Д. А. Эпштейн по телевидению смотрели «торжественное заседание в честь Дня Победы ... появление маршала Жукова и аплодисменты в его честь», «но увы! – слышали аплодисменты и при словах Брежнева “Иосиф Виссар. (так!) Сталин”!» [1, с. 464]. 7 мая 1982 г. историк в Кремле «получила орден Ленина (третий)», и «по поручению Кузнецова (заместитель Брежнева) говорила речь» [1, с. 578]. При этом имеется ряд записей, связанных с советским лидером, но не содержащих упоминания его фамилии. 19 октября 1964 г. М. В. Нечкина пишет: «По телевизору: космонавты (трое), первое выступление нового правительства». Именно в этот день Л. И. Брежнев впервые публично появился в качестве руководителя партии, устроив прием членов экипажа космического корабля «Восход-1» В. М. Комарова, К. П. Феоктистова и Б. Б. Егорова.

29 марта 1966 г. исследователь кратко упомянула в дневнике «открытие 23 съезда КПСС» [1, с. 474], на котором отчетный доклад ЦК КПСС представил Л. И. Брежнев.

Небезынтересно отметить, что уже с XIX съезда партии историк могла войти в партийную элиту страны, став членом ЦК партии. В октябре 1952 г., в период проведения съезда в Управлении кадров АН СССР была запрошена «справка-объективка о профессоре М. В. Нечкиной – известном историке». Данные были предоставлены, однако они не содержали данных о партийности историка. На это обратили внимание в Отделе науки ЦК партии, выразив неудовольствие сотруднику кадровой службы академии. Однако никакой ошибки здесь не было: М. В. Нечкина никогда не была членом партии. В итоге ее кандидатура была заменена на кандидатуру А. М. Панкратовой [11].

В записях историка начала 1969 г. есть лапидарная фраза о том, что «отчет за 1968 год (по Академии наук СССР) написала 21 февраля 1969 (!) – страшно поздно ... из-за истории с “Советской Россией”» [1, с. 484]. Изучение архивных материалов предположительно позволяет связать разрешение ситуации с именем Л. И. Брежнева. Вышедшему в 1968 г. пособию М. В. Нечкиной и П. С. Лейбенгруба «История СССР» для седьмого класса средней школы была присуждена первая премия АПН СССР. Газета «Советская Россия» подвергла это решение сомнению, и содержательно и организационно: были опубликованы отрицательные отклики на книгу, утверждалось, что «председателем комиссии АПН СССР, призванной рекомендовать лучший учебник, является М. В. Нечкина». Историк обратилась в ЦК КПСС, куда 4 декабря 1968 г. поступило ее письмо на имя Л. И. Брежнева [1, с. 738–739]. Автор указывала на односторонность опубликованных газетой откликов, поясняя, что никогда не была председателем комиссии по премиям АПН СССР. 1 марта 1969 г. в газетном материале «Учебник будет улучшен» редакция признала ошибочным утверждение о членстве историка в комиссии по присуждению премий.

Такова вкратце своего рода «история» присутствия имен первых лиц государства – от императора Николая II до генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева в дневниках известного советского историка М. В. Нечкиной. Как показано в статье, по результатам анализа первоисточника в контексте жизненного и творческого пути автора дневников, в наибольшей степени это имеет отношение к историческим фигурам В. И. Ленина и И. В. Сталина, применительно к которым автор дневников выступает и как гражданин, и как профессиональный историк.

Источники и литература

1. «...И мучилась, и работала невероятно». Дневники М. В. Нечкиной / отв. ред. Е. И. Пивовар, подгот. к печати Е. Р. Курапова. М., 2013.

2. Нечкина М.В. Ред: Ленин о процессах формирования и экономическом положении пролетариата в эпоху царизма: Библиограф. указ. / сост. Б. И. Горев и др. // История пролетариата СССР. 1933. Сб. 4.
3. Нечкина М.В., Харламова Е.Н. Ленин о западно-европейском революционном движении: (С крестьян. войн 16 в. до Париж. Коммуны). Аннот. указ. лит. // Историк-марксист. 1934. Т. 1.
4. Нечкина М.В. Гоголь у Ленина // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л. 1936. Т. 2.
5. Нечкина М.В., Ким М.П. В. И. Ленин о роли народных масс в истории // История СССР. 1960. № 2.
6. Нечкина М.В. Художественные образы русской литературы в произведениях В. И. Ленина. М., 1969.
7. Научный архив Российской Академии образования. Ф. 25. Оп. л/д. Д. 5788.
8. Лубянка. Сталин и Главное управления госбезопасности НКВД. Архив Сталина: Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004.
9. Курапова Е.Р. Москва–Ташкент–Тегеран: мироощущение и профессиональная деятельность историка М. В. Нечкиной // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память. Материалы Международной научной конференции. Сер. «II: Исторические исследования, 129. Труды исторического факультета МГУ. Выпуск 194». 2021.
10. Курапова Е.Р. Из истории международных научных контактов академика М. В. Нечкиной: явное и подспудное // Архивный поиск: сборник научных статей и публикаций. Вып. 5. М., 2022.
11. Виноградов В.А. Мой XX век. Воспоминания. 2-е изд. М., 2005.

Н. И. Чаплыгина
кандидат исторических наук
Курский государственный университет

ЛЮДИ ЗЕМЛИ КУРСКОЙ: Г. Л. БОЛЫЧЕВЦЕВ, В. В. ОВЕЧКИН И Е. И. НОСОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В настоящей работе на документальных материалах, хранящихся в Государственном архиве Курской области, показаны основные этапы творческого пути двух именитых курян – Г. Л. Болычевцева и В. В. Овечкина.

Ключевые слова: Государственный архив Курской области; архивные материалы; биография; Г. Л. Болычевцев; В. В. Овечкин.

Фонды Государственного архива Курской области бережно хранят материалы о наших земляках, которые прославили не только родные края, но и нашу Родину. Курская земля всегда была богата талантами. Весь мир знает такие имена как М. С. Щепкин, крепостной актер, В. Г. Шварц, исторический живописец-реалист, К. А. Трутовский, художник-бытописатель; Г. И. Шелихов, известный мореплаватель, Ф. А. Семенов, выдающийся астроном; В.В. Петров, талантливый физик и электротехник;

А. Г. Уфимцев, удивительный изобретатель, и многие другие. Однако практически в каждом селе, райцентре были люди не равнодушные душой, стремящиеся улучшить жизнь своих земляков, зажечь лучину новых знаний.

Одним из этой когорты был Глеб Леонидович Большевцев. Он родился в 1891 году. Блестяще закончил Московскую консерваторию. Его юность и молодость совпала с переломными этапами в жизни страны. В 1917 г. ему было только девятнадцать лет. Революция резко изменила его жизнь. Общественный энтузиазм и одновременно разруха, многочасовые споры о будущем России и холод, желание разобраться в сложной ситуации и тяготы гражданской войны – все переплелось в судьбе этого неординарного человека.

Волею сложных социальных катаклизмов он оказался в 20-х годах XX века учителем средней школы в селе Н. Теребуж Щигровского уезда. Октябрьские события способствовали пробуждению огромной массы населения к активной общественной жизни. Многие были тогда в новинку. Очевидно, было одно, люди хотели быть хозяевами своей судьбы. Они активно включились в переустройство старой жизни, страстно хотели учиться и познавать новое. Одаренный музыкант и в сельской глуши не бросил заниматься любимым делом. В селе организовывал музыкальные вечера, сам пропагандировал лучшие произведения русской и зарубежной классической музыки. В этих вечерах принимали участие профессор Э. К. Розонов, певица М. Н. Володина и др. На концерте проф. Э. К. Розонова было проведено анкетирование слушателей. На первое место они поставили «Лунную сонату» Бетховена, затем произведения Листа, Шуберта, Шопена, Глинки и т. д. [1, с. 11].

Местные власти заметили активного молодого человека и рекомендовали его на работу в областной центр. После сельской глуши Курск для него был словно столица. Здесь все было по новому, неожиданно и сложно. Г. Л. Большевцеву улыбается удача. Его берут концертмейстером в Курскую филармонию. Концерты, которые он готовил, всегда отличались яркостью, эмоциональностью, высоким профессиональным мастерством, что всегда привлекало на его выступления не только профессионалов, но и простых слушателей. У него быстро появились свои поклонники и почитатели. Завоевать авторитет было сложно, так как у курян были неплохие традиции музыкальной жизни. Например, до революции в городе действовал симфонический оркестр. Многие музыканты из его состава окончили Петербургскую, Варшавскую, Прусскую и другие консерватории. Дирижировал оркестром М. М. Аманьяк. До этого он более 20 лет, проработал в Мариинском театре Петербурга и одновременно в оркестре Императорского балета [2, л. 16].

С 1915 г. существовал великорусский оркестр, под управлением тонкого знатока русской народной музыки Г. Иоффе. С участием его коллектива в Курске возникло немало самодеятельных ансамблей, бережно сохранивших народные песни и танцы. Оркестр нередко давал

благотворительные концерты, средства от которых направляли, прежде всего, детям из малообеспеченных семей, обучавшихся в Курской народной музыкальной школе [3, л. 15]. Также у горожан была возможность посещать выступления хора, камерного и духового оркестров, имевшихся при профессиональном театре курских железнодорожников.

Для объективной оценки следует отметить, что переход к рыночным отношениям в 20-е годы тяжело отразился на состоянии всей культурной жизни губернии. В годы НЭПа прекратили существование многие творческие профессиональные коллективы. В середине 20-х годов из-за финансовых трудностей распался симфонический оркестр. В силу происходившей коммерциализации искусства не удалось сохранить и оркестр народных инструментов. Не нашлось в эти годы в городском бюджете средств и для содержания хора, камерного и духового оркестров. [3, л. 14]

Г. Л. Болычевцеву пришлось много работать, чтобы завоевать симпатии курян. Деятельность на музыкальной ниве, которая, казалось, только стала приносить первые успехи, внезапно прервала война. Она круто поменяла не только планы, но и судьбу. Вновь вихри перемен закружили Глеба Леонидовича. Вновь все резко изменилось вокруг.

Жизнь стала налаживаться лишь после окончания Великой Отечественной войны. Вскоре после освобождения Курска от фашистов в 1943 г. Г. Л. Болычевцев организует бригаду из девяти человек, которая с концертами выступала в госпиталях, селах области. Сам же Глеб Леонидович жил материально очень трудно. Если в 1945 году его оклад составлял 800 рублей, то с 1 января 1946 года его сократили в два раза и зимой деньги не выдавали совсем. Из госпиталя выписали сына, тяжелобольного туберкулезом. Квартира не отапливалась, из-за отсутствия электричества приходилось работать при коптилке. А в семье не было даже одеяла, поэтому ночью укрывались верхней одеждой, отсутствовали зимнее пальто, костюм, единственная обувь – рваные валенки [3, л. 45]. Но Г. Л. Болычевцев упорно работал, неся людям знания и духовное наслаждение.

Победа в войне дала всплеск самосознания и надежды на серьезные изменения в политической и экономической системе СССР. Но в послевоенный период в общественно-политической, культурной жизни вновь возобладали авторитарно-бюрократические тенденции. Летом 1946 г. было начато широкое наступление против самостоятельности культурной жизни. Первыми объектами нападок стали наиболее доступные для широких масс сферы культуры: литература, кинематограф, музыка. Это нашло яркое выражение в таких постановлениях ЦК ВКП(б), как «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «О кинофильме “Большая жизнь”», «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» и др. Деятели искусства

обвинялись в чрезмерном преклонении перед Западом, А. Жданов пустил в оборот такое клеймо, как «низкопоклонство». Им обозначалось преклонение перед западной культурой, которую целиком оценивали как отрицательную, не проводя различий между ее прогрессивными и консервативными направлениями. Не миновала эта волна и нашу область.

Из репертуара театра, филармонии стали сниматься работы иностранных авторов и насаждаться псевдорусские произведения: Руководство музыкального училища подверглось серьезной критике за то, что в концерте учащихся исполнялась музыка Моцарта, Шопена, Бетховена и др. [4, л. 24] Дело доходило иногда до курьезов. Так, в спектакле «Конек-горбунок» театра кукол радители идеологической чистоты усмотрели крамолу в том, что в отдельных эпизодах была слышна музыка Грига [4, л. 32]. В этой кампании были вынуждены участвовать и музыканты. На областной творческой конференции в 1948 г. представитель музучилища Брицкий утверждал, что «джаз – это антимзыкальное явление и, как ни странно, джазовую музыку усиленно культивируют в кино «Комсомолец» [4, л. 32]. Вскоре уже не только в этом, но и в других кинотеатрах города джазовой музыки уже не было слышно.

Искусству в этот период пытались придать узкоутилитарное значение, которое должно было лишь пропагандировать принятые партийные решения и воодушевлять советских людей на подвиги и новые трудовые подвиги. Так, в феврале 1950 г. бюро Курского обкома ВКП(б) решило снять с репертуара облдрамтеатра спектакль «Заре навстречу» за то, что в нем пропагандируется звеньевая система организации труда на зерновых культурах, осужденная ЦК ВКП(б) [4, л. 32]. Эта формулировка говорит не только о стиле партийного руководства, но и о той роли, которая отводилась искусству вообще. Этот период характеризуется некомпетентным руководством такой сложной сферой общественной жизни, как культура, вмешательством в творческий процесс, что приводило к появлению серых, безликих и бесконфликтных произведений.

Однако не все представители курской творческой интеллигенции пассивно созерцали, что делается в стране, в области, и поднимали свой голос протеста даже в сталинские времена. Одним из таких был Валентин Овечкин. Выступая в 1951 году на VI-й областной партконференции, в самый тяжелый период сталинщины, когда все выступавшие начинали и кончали свои выступления славословием в адрес «великого вождя», только в его выступлении имя Сталина ни разу не было упомянуто. В то время это уже было мужественным гражданским поступком [5, л. 54]. Но говорил Овечкин не о литературе, не об искусстве, а о сельском хозяйстве, которое тогда находилось в бедственном положении. И уже в начале своего выступления он сразу назвал главную причину – «система руководства колхозами...» [6, л. 168].

В своих книгах «Районные будни», «Трудная весна», пьесах «Навстречу ветру», «Летние дожди», «Время пожинать плоды», публицистических очерках «Рассказ об одной поездке» и других произведениях он неизменно обращался к деревенской теме, пытался привлечь внимание к проблемам сельского хозяйства страны. Он знал о них хорошо. Ведь он сам еще в 1925 г. возглавил созданную его односельчанами коммуны.

Очень многие его работы с большим трудом доходили до читателя или зрителя. В качестве примера можно привести окололитературную возню вокруг его пьесы «Навстречу ветру». Она была напечатана в журнале «Новый мир» и была принята к постановке в Московском театре им. Ермоловой. Но тут появилась в «Литературной газете» разносная статья литературоведа Дорофеева. Статья крикливая, недобросовестная, бездоказательная, рассчитанная на то, чтобы опорочить все творчество писателя. После этой публикации театр стал сворачивать работу над пьесой. И только благодаря вмешательству тогдашнего секретаря ЦК КПСС Е. А. Фурцевой театр вновь смог продолжить работу над пьесой. [7, л. 95]

Несмотря на то, что В. В. Овечкин с 1953 г. входил в состав редколлегии «Нового мира», с 1954 г. был членом правления Союза писателей СССР, жилось ему очень трудно. Трудно, потому что он не мог примириться с непродуманными реформами Н. С. Хрущева в сельском хозяйстве. С его непоследовательностью в преодолении последствий культа личности И. В. Сталина, с нарастающей бюрократизацией деятельности КПСС и так далее. Свои мысли по этим и другим вопросам он излагал в своих докладных записках в Центральный Комитет. Об одной из них, озаглавленной «О планомерности, рывках, работе на сводку и гражданском мужестве» А. Т. Твардовский писал Овечкину в частности: «Это так великолепно, нет, не то слово – так благородно, умно, смело, честно. Я прямо взволнован. Ради опубликования этой статьи я готов был бы вновь стать редактором, вновь быть снятым и хотя бы даже высеченным на площади» [8, с. 4].

Неравная борьба истощала силы как физические, так и духовные. В середине 1950-х гг. В. В. Овечкин делает первую попытку самоубийства (стреляется из малокалиберного карабина), позже еще одну, и, в конце концов, попадает в психиатрическую лечебницу.

В 1950-х гг. начинает творческую деятельность и Е. И. Носов, ставший впоследствии Героем Социалистического Труда. Его дебют состоялся на семинаре молодых прозаиков в г. Ленинграде. В отчете с семинара «Литературная газета» писала о новых литературных открытиях «Вчера одним из таких открытий, – говорилось в заметке, – оказались рассказы Евгения Носова – двенадцать небольших рассказов, очень поэтических, точно и “вкусно” сделанных. У молодого прозаика отличная способность видеть новое в привычном, обыденном. Рассказы его по-

настоящему гуманистичны» [7, л. 116]. В своих последующих работах «Моя Джомолунгма», «Где проснется солнце», «Лунное затмение», «За долами, за лесами», «Усвятские шлемоносцы» и во многих других ярко выражена общественная позиция автора. Читателя также привлекает его умение передать красоту родной природы, сохранить в тексте живой и сочный народный говор, дать свое видение мира. Евгения Ивановича всегда отличало желание быть в гуще событий, он никогда не уходил от обсуждения острых социальных вопросов. Он был этому верен и до конца своей жизни.

Благодаря активности В. В. Овечкина и Е. И. Носова в июле 1958 г. состоялось организационное собрание курских писателей. Первоначально отделение Союза писателей появилось как межобластное. В него вошли писатели Курской, Орловской, Брянской, Тульской и Тамбовской областей. Позже Курское отделение выделилось в самостоятельную организацию. В 1961 г. в него вошли 9 членов: М. М. Горбовцев, Н. А. Григорьева, М. М. Колосов, Н. Ю. Корнеев, Е. И. Носов, В. В. Овечкин, М. М. Обухов, Е. И. Полянский, Н. С. Краснов. Все они к этому времени неоднократно издавались. Курское отделение проводило разностороннюю организационно-методическую работу с молодыми литераторами и любительскими литобъединениями. Они существовали в этот период в Дмитриеве, Льгове, Фатеже, Понрях, Золотухино, Свободе, Судже, Обояни, Щиграх, в педагогическом и медицинском институтах.

Источники и литература

1. Музыка и революция. Художественно-политический массовый журнал музыкального искусства. 1927. № 11.
2. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 231.
3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-5371. Оп. 1. Д. 26.
4. ГАКО. Ф. Р-3163. Оп. 2. Д. 66.
5. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1205.
6. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1426.
7. ГАКО. Ф. Р-372. Оп. 1. Д. 29.
8. Цит.: по: Овечкин В.В. Не знаешь – не пиши // Литературная газета. 1990. № 48.

**ЖИТЕЛИ СЕЛА ФЕНТИСОВО ЩИГРОВСКОГО УЕЗДА
КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ: ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ
ПО МАТЕРИАЛАМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ПЕРЕПИСИ 1911 г.**

Аннотация. В настоящей статье проведена попытка создания «коллективного портрета» жителей села Фентисово Щигровского уезда Курской губернии на основе анализа подворных карточек сельскохозяйственной переписи 1911 года, хранящейся в Государственном архиве Курской области. Характеризуются различные демографические данные, а также экономические аспекты жизни селян: число и заработная плата отходников и людей, занятых промыслом, количество у них земли, ее аренда и сдача, наличие скота и торгово-промышленных заведений и пр.

Ключевые слова: метод просопографии; массовый исторический источник; подворные карточки; сельскохозяйственная перепись; село Фентисово; Щигровский уезд; Курская губерния.

Как известно, в настоящее время в исторической науке оформилось достаточно большое количество методов и целых направлений исторических исследований, которые из специальных или же вспомогательных исторических дисциплин перешли в разряд самостоятельных научных направлений с собственной методологической базой. Одним из таких является просопография.

Сам термин буквально переводится с греческого как «пишу о людях». В связи с этим Ю. Ю. Юмашева в работе «Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях» [1, с. 2], пишет о том, что в настоящий момент существует две трактовки термина «просопография». Первая характеризует его как метод исследования, который используется при изучении динамических изменений, происходящих в определенный период времени с группой исследуемых объектов. Вторая трактовка понимает просопографию, как междисциплинарное направление исследований, сформировавшееся к концу XX в. и предполагающее создание и изучение в историческом контексте «коллективных биографий».

В этой связи необходимо отметить также точку зрения Л. Н. Мазур, которая делает акцент на том, что просопография в России достигала своего расцвета в 1990-е – 2000-е гг. В рамках данной дисциплины, по ее мнению, изучаются комплексы массовых источников с персональной информацией, а также чаще всего используются технологии баз данных, в результате чего появлялись так называемые новые «метаисточники» – электронные документы, включающие сведения множества бумажных

документов [2]. По мнению Людмилы Николаевны, это фундамент просопографического исследования, но при этом требующий верификации, описания и исторической интерпретации. Репрезентативность же ее зависит не только от достоверности исходных источников, но и от субъективных факторов: ошибками ввода информации, особенности выборки, методов анализа.

В контексте настоящего исследования необходимо также отметить, что Л. Н. Мазур видит одним из итогов просопографического исследования в виде «статистических коллективных портретов» [2]. Подобные исследования, как вполне убедительно обосновывает историк, используют массивы персональных данных из соответствующих исторических источников, таких как анкетные материалы, материалы общих и специальных переписей. В этом случае при создании базы данных будет осуществляться источник-ориентированный подход, в основе которого лежит принцип создания аналоговой модели первичного документа с адекватным изображением первоисточника, насколько это представляется возможным [2]. Данный методологический принцип был взят за основу при написании настоящей работы.

В качестве источниковой базы исследования выступили подворные карточки сельскохозяйственной переписи 1911 г. по селу Фентисово Щигровского уезда Курской губернии, которые находятся на хранении в одном из дел архивного фонда «Курский губернский статистический комитет» Государственного архива Курской области [3].

Данный материал является массовым источником, отражающим положение крестьянского хозяйства в конкретный временной период. Фиксируя несколько десятков хозяйственных и демографических показателей, вышеуказанные исторические источники нуждаются в системной обработке, структуризации и комплексном анализе для использования их в дальнейших научно-исследовательских проектах. Для удобства работы с данными, содержащимися в подворных карточках, нами были использованы современные информационные технологии, в частности, программные средства Microsoft Office, на основе которых была создана таблица данных в программе Microsoft Excel, 16 графиков и диаграмм. Однако прежде обратимся непосредственно к источнику.

В выявленном нами архивном деле, в котором хранятся подворные карточки сельскохозяйственной переписи 1911 г. по селу Фентисово Щигровского уезда Курской губернии, имеются карточки на 210 домохозяйств. Однако учетные списки содержат сведения о 211-и хозяйствах, расположенных на территории населенного пункта, и о 33-х «посторонних» хозяйствах. Кроме того, по учетным документам нам удалось установить, что село было разделено на три общества:

– в первом значится 149 домохозяйств (в списке 182 хозяйства: с № 150 по № 182 – карточки на хозяйства «посторонних», то есть не

проживавших в селе, владельцев земли и угодий) государственных четверных крестьян [3, л. 1–5];

– во втором – 55 домохозяйств бывших помещичьих крестьян [3, л. 141];

– в третьем – 7 домохозяйств бывших помещичьих крестьян [3, л. 217].

Непосредственно обследование проводилось 27–30 августа 1911 г. Руководил сбором сведений Г. Г. Штангель, регистраторы: В. Касьяненко, Кучинский, М. П. Сергеев.

Сохранившиеся подворные карточки дают следующую выборку: 208 карточек были на домохозяйства, располагавшиеся непосредственно на территории населенного пункта, две карточки – сведения о земельных наделах, которыми владели в Фентисово жители других населенных пунктов. К таким относится, к примеру, подворные карточки на домохозяйства К. С. Птицына [3, л. 203] и Д. М. Чеченова [3, л. 117].

Таким образом, можно говорить, что сохранились практически все подворные карточки на хозяйства изучаемого нами населенного пункта, что, в свою очередь, свидетельствует о репрезентативности представленных нами сведений. Обобщенные нами данные выглядят следующим образом.

Демографические показатели.

Средний возраст домохозяина составляет 45 лет, а домохозяек 34 года. В среднем в одной семье проживали 5 человек, то есть примерно двое мужчин и две женщины, не считая хозяина.

Еще одним важным показателем, который фиксировался в карточках, был уровень образования. Из 210 домохозяев 163 человека не имели никакого образования, или 77,6 %. Из числящихся грамотными домохозяев 20 человек, имели церковно-приходское образование, а 14 – научились грамоте самостоятельно, что составляет 9,5 % и 6,6 %. Остальные получили образование в земской школе.

Что касается образования оставшейся части мужского населения Фентисово, то картина выглядит следующим образом: из 324-х мужчин в возрасте от 7 лет 173 были грамотными, то есть 53,4 %.

Если мы посмотрим на общее количество грамотных, то из 516 мужчин, проживавших в селе, грамотой владели 218, или 42,2 %. Однако можно увидеть существенную разницу в численности грамотных по возрастным группам: так, наиболее грамотными были мужчины в возрасте от 7 до 30 лет.

Абсолютное большинство имели только школьное образование, но сохранилась карточка № 36 на домохозяйство Петра Андреевича Сафронова, в которой значится, что его сын обучался в институте, а сам глава семьи окончил гимназию. Однако учитывая его профессию (приказчик в монопольной лавке) и то, что антропоним «Сафронов»

больше в карточках не упоминается, можно сделать вывод, что он был родом не из изучаемого населенного пункта [3, л. 130].

В вопросе образования число грамотных женщин было значительно ниже, чем мужчин: так, из 551 женщин, проживавших в Фентисово, грамотой владели только 46, или 8,3 %. При этом из них две трети закончили земскую школу, оставшаяся треть – церковно-приходскую.

Подытоживая сведения об уровне образованности, отметим, что в большинстве своем население села Фентисово было неграмотным, однако можно наблюдать определенные корреляции в половозрастном разрезе. Так, наиболее грамотной частью населения были мужчины в возрасте от 7 до 30 лет, а наименее грамотной – женщины в возрасте от 30 до 50 лет.

Хозяйственные показатели.

В отношении занятий мужского населения были установлены следующие сведения. Значительная часть домохозяев работала в собственном хозяйстве, занимаясь земледелием – 147 человек, или 70 % от общего числа хозяев. 39 человек, или 18 % уходили в отход, то есть зарабатывали промыслами за пределами своего населенного пункта. Наиболее распространенными профессиями среди отходников были: плотник – 25 (11,9 %), чернорабочий – 4 (1,9 %), кирпичник – 2 (0,9 %) и шахтер – 2 (0,9 %). Существенно разнились и доходы отходников: минимальный заработок – 10 рублей в год, был у И. Г. Горилова, работавшего плотником [3, л. 144], а максимальный – у Е. П. Локтионова, также плотника, зарабатывавшего 500 рублей в год [3, л. 90 об.]. В среднем же годовой заработок хозяина – отходника из села Фентисово составлял 54,6 рублей.

В отход чаще всего уходили в ближайшие крупные промышленные центры: Харьков, Екатеринослав, Юзовка, Луганск. Были те, кто покидал родное село на сезонные сельскохозяйственные работы в южные губернии империи.

Однако были еще и те, чьим основным доходом являлась промысловая деятельность на территории своего села. В основном эти люди работали кирпичниками, десятскими, пастухами. Их средний годовой заработок был выше, нежели у отходников и составлял 85,8 рублей. Минимальный заработок у мельника Д. К. Алымова, получавшего 3 рубля в год [3, л. 166], максимальный – у П. А. Сафронова, приказчика монопольной лавки и пчеловода, 410 рублей в год [3, л. 130]. Стоит отметить также три двора, хозяева которых числятся кирпичниками, однако одновременно и являются владельцами кирпичных заводов: А. В. Шаторин [3, л. 138], А. П. Золотухин [3, л. 139–140], И. А. Миненков [3, л. 137], суммарный доход которых составлял 770 рублей в год.

В общей сложности в отход уходили 157 мужчин, или 30,3 % от их общей численности. Но при этом необходимо учитывать, что в большинстве случаев лишь часть мужской половины семьи уходила на заработки, остальные же продолжали трудиться в своих хозяйствах.

Важным фактором, влиявшим, по нашему мнению, на данный процесс было наличие недалеко от населенного пункта крупной железнодорожной станции Золотухино Московско-Курской железной дороги. Однако в большей степени высокий процент отходников обусловлен тем, что значительная часть хозяйств была в недостаточной степени обеспечена землей, поэтому многие мужчины вынужденно покидали село, чтобы заработать денег на содержание семьи.

В этой связи считаем важным рассмотреть вопрос обеспеченности землей крестьянских хозяйств села Фентисово. И здесь мы можем увидеть серьезное расслоение. Так, к примеру, 97 наиболее малоземельных хозяйств, земельные наделы которых были менее 5 десятин, владели 277-ю десятинами земли, что в среднем составляло около 2,9 десятины на одно хозяйство. Еще 101 хозяйство владело 1 026 десятинами, что в среднем составляло 10,2 десятины на двор (диапазон – от 5 до 30 десятин на двор). И, наконец, 11 наиболее крупных хозяйств обрабатывали 747 десятин. Крупнейшее в селе хозяйство А. П. Золотухина владело 192,5 десятинами земли [3, л. 139–140 об.].

Многие хозяйства как арендовали, так и сдавали имевшиеся у них земли. Число арендодателей – 37: 25 хозяйств сдавали в аренду от 2,7 до 10 десятин земли, 5 дворов – от 10 до 17 десятин, оставшиеся 7 – от 48 до 192,5 десятин. Наименьшее количество земли (0,5 десятины), сдавал Ф. Е. Маслов, отходник, работавший на кирпичном заводе в Харькове и владевший 2,7 десятинами [3, л. 210 об.]. Больше всего сдавал в аренду вышеупомянутый П. А. Сафронов – 41 десятину [3, л. 130 об.].

Арендовали землю 75 домохозяйств, 59 из которых – это мелкие собственники, размер надела которых составляет от 0,33 до 10 десятин, и 16 арендующих землю хозяйств обрабатывали от 10 до 132 десятин. Больше всех арендовал С. П. Гориллов – 20 десятин [3, л. 193 об.]. Остальные же хозяйства арендовали значительно меньше земли. Кроме того, необходимо отметить, что большинство хозяйств (49), которые арендовали землю, имели в своем составе отходников или людей, которые занимались промыслами в самом селе.

Показатели аренды и сдачи сильно дифференцированы и зависели от множества аспектов. Надо сказать, что 48,57 % собственников в этих процессах никак не участвовали. Многие семьи в силу малообеспеченности были не способны арендовать или сдавать землю, как, например, хозяйство А. Ф. Пахомова, владевшее лишь одной десятиной. Домохозяин при этом нигде не работал и не имел скота [3, л. 33]. Еще одним примером может быть хозяйство П. А. Пахомова, владевшего 1,15 десятинами земли и минимальным количеством скота [3, л. 58 об.].

Зажиточные домохозяйства, как мы видим на примере подворной карточки А. В. Шаторина, видимо получали максимальную прибыль от сельскохозяйственной деятельности и собственного предприятия:

кирпичного завода, поэтому не сдавали и не арендовали землю [3, л. 138–138 об.].

Таким образом, мы видим, что на аренду и сдачу земли влияли ряд объективных факторов: нехватка собственной земли, отходничество и промысловая деятельность, излишнее количество земли, малое количество рабочих рук, достаточная обеспеченность хозяйства, что позволяло ему не участвовать в рентных отношениях. В среднем выходит, что из тех, кто был задействован в рентных отношениях, чаще всего сдавали и арендовали не более 5 десятин земли.

Не менее важным экономическим показателем является наличие скота. Из 208 дворов 128 владели лошадьми, если разделить их на группы в зависимости от количества земли, то получим, что у хозяйств, чьи наделы были от 1 до 10 десятин, в среднем имелась одна лошадь. Оставшуюся часть дворов можно отнести к середнякам и зажиточному крестьянству. Больше всего лошадей держал И. И. Ползиков, владевший 8-ю животными [3, л. 9].

Безлошадных хозяйств в селе – 80. В основном это были домохозяйства отходников и занятых промысловой деятельностью. Наглядный пример – хозяйство И. И. Пахомова, сам он занимался земледелием и владеет 1,9 десятинами и еще одну арендует, но его единственный взрослый сын работал плотником в Харькове, другие малолетние сыновья работали пастухами в своем селе [3, л. 91 об.].

Дворов, владевших коровами, было 141, в среднем у всех по 1–2 коровы. При этом даже зажиточные крестьяне редко держали больше двух коров. Так, П. А. Сафронов и А. В. Шаторин, владея более чем 60-ю десятинами на каждый двор, содержали только по две коровы [3, л. 130, 138].

Свиньи были наиболее распространенными животными, их не держали лишь 27 хозяйств, 11 из которых относилась к отходным с малым количеством земли. Овцы содержались у 88 семей, в достаточно больших количествах, в среднем около 10 голов на хозяйство.

Отдельно стоит выделить хозяйство А. П. Золотухина, который, по всей видимости, был фермером, владея 192,5 десятинами земли и содержа 7 рабочих лошадей, 5 коров, 6 свиней и 114 овец [3, л. 139–140 об.]

Из вышеприведенных сведений и примеров, видно, что большинство хозяйств держали крупный и мелкий рогатый скот. Самым распространенным животным была свинья, скорее всего из-за ее неприхотливости в содержании, кроме того, больше половины хозяйств держали лошадей и коров, что связано с необходимостью использования тягловой силы, а также с минимальной обеспеченностью кисломолочными продуктами.

Еще одним важным экономическим показателем является наличие торгово-промышленных заведений. В селе на момент проведения переписи было две торговые лавки, водяная мельница, шерстобойка и три

кирпичных завода. Лавками владели М. С. Кондратьев [3, л. 176], получавший от нее прибыль 50 рублей в год, и Ф. Г. Ржанных [3, л. 126], имевший доход от нее в 100 рублей.

Водяной мельницей владел Д. К. Алымов, шерстобойкой – И. А. Миненков [3, л. 137, 166,], однако данные предприятия практически не приносили дохода. А вот кирпичные заводы были весьма доходными: ими владели И. А. Миненков, А. В. Шаторин и А. П. Золотухин, получавшие от их деятельности доход в 170, 300 и 300 рублей соответственно [3, л. 137–140]

Таким образом, первое что важно отметить, что торгово-промышленных заведений мало и относятся они к разным категориям. Мелкие: лавки и мельницы – принадлежат среднему крестьянству, принося средний доход владельцам. Крупные – кирпичные заводы, находятся в руках зажиточной верхушки села.

Обобщая вышеприведенные сведения, отметим: коллективный портрет жителей села Фентисово Щигровского уезда Курской губернии по материалам первичных бланков сельскохозяйственной переписи 1911 г. выглядит следующим образом. Среднестатистический домохозяин – это мужчина около 45 лет, неграмотный, имеющий семью, состоящую в среднем из его жены и четырех детей (два сына и две дочери), занимающийся земледелием. Жена домохозяина также неграмотна, занималась домашним хозяйством. Их дети в большинстве своем были грамотными и гораздо чаще своих родителей уходили в отход. Самой распространенной профессией отходника был плотник, большинство отходников работали в крупных промышленных центрах: Харьков, Екатеринослав, Юзовка, до которых было легко добраться, благодаря наличию поблизости железнодорожной станции Золотухино. Семья в среднем владела около 6,5 десятинами земли, одной лошадью, одной коровой и 1–2 свиньями.

Интерпретируя данные, приведенные в сельскохозяйственной переписи и сведенные в небольшую базу данных, видно, что в целом они подтверждают общеисторические тенденции развития изучаемого периода. Проводившаяся аграрная реформа П. А. Столыпина запустила процессы расслоения внутри крестьянских хозяйств, началось формирование класса самостоятельных капиталистических собственников, использующих наемный труд. На примере Фентисово особенно заметно, что вопрос о земле и ее распределении, действительно, оставался острым. Надо отметить, что хотя сведения об этом и не приводились, но некоторые хозяйства нанимали рабочих, которые видимо проживали вместе с ними, так как те вписывались в графу, как родственники, однако таких было немного. Несмотря на то, что источник об этом прямо не указывает, закономерно предположить, что успешные капиталистические хозяйства также использовали наемный труд односельчан и других наемных рабочих.

Источники и литература

1. Юмашева Ю.Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях // Историческая информатика. 2022. № 1.
2. Мазур Л.Н. От персональных документов к коллективным биографиям: просопографическая база данных по материалам всероссийской партийной переписи 1922 года. // Научный вестник Крыма. 2019. № 4 (4) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/issue/view/4> (дата обращения: 01.01.2023).
3. Государственный архив Курской области Ф. 4. Оп. 1. Д. 1139.

Е. П. Щукина

**Почетный архивист Российской Федерации
Государственный архив Липецкой области**

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ ТРУНОВ – ОРГАНИЗАТОР ЛИПЕЦКОГО УЕЗДНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

Аннотация. Статья посвящена Михаилу Павловичу Трунову – основателю архивного дела в Липецком крае. Несмотря на все трудности, им был создан Липецкий уездный исторический архив, который стал предшественником Государственного архива Липецкой области. Приводятся сведения о репрессиях в отношении М. П. Трунова, как в г. Липецке в 1925 г., так и в г. Воронеже в 1931 г. («Дело краеведов»).

Ключевые слова: архивариус; уездный исторический архив; архивно-следственное дело; М. П. Трунов.

Общественная деятельность Михаила Павловича Трунова (1867–1942) имела огромное значение для развития культуры небольшого провинциального городка. Им были созданы Липецкое Петровское общество распространения научных и практических знаний, Липецкий краеведческий музей, архив, библиотека. По его инициативе и при непосредственном участии был создан музей имени Г. В. Плеханова. Михаил Павлович первым ввел в научный оборот сведения о Гагаринской верхнепалеолитической стоянке, стал одним из первых исследователей истории Липецких железоделательных заводов и курорта Липецких минеральных вод.

Большой вклад Михаил Павлович Трунов внес в становление архивной службы в Липецком крае. Он стал первым руководителем Липецкого уездного исторического архива (современный Государственный архив Липецкой области).

Имя этого замечательного деятеля, врача, собирателя исторических документов и артефактов, заведующего Липецким народным музеем, подвергавшегося репрессиям и до, и после революции, значится в ряде справочных изданий Центрального Черноземья [1, с. 372–374; 21, с. 616;

22, с. 429]. Его деятельность в области медицины, просветительства, музейного и архивного дела, краеведения нашла отражение в работах постсоветского времени [2; 3, с. 9–10; 4, с. 161–178; 5; 6; 7; 8], когда на государственное хранение в Государственный архив Липецкой области из управления ФСБ по Липецкой области поступили архивно-следственные дела репрессированных, в том числе М. П. Трунова.

Хотя исследователями сделано немало для восстановления справедливости и увековечения памяти о М. П. Трунове, обобщающего труда о нем, построенного на выявленных источниках в полном их объеме, нет. Настоящую статью можно рассматривать как еще один шаг в этом направлении. Ее источниковой базой стали документы фондов Липецкого уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполкома, уездного отдела народного образования и Управления ФСБ по Липецкой области.

Обратимся к основным вехам биографии М. П. Трунова. Он родился 21 октября 1867 г. в дворянской семье в Воронеже. Окончил там гимназию, а затем медицинский факультет Московского университета; в 1891 г. с дипломом врача вернулся в Воронеж и поступил в хирургическое отделение губернской земской больницы. Участвовал в борьбе с эпидемией холеры, выехав в с. Нижняя Матренка Нижнедевицкого уезда, до ее полной ликвидации. Затем работал земским врачом в с. Хлевном, на железной дороге [9, л. 43 об.]. В 1897 г. Трунов подготовил «Обзор состояния земской медицины в Задонском уезде». С 4 марта 1901 г. являлся действительным членом Воронежской ученой архивной комиссии, занимался разборкой и научным описанием сенатского архива, разборкой архива Воронежского губернского правления [4, с. 162].

В 1901–1902 гг. Трунов вел археологические раскопки в Бобровском уезде Воронежской губернии; доклад и выставку своих находок представил в августе 1902 г. на XII Археологическом съезде в Харькове. В 1907 г. его приняли в действительные члены Воронежского церковно-историко-археологического комитета [2, с. 124].

Что касается политических убеждений, то Трунов, по его собственным словам, лишь «кратковременно» участвовал в 1917 г. в трудовой социалистической партии, чего никогда не скрывал, а «конспиративность и обязательность выполнения партийной дисциплины всегда были неприемлемы» для него [9, л. 54–56]. Он выступал за справедливость и добивался ее (как например, в 1902 г. в конфликте с жандармским вахмистром, требуя уважительного к себе отношения), являлся противником войны (в 1905 году отказался от освидетельствования новобранцев, посылаемых на русско-японскую войну), а в январе того же года по распоряжению калужского губернатора был выслан за пределы губернии на неопределенный срок. Наконец за участие в организации Крестьянского союза и бойкот выборов в I Государственную Думу Трунову грозила высылка по решению Особого

совещания Департамента полиции под гласный надзор полиции в Туруханский край сроком на пять лет, но в связи с запросом депутатов Думы решение совещания было изменено, и Михаил Павлович получил высылку на два года с избранием места жительства в европейской части России. Некоторое время он проживал в Москве, изучал документы в архиве Министерства юстиции, а в июле 1906 г. переехал в Липецк [4, с. 163], занимался там частной врачебной практикой, затем был врачом на Сокольском заводе и рудниках, где лечил рабочих, в том числе военнопленных.

Осенью 1907 г. Трунов представил в Липецкую городскую думу доклад «К устройству Народного дома имени Петра Великого в Липецке в память 200-летия заселения города» с общедоступной библиотекой-читальней, воскресной школой, музеем, лекторием и Обществом распространения научных и практических знаний имени Петра Великого. 31 января 1909 г. Тамбовское губернское по делам об обществах присутствие своим постановлением зарегистрировало эту новую общественную организацию. Председателем был избран городской голова М. А. Ключев, товарищем председателя – М. П. Трунов.

30 октября 1918 г. Михаила Павловича назначили заведующим Липецким народным музеем.

26 февраля 1919 г. коллегия Липецкого уездного отдела по народному образованию предложила Трунову должность архивариуса уездного исторического архива [10, л. 17 об.], а уже в марте Михаил Павлович приступил к его созданию. Работать приходилось в тяжелых условиях. Не хватало средств, помещений, опытных людей, а в ряде случаев и понимания значения архивных источников для будущих поколений. Под угрозой гибели оказались архивы важнейших дореволюционных учреждений.

В марте 1919 г. М. П. Трунов писал в Главное управление архивным делом Тамбовской губернии: «Сознавая свое недостаточное знакомство с техникой архивного дела, я, тем не менее, решился взять эти обязанности ради того, чтобы поспешить спасти какие-нибудь архивы старых учреждений от гибели, которая угрожала им вследствие того, что вновь создававшиеся учреждения совершенно не заботились о сохранности документов своих предшественников» [11, л. 1]. Отчет Липецкого исторического архива за 1919 г., направленный в Главное управление архивным делом, дает следующую картину: «Архив полиции, находившийся в образцовом порядке, особенно сильно пострадал во время революции, так как документы были перевезены в другое помещение и брошены в куче на пол. Потом милиция перешла в другое помещение, а архив остался в амбаре. Усадьба была занята проходящей воинской частью, и вскоре оказалось, что замок на двери амбара взломан, и часть документов пошла на сигарки солдатам» [11, л. 6а].

М. П. Трунов не раз обращался за помощью к местным властям и выступал на заседаниях президиума Липецкого уисполкома. Об этом свидетельствует, в частности, протокол заседания от 20 января 1922 г., где рассматривался вопрос о принятии мер к охране и использованию документов исторического значения, составляющих достояние Липецкого архива. Тогда было принято следующее постановление: «Архивы, ликвидированных отделов с документами 1917, 1918, 1919 гг. временно сдавать в Липецкий главный архив; содержание исторического архива временно принять на средства уисполкома; архивное управление сосредоточить при уисполкоме» [12, л. 28].

К этому времени Трунову и архивариусу И. М. Рождественскому, прослужившему более 30 лет в архивах дореволюционных учреждений (таков был штат уцентрархива), удалось перевести в дом № 5 на Коммунальной площади Липецка и в народный музей нотариальный архив бывшего Елецкого окружного суда, архивы Липецкой городской управы, управления минеральных вод, дворянской опеки, уездной земской управы, уездной полиции, липецкого уездного комиссара Временного правительства [13, л. 72]. Как следует из отчета Трунова от 31 декабря 1922 г., «перевод уцентрархива из унаробаза в непосредственное ведение уисполкома до некоторой степени благоприятно отразился на материальном положении сотрудников: с этого времени они стали более своевременно получать содержание, хотя все же оплата их труда не обеспечивает и в минимальных размерах требований жизни» [13, л. 72–73].

1 февраля 1923 г. президиум исполкома Липецкого уездного Совета вновь заслушал доклад М. П. Трунова о состоянии архивного дела в городе и уезде и принял следующее постановление: «Ввиду имеющихся указаний о подчинении архива уисполкомам, предложить бухгалтерии составить дополнительную смету на содержание уездного архива. Предложить всем уездным отделам и волисполкомам передать в уездный архив все дела, имеющиеся у них по 1921 г. включительно. Дела должны быть пронумерованы и с описями. Назначить в уездных отделах и учреждениях как города, так и уезда ответственное лицо за сохранение в должном порядке архивов, фамилию этого лица сообщить заведующему уездным архивом доктору Трунову. Признать необходимым отвести под архив соответствующее помещение, для каковой цели предложить комхозу совместно с заведующим архивом подыскать помещение» [14, л. 30]. Трунов проработал в этой должности шесть лет, но выделения помещения так и не дождался.

20 января 1925 г. Трунова, а также В. А. Перемежко-Галича – бывшего дворянина, кандидата Петербургского университета, И. И. Войнара – врача кассы социального страхования и В. А. Анисимова – заведующего Липецкой центральной амбулаторией арестовали и поместили в Тамбовский исправтруддом. Оказалось, что в июле 1923 г. в Тамбовский губернский отдел ОГПУ поступили сведения о «тесной связи

с заграницей» Перемежко-Галича (регулярно получал из Швейцарии антисоветскую газету «Руль», каковую передавал читать другим лицам, в том числе заведующему музеем Липецкого уисполкома доктору Трунову, а тот хранил ее в музее) [9, л. 1].

В архивно-следственном деле Трунова отложился подлинник его письма жене, датированный 26 января 1925 г.: «Вчера [в] 8 часов вечера прибыли в Тамбов, прошли пешком около 3 верст до местожительства. Живем 14 человек в сравнительно сносных условиях, хотя спать приходится на полу» [9, л. 23].

Из протокола допроса Михаила Павловича от 6 февраля видно, что ему предъявили «тяжелое обвинение в организации сообщества по агитации против советской власти», которое он посчитал «печальным недоразумением» и показал следующее: «Что касается вопроса о хранении мною в музее контрреволюционной литературы, то по самому ходу работы в нем и составе его коллекций я считаю себя вправе (и продолжаю считать) собирать в подраздел Великой Русской революции историко-социального отдела музея все материалы, относящиеся к революционному движению, как положительно революционного содержания, так и отрицательного – контрреволюционного» [9, л. 54–56].

20 марта 1925 г. Трунов заявил в Особое совещание при коллегии ОГПУ: «...свое упущение я вижу в том, что не производил своевременной регистрации поступавшего в музей материала, в том числе и литературы, как революционного содержания, так и контрреволюционного. В течение 20 лет (с 1905 по 1925 г.) я, собирая материал по истории революционного движения в России, смотрел на свою работу как на культурную охрану исторических памятников, а не как пропаганду. Я утверждаю и могу это доказать, что ни в одном музее Тамбовской губернии не найдется более обширного материала по истории революционного движения России с 60-х гг. XIX в., чем тот, который собран мною для Липецкого музея» [9, л. 119–120].

В следственном деле находится подлинник письма Михаила Павловича в социалистическую академию Д. Б. Рязанову от 9 апреля 1925 г. о поиске им материалов в память Г. В. Плеханова: «...заведуя одновременно и Центрархивом, я начал просмотр различных фондов в целях розыска документов, относящихся к семье Плеханова. В метрических книгах церкви с. Семеновки была найдена запись о рождении и крещении Георгия Валентиновича; в нотариальном архиве найдено несколько документов имущественного характера, именно: купчие на небольшие земельные участки в Липецком уезде, на дом в г. Липецке, духовное завещание отца Георгия Валентиновича» [9, л. 151–153].

В защиту Трунова выступил нарком здравоохранения Н. А. Семашко. 26 февраля 1925 г. он обратился с письмом в Тамбовский губисполком: «Дорогие товарищи. Мне сообщила сестра и вдова Г. В. Плеханова, что арестован и содержится в Тамбове липецкий врач д-р

Трунов. Говорят, что он содержится за то, что в музее революции в Липецке держал европейские белогвардейские издания, касающиеся Плеханова. Если это действительно так, я очень просил бы разобрать дело и, если возможно, освободить: он числится как друг Плеханова, и в кругах родных Плеханова этот арест вызывает много разговоров. С коммунистическим приветом Н. Семашко» [9, л. 126].

Постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ от 24 апреля 1925 г. М. П. Трунов был лишен права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, соответствующих губерниях, а также в Тамбовской губернии сроком на три года [9, л. 157]. Местом высылки Трунов избрал Воронеж, куда и прибыл 25 мая 1925 г. [9, л. 166].

Вернувшись в 1930 г. в Липецк, Михаил Павлович уже не мог заведовать музеем, а работал врачом Липецкого единого диспансера, хотя краеведением заниматься продолжал, но уже как частное лицо. Он мечтал о создании музея Липецкого курорта, продолжал изучать историю петровских заводов в Липецке. Ему удалось оформить пенсию по выслуге лет, но 5 ноября 1930 г. началось «дело краеведов». Первым был арестован руководитель Воронежской краеведческой организации С. Н. Введенский, а 15 февраля 1931 г. – М. П. Трунов. Им вменили «участие в Воронежской контрреволюционной монархической организации, ставившей перед собой задачу свержения Соввласти и восстановления конституционно-монархического порядка правления при помощи восстаний в СССР и интервенции со стороны капиталистических стран» [15, л. 657]. Из 92-х обвиняемых только двое, в том числе Михаил Павлович, не признали себя виновными. Как и во время предыдущего ареста, он не назвал никаких имен, ни о ком из знакомых не дал отрицательной информации. Его выслали в Томск в Трудкоммуну ОГПУ сроком на 5 лет [16, л. 692–694].

За Трунова ходатайствовали рабочие завода «Свободный Сокол», начальник Липецкстроя Александров, врач Рогинский, лечивший М. И. Калинина. Видный деятель революционного движения Л. Г. Дейч 7 мая 1932 г. писал о нем: «Это гуманнейший чрезвычайно отзывчивый, живущий главным образом заботами и хлопотами об общих интересах человек. Только провинциальной ограниченностью, узостью и непониманием общих интересов я объясняю... что... совершена такая вопиющая несправедливость...» [17, л. 27–27 об.].

В декабре 1933 г. М. П. Трунов обратился в коллегию ОГПУ с просьбой пересмотреть его дело, «чтобы немногие оставшиеся дни жизни провести в родной среде» [18, л. 57–57 об.]. 10 февраля 1934 г. было принято решение о его досрочном освобождении [18, л. 45].

По возвращении Михаил Павлович недолго оставался в Липецке: в 1937 г. он, опасаясь «повторов», перебрался с семьей в Ленинградскую область, в поселок Лисий Нос, где работал в больнице на станции Лахта. В

последние годы жизни он много болел: сказались тюремные заключения и ссылки. Умер на станции Бадаево Ленинградской области 6 ноября 1942 г. [19, л. 120]. Реабилитирован лишь 3 июля 1978 г.

Постановлением Липецкого областного Совета депутатов от 21 августа 2003 г. учреждена областная премия им. М. П. Трунова – за лучшие исследовательские работы в области научного краеведения [20, л. 170–178]. Решением Липецкого городского Совета депутатов от 23 декабря 2014 г. имя Михаила Трунова присвоено одной из новых улиц г. Липецка.

Источники и литература

1. Липецкая энциклопедия. Липецк, 2001. Т. 3.
2. Акиншин А.Н., Цыбин М.В. Михаил Павлович Трунов (1867–1942) как краевед и археолог // Тез. науч.-краевед. конф. посвящ. основателю Липецкого областного краеведческого музея М. П. Трунову. Липецк, 1995.
3. Земцов Л.И. Запрос о враче М. П. Трунове в Государственной думе 1-го созыва // Сб. ст. науч. конф. «Региональное краеведение: новаторство, изыскания, публицистика»: к 100-летию Липец. краевед. музея и 140-летию основателя музея М. П. Трунова. Липецк, 2009.
4. Клоков А. М. П. Трунов: биограф. очерк // Зап. Липецкого обл. краевед. общества. Липецк, 1999.
5. Клокова З. Создатель музея: слово о Михаиле Трунове // Липецкая газета. 2012. 13 янв.
6. Конышев Ю. Агентурное дело «Руль» // Добрый вечер. 1997. Авг. № 34.
7. Корольков М. «Не вправе молчать...»: мужественный поступок врача: [найденно заявление М. П. Трунова от 05.02.1921 в адрес пред. Липецкого уисполкома с требованием освобождения от воен. службы взятого на фронт 20-летнего больного, с детства лечившегося от туберкулеза и малокровия] // Липецкая газета. 2014. 21 июня.
8. Поляков В.Б. «Часть документов пошла на цыгарки солдатам»: [М.В. Трунов – организатор архивного дела в городе] // Де-факто. 1997. 5–10 нояб. № 84–85.
9. Государственный архив Липецкой области (далее – ГАЛО). Ф. Р.-2210 «Управление ФСБ по Липецкой области». Оп. 1. Д. 18214.
10. ГАЛО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 152.
11. ГАЛО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 158.
12. ГАЛО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 123.
13. ГАЛО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 160.
14. ГАЛО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 148.
15. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИВО). Ф. Р-9353. Оп. 2. Д. 1697. Т. 12.
16. ГАОПИВО. Ф. Р-9353. Оп. 2. Д. 1697. Т. 3.
17. ГАОПИВО. Ф. Р-9353. Оп. 2. Д. 1697. Т. 10.
18. ГАОПИВО. Ф. Р-9353. Оп. 2. Д. 1697. Т. 21.
19. ГАЛО. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 39.
20. ГАЛО. Ф. Р-2612. Оп. 1. Д. 699.
21. Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004.
22. Воронежская историко-культурная энциклопедия. Воронеж, 2006.

В. В. Раков
кандидат исторических наук
Государственный архив Курской области

К ВОПРОСУ О ЖЕРТВАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Гражданская война в России характеризовалась эскалацией террора в политике и практике всех противоборствующих сторон. В статье на основании документов, впервые включенных в научный оборот, рассказывается об одном из примеров красного террора в отношении гражданского населения Курской губернии в 1919 году.

Ключевые слова: политические репрессии; Гражданская война в России; Курск; эксгумация и перезахоронение жертв Курской губернской чрезвычайной комиссии осенью 1919 года.

В истории Гражданской войны в России значительное место занимает проблема «красного» и «белого террора». В современной историографии даны оценочные суждения, достаточно противоречивые, а порой – диаметрально противоположные [1; 11; 12; 13; 14; 15]. Фактологическая база, свидетельствующая о масштабах и формах политического террора, его эскалации в масштабах страны в целом и отдельных регионов – в частности к настоящему времени уже достаточно сформирована [2; 13; 16].

В городе Курске, в парке Героев Гражданской войны (название парка – тема для отдельного обсуждения) есть мемориал-захоронение партийных и советских работников – жертв белого террора. Рядом с ним 23 декабря 2008 г. был установлен памятный знак жертвам политических репрессий. И сама стилистика знака (авторы – Вячеслав Криволапов и Максим Цуканов), и целеполагание инициаторов установки знака (Российская ассоциация жертв политических репрессий) – память о пострадавших и погибших в сталинских лагерях оставляют вне поля правовой и нравственной оценки те жертвы, которые стали следствием красного террора в годы Гражданской войны

В 2022 г. вышла книга «Утраченные храмы Курска» [3]. Составители книги (старшие научные сотрудники Государственного архива Курской области Л. С. Ласочко и Т. Н. Потаскаева) впервые вводят в научный оборот сведения о массовом захоронении в братской могиле, у часовни за Московскими воротами, осенью 1919 г. 117 человек, извлеченных из оврага Глинище, располагавшегося недалеко от Херсонского кладбища [3, с. 100–101]. Кто были эти люди? Кем и по какой причине они были лишены жизни?

Завесу над этой тайной приоткрывают следующие материалы. При работе с небольшевистскими газетами в Государственном архиве

Российской Федерации автору встретились сведения, позволяющие частично восстановить картину трагедии.

В период деникинского наступления на Москву летом 1920 г. Курской губернской чрезвычайной комиссией были проведены акции по массовой чистке тыла от «контрреволюционного элемента». 25 июня 1919 г. состоялось заседание Курского губернского комитета РКП(б), на котором был заслушан доклад о работе губчека. В принятом решении определялось: « ... б) Приступить немедленно к терроризированию буржуазии, арестовывая видных представителей ее, в особенности – офицерство; в) Производить массовые аресты и обыски по мере необходимости; ... д) Изменить положение арестованных как находящихся в губчека, так и в тюрьме, увеличить строгости, в частности, пока Деникин наступают, лишить арестованных получения с воли продуктов и проч.» [4, с. 159].

Когда в сентябре 1919 г. Курский губком ВКП(б) снова обратится к вопросу о деятельности губчека, он сделает для себя неожиданное «открытие». Оказывается, что его июньское решение будет исполнено чекистами чрезвычайно рьяно: «Аресты проходили как-то бессистемно, арестовывали военспецов без предъявления каких-либо конкретных обвинений и без ведома Военсовета. Эти ненормальные явления разрешались Укрепрайоном и Президиумом губчека и давали надежду на нормальные отношения. Однако бессистемные аресты продолжились ...» [4, с. 181].

Места содержания арестованных были переполнены, в советские и партийные органы поступали многочисленные жалобы от родственников заключенных на неправомерные действия карательных органов, что, в конечном итоге, требовало ответной реакции с их стороны. И такая реакция последовала. В органе Курского губернского исполнительного комитета, губернского и городского комитетов РКП(б), газете «Волна» была помещена следующая информация: «*Разгрузка мест заключения.* Ввиду переполнения местных тюрем, на днях предстоит разгрузка таковых. Означенная работа возложена на особую межведомственную комиссию из представителей губчека, компартии, губисполкома и губревкома. Заключенные будут обследованы со стороны правильности содержания под стражей и степени серьезности предъявленного к ним обвинения. В настоящее время комиссией намечен уже целый ряд лиц, подлежащих освобождению» [5].

Далее сообщалось, что в связи с недавно произведенной ревизией местной губчека, «... в последней в настоящее время производится успешная работа по проверке правильности заключения различных лиц». Однако работа сильно тормозилась по причине отсутствия необходимого числа опытных работников. По инициативе межведомственной комиссии в Курске приступили к проектированию концентрационного лагеря для содержания в нём лиц, осужденных по суду или взятых в качестве

заложников. Однако, в настоящее время последние, за неимением в городе свободных мест, высылались в концентрационный лагерь в г. Орел [5].

Эвакуировать заключенных из Курска, по-видимому, в полной мере не удалось. Наступление Добровольческой армии на город развивалось стремительно с элементами эффекта неожиданности для курского партийного руководства и военного командования. Газета «Екатеринославский вестник», вышедшая 8 сентября (по старому стилю) 1919 г., поместила заголовок следующего содержания: «Блестящие успехи Добровольческой Армии. Заняты: гор. Курск, Рыльск, Льгов, Конотоп и Бахмач». Далее, в заметке указывалось: «7-IX. Сегодня, в 2 часа пополудни, доблестными частями Добровольческой армии занят Курск. Преследование противника продолжается» [6].

По занятию города деникинцами, поступила информация о массовом захоронении «жертв чрезвычайки» на западной окраине Курска, в овраге, именуемом в народе «Глинищем». Приведем ниже материалы под заглавием «Расстрелянные. Впечатления на Глинище», подготовленные корреспонденткой газеты «Курская народная речь» О. Ранцовой: «Исполнители приказов советской власти облюбовали для «расстрелов» и погребения казненных свалочное место за городом и овраги, спускающиеся к большой дороге. Среди мусора, навоза, падали, костей, битого стекла и густо разросшейся сорной травы темнеют недавно разрытые могилы, из которых извлечены, частью опознаны родными и преданы земле трупы погибших. Раскопки приостановлены и возобновятся немедленно после торжественных похорон в братской могиле первой партии жертв советского режима. Ведется осмотр и опознание тел. Небольшая кучка народу почти всегда присутствует на месте осмотра. 32 гроба, некрашенных, деревянных, с подвергшимися обеззараживанию трупами и 14 трупов, лежащих под стружками, подвергаются тщательному исследованию. Санитары в белых фартуках и огромных черных рукавицах открывают крышки гробов, вываливают тела на землю, переворачивают, разрезают остатки одежды и веревки, которыми были связаны многие из казненных; затем, по окончании осмотра, укладывают снова трупы в гроба.

Некоторые, по-видимому, недавние трупы, сохранились сравнительно хорошо, другие настолько ссохлись и потемнели, что невозможно различить очертания лица: остались черепа, обтянутые коричневой кожей, с бесформенным лоскутком вместо ушной раковины. Но на этой сухой коже ясно видны следы, не допускающие сомнений относительно способов и подробностей их перехода в лучший мир. Третьи — их всего менее — истлели и сгнили так, что от них остался лишь распадающийся по сочленениям остов. Наконец, обнаружен труп без головы, по поводу которого окрестные жители рассказывают, что после одного сравнительно недавнего расстрела проходившие мимо дети увидели человека, до пояса, высунувшегося из могилы. Он просил, чтобы ему развязали руки и помогли выбраться, но дети испугались и кликнули

красноармейцев, которые, в конце концов, после долгих неудачных попыток добить несчастного, «снесли» ему голову. Это, конечно, не доказано, но отсутствие головы у трупа – факт бесспорный.

Обратимся к другим трупам. Много огнестрельных (револьверных, по определению врачей) ранений; много раздробленных черепов и штыковых ран. Лица, подвергшиеся осмотру в этой партии, принадлежали к простонародию и были казнены по обвинению в уголовных преступлениях, как-то воровство, грабеж, продажа казенного имущества и т. д. Тем не менее, на одних из них при казни было обращено исключительное внимание, а на других – слишком мало. Вот “неопознанный труп красноармейца с раздроблением черепных и лицевых костей и с развороченной штыковой раной с выходением внутренностей наружу по правой подмышечной линии”. Другой труп с надписью на гробу: “Демьян Захарович Ларин” – с раздроблением темени, кровоподтеками на спине и боках и глубокой штыковой раной в спину. Третий труп неопознанного мужчины с тремя глубокими штыковыми ранами: 1) рана в грудь, проникающая в глубь грудной полости, в область сердца, 2) на том же уровне у правого края грудной кости, и 3) на левой стороне шеи, с повреждением шейных позвонков.

Наряду с этими несчастными, внушают ужас трупы, на которых не обнаружено сильных повреждений. На женском трупе обильные кровоподтеки на боках и животе. Единственное повреждение одного из мужских трупов – раздробленная челюсть, на других замечены лишь переломы руки или ноги. «Закопаны живыми», – заключает врач, заканчивая осмотр. По словам компетентных лиц, подобная разница замечалась и на трупах лиц, раскопанных ранее и обвинявшихся в более серьезных с советской точки зрения проступках: так на теле убитого И. П. Сапунова найдены, с одной стороны повреждения, нанесенные тупым тяжелым предметом (на голове), с другой стороны – огнестрельные и штыковые раны; на трупе же полковника Кравченко – только перелом локтевого сустава – болезненное, но, безусловно, не смертельное повреждение, так что само собою напрашивается мысль о погребении заживо.

Восстановить полностью картину “расстрелов”, конечно, дело Особой комиссии и судебно-медицинской экспертизы; но, не предвосхищая выводов, которые будут ими сделаны, всякий посетивший раскопки на Глинище, может сказать с уверенностью, что он побывал не на месте казней, не на месте “расстрелов”, а на месте мучительных и долгих истязаний, которые, конечно, оканчивались смертью, – весьма часто не имеющей ничего общего со смертью от расстрела. И, конечно, большая половина ответственности и вины за эти бесчеловечные злодеяния должна падать не на самих исполнителей “расстрелов” – людей в большинстве случаев темных, озверелых с “кровавым туманом перед глазами”, а на тех, кто развращал их и своим приговором сознательно отдавал им во власть,

на пытки и мучения, сотни людей; на тех, кто возвел в систему издевательство над личностью и правами человека — на вождей и вдохновителей большевизма. Приговор истории над ними и над связанным с их владычеством периодом русской революции, уже намечается и к тем проклятьям, которые провожают большевиков в могилу, присоединится праведное, беспристрастное осуждение потомства» [7, 26 сент.].

Курский городской голова Т. Смирнов информировал население города: «Курская городская Управа сим извещает, что 22 сентября в 12 часов дня состоятся вблизи Московских ворот около часовни похороны в братской могиле граждан, замученных в казематах чрезвычайек гор. Курска и павших от рук наемных убийц большевистского господства. Предание земле остальных жертв будет совершаться по мере извлечения трупов при раскопках, каковые производятся ежедневно» [7, 21 сент.].

Похороны по каким-то причинам перенесли на 24 сентября, при этом определив церемониал похоронного шествия:

«1) Сбор представителей местных учреждений и воинских частей в 10 час. утра за Херсонскими воротами на месте раскопок (близ лагерей).

2) Поднятие тел состоится при участии духовенства и хора певчих Богословской церкви.

3) На пути процессии будут присоединяться духовенства местных церквей.

4) На Красной площади (около 12 часов дня) процессия будет встречена Преосвященным Феофаном Епископом Курским, которым будет совершена лития, после чего шествие проследует к братской могиле к Московским воротам» [7, 22 сент.].

24 сентября 1919 г. состоялась траурная церемония перезахоронения останков жертв за Московскими воротами, у часовни на улице Ямская гора. Газета «Курская народная речь» так описывает это событие: «Давно уже Курск не видал такой огромной массы народа как вчера в день похорон жертв чрезвычайки. На похоронах присутствовало буквально все взрослое население города. Похороны отличались своей торжественностью. Все магазины, лавки, общественные и правительственные учреждения были закрыты. К 10 часам утра за Херсонскими воротами на месте раскопок собрались представители городского самоуправления, Губернского земства, духовенства, местных учреждений и воинских частей. Во время шествия среди публики царил образцовый порядок. По совершении литургии на Красной площади шествие проследовало к Московским воротам, вблизи которых состоялись похороны жертв чрезвычайки в Братской могиле» [7, 25 сент.].

Другая газета «Курские вести» приводит следующую информацию: «Гроб за гробом ... Целая вереница гробов. Публика, теснящаяся во множестве на тротуарах, насчитывает их 47. Цифра красноречиво говорит сама за себя. Тем более, если принять во внимание, что этими мучениками далеко не исчерпывается список жертв жестокосердной чрезвычайки.

За некоторыми простыми гробами, украшенными скромной зеленью и венками из цветов, идут, обливаясь горькими, мучительно скорбными слезами, родные мучеников. Все без исключения местное духовенство с епископом Феофаном позади, хоругвеносцы, монахи и монахини рядами следуют за вереницей гробов. Впереди толпы медленно шествует местный г. губернатор, за которым следуют чиновники местных учреждений всех ведомств, учащиеся средних и низших учебных заведений и, наконец, шествие замыкают войска в пешем и конном строю. Московская улица вся усыпана ветвями вечнозеленых деревьев, которые после прохождения процессии разбирают на память преимущественно женщины из простонародья. У каждой церкви процессия останавливается, и духовенство совершает краткую литию» [8].

В здании Курского окружного суда приступила к работе Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, созданная при Главнокомандующем Вооруженными Силами на юге России: «Судебный следователь по важнейшим делам Курского Окружного суда, приступив к производству следствия по делу о расстрелах жертв большевистского террора в городе Курске, просит, как родственников убитых, так и посторонних, могущих дать сведения о произведенных чрезвычайкой убийствах, являться в камеру судебного следователя, находящуюся в здании Окружного суда от 10 до 11 часов утра ежедневно и тем прийти на помощь к раскрытию как обстоятельств преступления, так и виновных лиц. В настоящее время раскопки убитых производятся в местности “Глинище” за Херсонскими воротами, куда просят являться родным и знакомым для опознания убитых от 11 до 3 часов дня» [7, 26 сент.].

Вероятно, что следствие так и не было завершено, поскольку в документах Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, созданной при Главнокомандующем Вооруженными Силами на юге России выявить информацию об этом расследовании нам не удалось. В работе у этой комиссии было множество дел, в том числе и не оконченных, по периоду 1918–1919 гг., а сам Курск деникинцы оставят немногим более месяца спустя после этих событий. Правда, уже в конце сентября курские газеты сообщают о том, что в Харькове был арестован один из возможных участников расстрелов член Курского Революционного трибунала И. Ф. Игнатьев, известный в Курске под кличкой «Матрос» [7, 26 сент.].

Относительно количества жертв этого примера «красного террора». Напомним, что в газетных публикациях речь идет о количестве «гробов» – 47 или 32-х гробов и 14 трупах. Вместе с тем в документах личного фонда А. Г. Кепова фигурирует другая цифра – 117 [9, л. 35]. На него-то и ссылаются составители книги «Утраченные храмы Курска». Каковы причины такого расхождения в цифрах?

Прежде всего, следует заметить, что в конце сентября 1919 г. были проведены не все работы по эксгумации в «Глинище» («Предание земле остальных жертв будет совершаться по мере извлечения трупов при

раскопках, каковые производятся ежедневно» [7, 21 сент.]). В октябре – начале ноября 1919 г. могли быть вскрыты новые факты о жертвах большевистского террора, о чём косвенно свидетельствует еще одна газетная публикация: «*Похороны евреев жертв «Губчека»*. «На днях состоялись похороны евреев, убитых при власти большевиков Курской “Губчека”. Похороны состоялись на евр<ейском> кладбище при большом скоплении публики. Среди раскопанных жертв чрезвычайки имеется еще ряд не опознанных еврейских трупов. Последние похоронены в общей братской могиле» [7, 28 сентября]. Кроме того воспоминания А. Г. Кепова базировались на более поздних сведениях о количестве, захороненных в братской могиле у часовни на Ямской горе.

Федеральный Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 № 1761-1 определяет не только хронологическую точку отсчета применения закона – 25 октября (7 ноября) 1917 г. и дефиницию понятия «политические репрессии» (Статья 1), но и устанавливает, согласно статьи 18.1, что «Федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в рамках своей компетенции в соответствии с законодательством Российской Федерации вправе осуществлять меры по увековечению памяти жертв политических репрессий и поддерживать деятельность организаций и граждан, направленную на увековечение памяти жертв политических репрессий, в частности деятельность по выявлению и благоустройству мест захоронений жертв массовых репрессий, выявлению архивных документов по истории политических репрессий, созданию и пополнению музейных экспозиций» [10]. На наш взгляд, даже спустя столетие после окончания Гражданской войны примирить идеологических сторонников «красных» и «белых» вряд ли удастся. Но общий памятный знак жертвам (подчеркиваю – *жертвам*) братоубийственной войны нужен, а где он будет установлен – пусть это определят специалисты и общественность.

Источники и литература

1. Петров Г.Н. Диалектика соотношения «красного», «белого» террора и террора интервентов в годы Гражданской войны в России (1917–1920 гг.). М., 1999.
2. Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков // под ред. Ю. Г. Фельштинского и Г. И. Чернявского. М., 2013.
3. Утраченные храмы Курска / под ред. Э. А. Кудрявцева, Е. П. Маслова. Курск, 2022.
4. Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А. Курская губчека: 1918–1922 гг. Курск, 2005.
5. Волна. Орган Курского губернского исполнительного комитета, губернского и городского комитетов РКП(б). 1919. 19 сент.
6. Екатеринославский вестник. Екатеринослав. 1919. 8 сент.
7. Курская народная речь. Курск. 1919.
8. Курская весть. 1919. 25 сент.
9. Государственный архив Курской области. Ф. Р-1358. Оп. 1. Д. 32.

10. Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 № 1761-1 (последняя редакция) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1619/?ysclid=lcx4ximw62889748727 (дата обращения: 15.01.2023).
11. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России, 1918–1922 гг., Казань, 1995.
12. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (2-я половина XIX – начало XX вв.). М., 2016.
13. Балмасов С.С. Красный террор на Востоке России в 1918–1922 гг., М., 2006.
14. Мельгунов С.П. Красный террор в России, 1918–1923. Симферополь, 1991.
15. Голуб П.А. Белый террор в России (1918–1920 гг.). М., 2006. 477 с.
16. Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России: репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М., 2017.

И. И. Родионов
кандидат исторических наук
Смоленский государственный университет

ПОЛЬСКО-СОВЕТСКАЯ ВОЙНА И СУДЬБА ПОЛЬСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Аннотация. Начавшаяся в феврале 1919 г. польско-советская война породила, наряду с другими трудностями, сложную проблему военнопленных как со стороны Польши, так и со стороны Советской России. Несмотря на изученность, история военнопленных польско-советской войны до сих пор имеет свои «белые пятна». В статье рассматриваются отдельные аспекты условий пребывания польских военнопленных в лагерях Центральной России в 1919–1921 гг. Дальнейшая работа в архивах позволит на более глубоком уровне исследовать историю польских военнопленных, располагавшихся в лагерях в Советской России.

Ключевые слова: польские военнопленные; Советская Россия; польско-советская война; концентрационные лагеря; лагеря военнопленных.

Одним из важных аспектов изучения и характеристики польско-советской войны является проблема военнопленных: красноармейцев – в польском плену, польских – в советском. Несмотря на изученность, история военнопленных польско-советской войны до сих пор имеет свои «белые пятна».

Так, на сегодня самой острой все еще остается проблема положения пленных красноармейцев в польских лагерях. Знаковым событием в отечественной историографии последних лет стал выход в свет монографии Г. Ф. Матвеева и В. С. Матвеевой «Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах». В основу исследования легли документы из российских, польских, швейцарских архивов, а также опубликованные источники и мемуары. В

работе охарактеризован существующий корпус источников, проведен обзор современной историографии, дан сравнительный анализ методологических подходов и концепций. Авторами предпринята попытка установить общую численность попавших в польский плен красноармейцев, а также проследить их путь с момента пленения до возвращения на родину по репатриации [1].

Одним из важных аспектов изучения и характеристики польско-советской войны является проблема польских военнопленных – в советском плену. История пребывания польских военнопленных в советском плену до сих пор является одним из малоизученных вопросов советско-польских отношений 1919–1922 годов. Первым среди отечественных историков, кто начал изучать проблематику польских военнопленных, стал И. И. Костюшко [2; 3]. В современной российской исторической науке данная проблематика была проработана в рамках отдельного исследовательского проекта «Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1922 гг.» [4; 5; 6].

Первые сведения о пленных польской армии относятся к весне 1919 г., когда боевые действия в Белоруссии и в районе Вильно перешли от локальных столкновений к постоянным. За 1919–1920 гг. было пленено около 34 тысяч солдат и офицеров польской армии [7, с. 4]. С середины 1919 г. польских военнопленных начали распределять в общие концлагеря, где их на первых порах размещали вместе с другим контингентом заключенных, но в отдельных бараках [8, с. 38]. Пленных этапировали в города, которые были рядом с фронтом, затем их отправляли в распределительные пункты прифронтовых губерний, из которых – по лагерям Центральной России.

Условия жизни польских военнопленных в лагерях зависели от материальной базы последних. Так, например, в Смоленском концлагере материально-бытовые условия были более чем удовлетворительными. К весне 1920 г. концлагерь занимал три двухэтажных корпуса для размещения заключенных и военнопленных, один флигель под приемный покой (на 25 кроватей) с квартирой для фельдшера, флигель для караульной команды и вновь прибывающих заключенных и военнопленных. В источниках отмечается наличие столярной мастерской, бани и прачечной, сараев, амбаров и других хозяйственных построек, в лагере было проведено электричество, и исправно работал водопровод [9, с. 278]. Польские военнопленные располагались в отдельных корпусах концентрационного лагеря [10, с. 163].

С созданием Польской секции ПУРа (август 1920 г.) лагеря стали также инспектировать объездные политинструкторы [11, л. 23–27, 28–32]. Затем надзором за материальными условиями пленных занимались политические инструкторы. Они сообщали о материальных условиях Польскому отделу и предлагали ему меры к улучшению, а также сами могли принимать меры к изменению ситуации в лагере.

Вполне приемлемые для послевоенной разрухи условия пребывания пленных поляков объясняют и незначительное количество побегов. По имеющимся данным, из лагерей бежали 8–11 % польских военнопленных от средней численности в лагере (300–400 человек); «в бегах» находились около тысячи человек. Это в 2,5 раза меньше, чем количество бежавших из польского плена красноармейцев, находившихся в гораздо более худших условиях пребывания [8, с. 91].

Агитационная работа в лагерях в основном велась по линии Польского бюро ЦК РКП(б) и Польского отдела ПУР. Советская власть видела в польских военнопленных «классовых друзей» и уделяла агитационно-пропагандистской работе среди них большое внимание [8, с. 170]. Вскоре для работы с пленными польской армии было решено использовать коммунистов-поляков. Их мобилизовали, и часть из них направили в распоряжение Политического управления Реввоенсовета для работы в лагерях в роли политических инструкторов [8, с. 171].

Политические инструкторы не смогли превратить всех польских военнопленных в сторонников советской власти. Однако одним из видимых результатов их работы стало то, что часть пленных поляков (от 2 до 3 тысяч человек) изъявила желание остаться в Советской России [8, с. 171]. Сама же деятельность политинструкторов в лагерях способствовала приобщению польских военнопленных к коммунистическим взглядам, расширению их культурного кругозора и политической грамотности [12, с. 342].

Среди пленных красноармейцев в Польше не велось никакой культурно-просветительской работы со стороны польской администрации, но работали агитаторы антисоветских формирований [1, с. 89–90]. Верховное командование польской армии проводило пропагандистские «эксперименты» по отпуску на свободу небольших групп военнопленных красноармейцев.

Таким образом, начавшаяся в феврале 1919 г. польско-советская война породила сложную проблему военнопленных как со стороны Польши, так и со стороны Советской России. На фоне тяжелого бытового положения пленных красноармейцев в лагерях Польши условия нахождения польских военнопленных в лагерях Центральной России в действительности были намного лучше по всем параметрам.

Источники и литература

1. Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С. Польский плен: Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М., 2011.
2. Костюшко И.И. К вопросу о польских пленных 1920 г. // Славяноведение. 2000. № 3. С. 42–62 [Электронный ресурс] // URL: <http://inslav.ru/page/slavyanovedenie-podshivka-pomerov-1992-2012-gody> (дата обращения: 01.04.2020).
3. Костюшко И.И. Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы) / отв. ред. А. Ф. Носкова; Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения. М., 2001.

4. Козин Е.В., Родионов И.И. Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1921 гг. // Вопросы истории. 2021. № 12-4. С. 162–180.
5. Козин Е.В., Родионов И.И. Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1922 годы // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 4(106). С. 21–34.
6. Козин Е.В., Родионов И.И. Польские военнопленные в Рославльском и Смоленском концентрационных лагерях в 1920–1922 годах // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 2 (42). С. 341–358.
7. Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы): документы и материалы / публ. подг. И. И. Костюшко. М., 2004.
8. Родионов И.И. Польские военнопленные в лагерях Центральной России: 1919–1922 годы: дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2021.
9. Хейсин М.Д., Нестеров Н.В. Привкус горечи: смоленские тюрьмы (1917–1929). Смоленск, 2016.
10. Родионов И.И. Польские военнопленные как временный социум в российской провинции в 1919–1922 гг. // Провинциализм как механизм / инструмент сохранения русской национальной культуры: сборник научных статей по материалам Всероссийской (национальной) научной конференции. Орёл, 2020. С. 162–165.
11. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 63. Оп. 1. Д. 200.
12. Родионов И.И. Формирование корпуса политинструкторов для работы среди польских военнопленных в 1920 г. // Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Девятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2019», Москва, 03–04 апреля 2019 года / Ответственный редактор А. К. Сорокин. М., 2019. С. 339–342.

Н. В. Петров

Юго-Западный государственный университет

ЗНАЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ КУРСКИХ СТАТИСТИКОВ В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х гг.

Аннотация: в статье рассматривается деятельность Курского губернского статистического бюро в 1920-е гг. и оценивается роль личностных и профессиональных качеств курских статистиков в изучении социального состава городского населения региона. По итогу исследования автор приходит к выводу, что, несмотря на все сложности работы, курские статистики успешно справлялись с поставленными задачами государственного уровня.

Ключевые слова: статистика, Курская губерния, социальный состав, городское население, личность, профессиональные качества.

Общеизвестно, что период 1920-х гг. стал переломным в истории российского государства. Становление и дальнейшее развитие советского государства сопровождалось формированием новой социальной структуры общества. Задача выявления особенностей демографических, национальных, профессиональных, образовательных признаков городских и сельских сообществ была вызвана необходимостью оценки перспектив экономического развития регионов и роста численности населения в молодом государстве.

В связи с этим особую значимость приобрела деятельность губернских органов статистики, на которые в первое пятилетие советской власти помимо множества локальных задач было возложено проведение двух масштабных переписей общегосударственного уровня: Всероссийская перепись 1920 г. и Всесоюзная городская перепись 1923 г.

В условиях коренных перемен выполнение указанных задач невозможно без высокого уровня профессионализма и проявления личностных качеств, позволяющих обобщить и проанализировать данные о населении не как о простой совокупности людей, а как тысячах человеческих судеб на конкретном этапе развития страны.

При подведении предварительных итогов Всероссийской переписи 1920 года курские статистики обратили внимание, что в сборе данных принимали участие не только штатные сотрудники аппарата Курского губернского статистического бюро и его подразделений, но и работники сельских и городских школ, счетчики, регистраторы, статистики предварительно прошедшие подготовку [1, с. 1]. Специалисты, трудившиеся в статистическом аппарате Курской губернии, сталкивались с формальным отношением к переписи со стороны местных органов и непониманием поставленных профессиональных задач. Помимо этого неблагоприятного обстоятельства отмечалось подозрительное и недоверчивое отношение граждан к сотрудникам, собирающим сведения в рамках переписи [1, с. 1]. Сами статистики отмечают, что пришлось: «потратить немало усилий на убеждения не скрывать ничего, ибо перепись не может повлечь никаких невыгодных последствий» [1, с. 1].

Думается, фактором подобного отношения к проведению переписи были опасения относительно мобилизации, поскольку Гражданская война на тот момент еще не прекратилась. Достижение целей переписи во многом состоялось из-за проявления представителями статистического аппарата Курской губернии не только профессиональных качеств, но и способности убедить каждого человека со своей собственной судьбой в важности предоставления сведений в целях их дальнейшего обобщения на благо формирующегося в сложной обстановке государства. С проведением Всероссийской переписи 1920 г. в Курской губернии успешно справились под руководством Е. П. Семякина (Белгородский уезд), А. В. Игнатьева (Грайворонский уезд), А. Я. Мамаевой (Дмитриевский уезд), С. С. Городецкого (Корочанский уезд), В. П. Покровского (Курский уезд),

С. И. Локтионовой (Льговский уезд), М. Ф. Худокормова (Новооскольский уезд), А. С. Суворова (Обоянский уезд), Д. С. Баркова (Путивльский уезд), Н. А. Ветчинкина (Рыльский уезд), Ф. Т. Кулакова (Старооскольский уезд), М. М. Гавриш (Суджанский уезд), П. В. Лухина (Тимский уезд), Е. П. Платоновой (Щигровский уезд), а проведение переписи возглавил заведующий Курским губернским статическим бюро Евгений Константинович Введенский [1, с. 1].

О значимости личностных качеств статистиков и постоянной работе по подбору добросовестных работников статистического дела свидетельствуют данные из Докладов заведующего Курским губернским статическим бюро Е. К. Введенского. Так, в одном из докладов Восьмому Курскому губернскому съезду Советов за период с 10 ноября 1920 г. по 1 июля 1921 г. отмечалась задача по расширению сети волостных, заводских статистиков, а также корреспондентов – добровольцев [2, с. 1].

Кроме того, руководитель главного статистического органа Курской губернии указывал, что уменьшение числа корреспондентов в период с 10 ноября 1920 по 1 марта 1921 г. с 1 100 до 943 человек связано с исключением «бездеятельных, не дающих ни одного сообщения», что помогло освежить состав корреспондентов и произвести его качественное улучшение [2, с. 1].

Постоянный рост профессиональных задач из-за работы по подведению и анализу итогов переписи стал причиной острой необходимости увеличения аппарата Курского губернского статистического бюро, который в совокупности с временными работниками должен составлять 645 человек. На момент подготовки доклада аппарат насчитывала не более 200 работников, поэтому мобилизация советских работников виделась необходимой [2, с. 2]. Сказанное подтверждают желание Е. К. Введенского оптимизировать работу статистиков в Курской губернии и сформировать кадровый состав, обладающий мощным потенциалом.

По данным из докладов о работе статистиков в уездах, хранящихся в Государственном архиве Курской области, усматривается, что не только руководство главного статистического органа губернии, но и его структурные подразделения были озабочены вопросом качества трудящихся корреспондентов. Так, в Докладе о статистических работах в Курском уезде с 1 января по 30 августа 1922 г. отражалось, что на начало периода статистические работы осуществляли 76 человек, тогда как на конец периода их осталось 60, «аккуратных и добросовестных из них 36» [3, л. 28 об.]. Особое внимание было уделено проблемам реализации персонального подбора способных соответствовать плану работы волостных статистиков. В частности, была отмечена невозможность нормального воплощения этой процедуры вследствие недостаточности выделяемых кредитов [3, л. 28 об.].

В более ранних исследованиях мы указывали, что образование СССР в 1922 году стало причиной снижения актуальности и ценности сведений, полученных в ходе Всероссийской переписи 1920 г. [4, с. 56; 5, с. 40]. Это вызвало потребность проведения переписи, но за такой короткий срок в полгода с момента возникновения нового государства подготовить перепись всего населения достаточно сложно, поэтому было принято решение ее ограничить городами, как обладающими большим экономическим потенциалом территориями.

Очередная перепись потребовала от курских статистиков тщательного анализа указаний Центрального статистического управления РСФСР. Из Доклада «О Всероссийской городской переписи» Курского губернского статического комитета, подготовленного Курскому губернскому исполнительному комитету, усматривается, что сам статистический аппарат не подтверждал полную эффективность переписи 1920 г., поскольку она проводилась при трудовой повинности с одновременным учетом трудообязанных, что сказалось на изучении профессионального признака социального состава населения [3, л. 88].

В ходе подготовки городской переписи в Курской губернии благодаря профессиональным качествам и равнодушию аппарата Курского губернского статистического бюро были выявлены недостатки методики статистического учета и даны предложения по их совершенствованию.

Во-первых, отмечен излишне ограниченный круг вопросов, выносимых в программу переписи 1923 г.: «Программа личного листка переписи не совпадает с обычно применяемыми программами переписи. Так, из 15 вопросов, рекомендованных международными статистическими конгрессами, в личном листке отражено только 6» [3, л. 92].

Во-вторых, курскими статистиками был раскритикован подход оценки площади домовладений – путем опроса, тогда как в ходе прошлой переписи статистики производили измерения [3, л. 94].

В-третьих, в качестве недостатка были оценены отсутствие учета угодий, состояния построек, регистрации мостовых, тротуаров. По мнению сотрудников Курского губернского статистического бюро, игнорирование оценки состояния квартир в целом, а также учета печей, туалетов не позволит реально оценить жилищные условия горожан [3, л. 95].

В-четвертых, курские статистики указали на некорректность формулировки вопросов, указав на их противоречивость. Был приведен следующий пример: при отсутствии вопросов о грамотности имел место вопрос о наличии стипендии [6, л. 95]. Программа Всесоюзной городской переписи 1923 г. характеризовалась как «не вполне достаточная» для обеспечения нужд местных органов.

Наряду с выявленными неточностями и противоречиями аппарат Курского губернского статистического комитета сделал прогноз относительно организационных моментов проведения переписи. Так,

заявлена необходимость о значительном числе инструкторских персонала, с которым трудностей не ожидалось [3, л. 97–98].

Напротив, спрогнозированы проблемы со счетным персоналом, поскольку обычно привлекаемые школьные учителя и студенты высших учебных заведений в период проведения городской переписи 1923 г. заняты в учебном процессе [3, л.98]. Решение проблемы виделось в привлечении безработных, но тут же указывалось, что они едва ли качественно могут заменить представителей сферы образования, к которым все же придется обратиться.

На основе опыта предыдущих лет был предсказуем недостаточный уровень финансирования проведения переписи. В связи с этим Курскому губернскому исполнительному комитету были адресованы следующие рекомендации: бесплатно предоставить помещения для проведения переписи, мебель (столы и стулья), топливо [3, л. 98].

Анализ вышесказанного позволяет говорить о том, что курские статистики не слепо следовали указаниям Центрального статистического управления РСФСР, а учитывали все проблемные аспекты, возникающие на местах, на основании которых разрабатывали рекомендации для проведения переписи в масштабе страны.

Таким образом, можно сделать вывод, что реализация одного из важнейших направлений государственной деятельности – изучение социального состава населения в первые годы советской власти в Курской губернии, находилась под контролем грамотного персонала статистических органов региона. Курские статистики неординарно подходили к решению задач по проведению двух переписей 1920 и 1923 гг. и стремились оптимизировать процессы статистического учета различных признаков социальной структуры городского сообщества. В свою очередь, руководство Курского губернского статистического бюро в лице Е. К. Введенского предпринимало действия в целях постоянного увеличения количественного и улучшения качественного состава статического аппарата, на который возлагалась крайне важная задача: прикасаясь к судьбам множества людей, получить объективные данные о населении губернии.

Источники и литература

1. Население Курской губернии в 1920 г.: Предварительные итоги переписи населения 28 авг. 1920 г. Курск, 1922.
2. Введенский Е.К. Доклад о деятельности Губстатбюро и его ближайших задачах: Восьмому Курскому губ. съезду советов. Курск. 1921.
3. Государственный архив Курской области. Ф. Р-327. Оп. 1. Д. 115.
4. Петров Н.В. Социальный состав городского населения Курской губернии в первой половине 1920-х гг. (по итогам Всесоюзной городской переписи 1923 года) // События и люди в документах курских архивов. Выпуск XXI / под редакцией Э. А. Кудрявцева. Курск, 2022. С. 51–55.

5. Петров Н.В. О некоторых особенностях Всесоюзной городской переписи 1923 года (на материалах Курской губернии) // Исторические, философские, методологические проблемы современной науки: сборник статей 5-й Международной научной конференции молодых ученых. Курск. 2022. С. 39–44.

О. С. Суржик
кандидат исторических наук
Московский областной архивный центр

ПРОБЛЕМЫ ГЕОПОЛИТИКИ И МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ В НАСЛЕДИИ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА И А. Ф. СЕРГЕЕВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена рефлексии проблем геополитики и манипуляции сознанием в наследии К. П. Победоносцева и А. Ф. Сергеева, которое анализируется в контексте современных глобализационных и трансгуманистических вызовов. К. П. Победоносцев и А. Ф. Сергеев, будучи выдающимися личностями, предугадали развитие многих событий XX–XXI вв. и действовали в антиглобализационном духе, показывая, что есть альтернативный путь решения проблем национального суверенитета, демографии, образования, роли государства в экономике.

Ключевые слова: К. П. Победоносцев; А. Ф. Сергеев; глобализация; манипуляция сознанием; дехристианизация; трансгуманизм.

В настоящее время как никогда остро возникает проблема глобализации и связанной с ней манипуляции сознанием. Современный мир находится в точке бифуркации. Создавшаяся ситуация ставит каждого человека перед выбором, и уже нельзя просто уклониться от него. Особенно проблема выбора адекватного политического решения актуальна для представителей власти, проблема методологической разработки – для представителей научного сообщества, проблема осмысления и выработки личной поведенческой стратегии – для каждого думающего человека. Характер выбора будет определяться ценностными ориентирами личности, принимающей решение. От совокупности этих решений зависит дальнейший ход исторического процесса, формирование ценностной и геополитической картины нашей планеты, да и сама возможность существования человеческого сообщества. Накопление опыта и его применение в профессиональной деятельности и повседневной жизни является психической нормой. Накопление и использование исторического опыта характерно для здорового жизнеспособного общества. В этой связи обращение к наследию мыслителей, политиков и ученых недалекого прошлого является весьма актуальным.

Государственный, церковный деятель, правовед, ученый, педагог, благотворитель К. П. Победоносцев (1827–1907) и генерал-майор

артиллерии, приемный сын И. В. Сталина, А. Ф. Сергеев (1921–2008) были очень разными людьми, принадлежали к различным эпохам и сферам деятельности. Первый – сын профессора словесности Московского императорского университета и внук священника, второй вышел из семьи революционеров, до конца жизни, исповедуя православие, оставался членом партии [1]. Однако при всей непохожести внешних обстоятельств жизни, в их мировоззрении, характере немало общих черт. Глубинная суть вызовов времени, в котором довелось действовать и К. П. Победоносцеву, и А. Ф. Сергееву, и нашим современникам, остается неизменной. Трансформация в законодательной сфере, политической и культурной жизни, образовании, ценностных ориентирах общества, которая начиналась во времена К. П. Победоносцева, развивалась и встречала жесткое противостояние со стороны СССР во времена А. Ф. Сергеева, принесла свои плоды в «цифровую эпоху».

Процесс глобализации и мировоззрение, на которое он опирался, возникли гораздо раньше, чем оформилось это понятие. К. П. Победоносцев на рубеже XIX–XX вв. приводит в «Московском сборнике» перевод работы Р. Эмерсона как реакцию на вызовы мальтузианства: «Разум человеческий тоже один из факторов в политической экономии... С умножением в обществе нужд умножится и сила изобретения» [2, с. 453].

Г. Уэллс, делавший свои первые шаги под руководством Т. Хаксли, популяризатора теории Ч. Дарвина, утверждал, что социально-экономические проблемы вызваны неконтролируемым ростом населения. В произведении «Открытый Заговор: чертежи мировой революции», впервые опубликованном в 1928 г., он высказывал идеи, близкие современным глобализаторам. Неконтролируемую рождаемость Уэллс считал признаком варварства, насильственную стерилизацию – нормой, выражая надежду, что «директивное размножение войдет в сферу компетенции человека». Планируемый коллективный контроль над численностью населения должно осуществлять «организованное мировое сообщество» [3, с. 14–15]. Автор также выражал обеспокоенность увеличением прироста населения «в результате развития медицинского искусства».

Закрытая глобализационная организации Римский клуб, созданная в 1968 г., включающая в себя многих влиятельных политиков и банкиров, занималась «научным обоснованием» сокращения населения Земли, деиндустриализации и разрушения суверенитета национальных государств, для чего предполагалась «оптимизация» образования и здравоохранения [4, с. 344–378].

Сторонники глобализации обосновывают «необходимость» сокращения народонаселения экологическими соображениями. Д. Перкинс, в чьи обязанности входило навязывание кредитов развивающимся государствам, свидетельствует о том, что истинными

разрушителями природы являются те, кто кричит об экологии и перенаселении. Жадность и властолюбие сравнительно небольшой группы заинтересованных лиц является истинной причиной расходования природных ресурсов. Перкинс рассказывает о найме людей за мизерную зарплату, их работе в нечеловеческих условиях, о сливе отходов в реки, протекающие через ливневые леса, геноциде в отношении древнейших культур [5, с. 15–16].

Победоносцев мыслил власть как служение и ответственность, основываясь на ее христианском понимании. В русской православной культуре управления неслучайно существует противопоставления страх – совесть. Совесть человеку не нужен страх наказания. Человек, лишенный совести, не сдерживается ничем, кроме страха. Победоносцев настаивал на необходимости консолидации власти и народа в вере, на патернализме со стороны власти и повиновении не за страх, а за совесть со стороны народа. Мыслитель утверждал: «Христианское понятие о власти нераздельно связано с понятием о зависимости от веления Божия, о долге, о служении... По христианской идее, собственность – тоже, подобно власти, достояние Божие, порученное человеку как домоправителю, соединенное с обязанностью разделять, помогать, раздавать милостыню» [6, с. 55]. Он отмечал, что с распространением свободы предпринимательства и усовершенствованием способов и орудий деятельности открывается бездна между богатством и бедностью, «создаются новые виды тяжкого экономического рабства, безысходного, коему подвергаются массы из-за хлеба насущного» [7, с. 440]. Таким образом, К. П. Победоносцев пытался препятствовать подрыву культурных устоев, свойственных русской цивилизации, где власть нераздельна с ответственностью. Методы управления глобальных структур опираются на прямо противоположные традиционной русской культуре принципы. Идеологи «четвертой промышленной революции» лишь идут дальше по этому пути дехристианизации отношения власти к собственности.

В газетной подборке А. Ф. Сергеева также присутствует ряд материалов, посвященных проблемам постсоветских реалий – разгосударствлению, развалу экономики, использованию энергоносителей в ущерб национальным интересам. По подчеркиваниям и пометкам видно, что данные проблемы вызывали глубокую озабоченность автора подборки в том же ключе [8]. В. Э. Багдасарян в книге «Россия – Запад. Цивилизационная война» отмечает паразитарную сущность глобализационной мир-системы и утверждает, что такая система не может существовать при отсутствии других, для которых характерны нерыночные критерии эффективности и доминирование коллективных ценностей над индивидуальными [9, с. 51]. Если для насадителей «рыночных отношений» свойственно манипулятивное утверждение о стихийности рынка, то президент всемирного экономического форума К. Шваб формулирует теорию «дизруптивного отбора», когда одна или

несколько отраслей смогут развиваться, а остальные исчезнут. Хотя автор настойчиво говорит о «неизбежности» данного явления, он парадоксальным образом заявляет о необходимости создания системы, которая бы сделала возможным этот процесс. Согласно Швабу, в «новую нормальность» не впишутся именно те, кто производит. При «дизруптивном отборе» приоритет отдается компаниям, которым для процветания почти не нужен капитал. «Крупнейшая в мире компания такси Uber не является собственником транспортных средств. Самый популярный в мире медийный собственник Facebook не создает контента. Самый дорогостоящий розничный продавец Alibaba не имеет товарного запаса. Крупнейший в мире поставщик услуг по временному проживанию Airbnb не является владельцем недвижимости» [10, с. 40]. Эфемерные организации выставляются против реального производителя. Они удобны в качестве дестабилизатора экономики, и «выигрывают» за счет обеспечения им условий благоприятствования. Создается иллюзия победы таких компаний в конкурентной борьбе. Хотя они ничего не производят, зато легко поддаются контролю. Кроме того, сотрудники превращаются в «поставщиков труда» и исполнителей разовых заданий, лишаются социальных гарантий.

Т. В. Грачева считает, что рыночные отношения, которые сменили патернализм власти, вступают в противоречие с самой системой государственности. Власть стала перед выбором: принимает она сторону государства, защищающего личность, либо рынка, который уничтожает мешающее ему государство, национальную экономику как фундамент государства и системы социальной защиты народа, требуя создания глобальной экономики. По мнению Т. Грачевой, рынок является одним из главных инструментов создания нового мирового правительства на обломках национальных государств [11, с. 317]. «И власть делает свой выбор. Она выбирает рынок и начинает бороться против государства, а значит, выступает против личности, которая традиционно охранялась государственной оградой» [4, с. 252–253], – считает В. Ю. Катаронов.

В фонде А. Ф. Сергеева хранится дело с машинописной «Подборкой цитат руководителей США, НАТО» с комментариями автора за 1945–1963 гг. Характер выбора высказываний и комментариев свидетельствует о понимании составителем основ и целей западной политики. В цитатах можно увидеть стремление США к мировому господству, не считаясь со средствами, финансовое принуждение государств к отказу от национальной политики, приверженность двойным стандартам, неприкрытое нарушение подписанных договоров. Артем Федорович делал выводы о том, кому война принесла выгоду. Сергеев высказывался о глобалистских целях США в послевоенном мире: «США, невероятно нажившиеся на войне, использовали создавшуюся послевоенную обстановку для укрепления своих экономических, политических и военных позиций. Политические цели, которые поставили перед собой

американские империалисты, состояли и состоят в том, чтобы закабалить экономически и политически европейские и другие капиталистические страны. Все это преследует главную цель – завоевание мирового господства» [12, л. 1]. Ряд материалов из фонда А. Ф. Сергеева свидетельствует о стремлении США к гегемонии. Причем, подразумевалось потребительское отношение к «подопечным» государствам, без ответственности за тех, над кем желали господства. А. Ф. Сергеев приводил выдержку из доклада 1945 г. военному министру маршала Джорджа Кетлетта, бывшего начальника Генштаба США, который утверждал, что «США располагают необходимой мощностью для обеспечения руководящей роли в будущем развитии человечества» [12, л. 2]. Автор подборки зафиксировал еще более откровенное высказывание президента Гарри Трумэна из послания Конгрессу в декабре 1945 г. о том, что победа во второй мировой войне «поставила американский народ перед лицом постоянной и жгучей необходимости руководства миром» [12, л. 1].

«Открытый заговор» Г. Уэллса был обращен, в первую очередь, к британской элите, затем – к британскому народу, а после – ко всему человечеству. Таким образом, британская элита мыслилась им как основной двигатель переустройства мира в единое государство в форме республики, в пользу которой национальные государства должны отказаться от своих суверенитетов, передавая их мировому правительству. Уэллс утверждал, что, благодаря этому, прекратились бы войны, национальные и религиозные конфликты. Мировое правительство должно было располагать ресурсами планеты, распределять блага и осуществлять контроль. Если национальные правительства ведут политику в интересах мирового правительства, им позволяется существовать до укрепления последнего. «Если с конституциями, парламентами и королями можно иметь дело, как с временными институтами, “попечителями” до достижения совершеннолетия мирового содружества, то, при условии, что они ведут дела именно в таком духе, Открытый Заговор не нападает на них» [3, с. 19]. Если они не отвечают вышеназванным требованиям и не сдают свои полномочий, к ним применяется сила. «Однако СССР пошел своим путем и даже спутал карты тем британским заговорщикам, позицию которых английский писатель озвучивал в своей работе. Окончательно это стало понятно Уэллсу в 1934 году, когда он посетил Советский Союз и встретился с И. В. Сталиным» [3, с. 30–31], – считает В. Ю. Катасонов.

А. Ф. Сергеева немало волновала проблема разрушения национальной политики и вмешательства стран НАТО во внутренние дела суверенных государств. Он писал об опасности создания Соединенными Штатами агрессивных военных группировок против Советского Союза и других стран социалистического лагеря. Успех данного предприятия предоставлял США возможность использовать территории стран, подписавших договоры, в качестве военных плацдармов, а также взять под

свой контроль военно-экономический потенциал стран-подписантов, «включая строительство, подготовку и возможное использование вооруженных сил с тем, чтобы превратить своих партнеров в послушных исполнителей своей воли. Создание агрессивных военно-политических блоков под эгидой США ведет к утрате странами-участницами этих блоков, своего политического суверенитета и в значительной мере национальных черт своей внешней политики и стратегии». Автор подборки подчеркивал, что, в отличие от довоенного времени, «послевоенный период характеризуется тенденциями к нивелированию национальных военных стратегий и объединению их в единую глобальную военную стратегию, призванную обеспечить осуществление внешнеполитического курса США» [12, л. 3].

Д. Перкинс описывал процесс навязывания кредитов независимым государствам с целью осуществления глобализационных процессов. Экономические убийцы, к которым причислял себя автор мемуаров, «перекачивали в сейфы крупнейших корпораций и карманы нескольких богатейших семей, контролирующих мировые природные ресурсы» [5, с. 11], огромные суммы, используя при этом любые средства и прикрываясь идеями экономического роста. Для стран, не нуждающихся в займах, разрабатываются специальные стратегии для доступа к их финансовым ресурсам. Д. Перкинс называет такое положение вещей современным вариантом развития колониальной системы. Хотя деньги полученного займа почти сразу возвращаются к корпорациям, страна обязывается выплатить процент. Цель экономических убийц – добиться займов настолько больших, чтобы должник не смог выплатить долг. Тогда кредиторы требуют выполнения своих условий: «страна должна голосовать по нашей указке в ООН, позволить разместить наши военные базы и допустить к драгоценным природным ресурсам..., при этом должник по-прежнему остается должником – и вот еще одна страна вошла в нашу глобальную империю» [5, с. 24].

Бывший «экономический убийца» свидетельствует, что он и его коллеги ответственны за локальные войны, «о которых никто не знает за пределами самих воюющих стран». При этом местные племена пытаются не допустить нефтяные компании на свои земли, «не дать им разрушить свои дома и семьи, даже если бы для этого им всем пришлось погибнуть» [5, с. 23].

Аурелио Печчеи, основатель и президент Римского клуба до 1984 г., член Комитета Трехсот до 2010 г., был особенно возмущен нежеланием государств поступиться своими правами на природные ресурсы: «Нет ни морального принципа, ни закона природы, из которых прямо следовало бы, что какие-то ресурсы принадлежат той или иной нации, на территории которой они оказались» [4, с. 353]. В. В. Жириновский в интервью 2 апреля 2009 г. озвучивал те же мысли, а когда сталкивался с удивлением интервьюирующего его М. Лайтмана, заявлял, что его обычные

высказывания рассчитаны на электорат. Собеседники выразили надежду, что главам государств удастся договориться в глобалистском ключе [13].

Одним из факторов разрушения национального суверенитета, по мнению А. Ф. Сергеева, являлась проводимая западом политика дезинтеграции. В статье 1996 г. «На то и НАТО, чтобы никто не дремал» говорится о мотивах выбора момента для расширения НАТО на восток. По мнению специалиста по советско-американским отношениям, кандидата исторических наук Ю. Ф. Олещука, это решение было вызвано усилением интеграционных процессов на постсоветском пространстве. «Год назад случилось конкретное – практические шаги по сближению между Россией и Белоруссией» [8]. Запад, по мнению автора статьи, опасался воссоздания мощного образования и присоединения к нему других республик, но не мог себе позволить открытого противостояния. Поэтому использовалось финансовое давление и переориентация стран СНГ на сближение с недалеким зарубежьем. Если же Россия попытается создать антинатовский блок, будет предлог обвинить ее в имперских амбициях.

Часть газетных заметок из фонда А. Ф. Сергеева посвящена Украинской теме, а также проблеме присоединения к ней 19 февраля 1954 г. Крыма, который в статье 1995 г. назван «миной замедленного действия» [8, л. 3], могущей привести к территориальным конфликтам.

В. А. Томсинов в книге «Крымское право» приходит к выводам, что западные юристы-международники совершают манипуляции с нормативной и доктринальной основой международного правопорядка. Ученый и дипломат А. Н. Аристов, говорит, что США не менее пяти лет работали на Украине с целью размещения там своих баз и зон влияния. Присоединение Крыма не позволило осуществить планы. Дипломат видит в этом реальную угрозу системе, получившей с 1954 года название Бильдерберга или Бильдербергского права. «Главная особенность “Бильдербергского права” в том, что, в отличие от официального международного права, оно вовсе не запрещает и не осуждает агрессию и захват чужих территорий, смену властей в других странах силой оружия и другие формы силового воздействия – оно запрещает все это в несогласованном самостоятельном “независимом” порядке, что как раз совершила Россия в Крыму» [14, с. 103], – считает Аристов.

Объединить мир в одно тоталитарное государство весьма проблематично, пока народ имеет хозяйственную независимость. К. П. Победоносцев подчеркивал важность существования крепких семейных союзов, обеспеченных земель. «Благосостояние народа разрушается, когда преобладающая сила в народной экономике принадлежит крупному капиталу, привлекающему к себе и малые доли частных капиталов, и мелкие поземельные участки – для хищнической эксплуатации земель» [15, с. 146]. Поэтому К. П. Победоносцев требовал защиты крестьянских наделов от дробления и установления размера надела, который не подлежал бы продаже ни по каким взысканиям. Вопрос

о возможности законодательного закрепления вышеназванных мер обсуждался им в переписке с Н. П. Игнатьевым в 1881 году [16, с. 92–94]. «Без дома, без деревни, без земли, без капитала крестьянин станет рабом всякого разбогатевшего предпринимателя» [17, л. 17–17 об.], – полемизировал мыслитель с А. А. Половцовым. Кроме того, он считал необходимым наличие в каждом населенном пункте, особенно в деревне, школы и церкви. Победоносцев настаивал на необходимости ограничения процента при займе [18].

Манипуляция сознанием является одним из инструментов глобализации. К. П. Победоносцев многократно затрагивал проблему устойчивости и динамичности мировоззрения человека. При этом мыслитель вскрывал механизм действия антихристианской идеологии, разрушающей традиционное мировоззрение человека путем постепенного изменения смысла слов так, чтобы он стал прямо противоположным [19, с. 144]. О той же проблеме пишет современный исследователь В. Ю. Катасонов [20, с. 7]. Младший современник К.П. Победоносцева Ф. Ницше требовал переоценки всех ценностей [21]. В том же направлении действует принцип так называемых «окон Овертона». Г. Уэллс также настаивал на необходимости «пересмотра системы представлений о нормах поведения» [3, с. 62–63].

По выражению К. П. Победоносцева, представители демократии, считая себя пророками всенародного блага и прогресса, захватив законодательный механизм, используют его для достижения своих целей. Подводя все под уровень своего идеала, они пытаются объединить и уравнивать всех и вся «по общим правилам и общей мерой». Однако насадители новой демократии встречают на пути «объединительного и уравнительного процесса» серьезное сопротивление со стороны традиционных убеждений, особенно церковного верования, с которым тесно связана воля человека. «Самое существование церкви – смущение и докуча для демократии» [22, с. 490]. Близкие воззрения на проблему дерационализирующего, деперсонализирующего и лишаящего воли дехристианизированного уравнивания – приведения «ко всеобщему знаменателю», отражены в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» [23, с. 380]. Первым и самым необходимым шагом на пути к достижению данной цели было насаждение равнодушия к вере под видом веротерпимости. Вслед за равнодушием к вере вполне закономерно приходит равнодушие к проблеме добра и зла, что в XX веке выродилось в постмодернистский релятивизм. Об этом предупреждал И. А. Ильин. «Человек душевно расколотый и нецельный ... не способен иметь убеждения..., проблему добра и зла он подменяет вопросом об относительно-полезном и сравнительно-вредном» [24]. А наш современник В. Э. Багдасарян считает постмодернистский инструментальный эффективный орудием для подрыва любого социума: «Через релятивизацию массового сознания были разрушены многие цивилизационные системы» [25, с. 53].

К. П. Победоносцев в 1877 г. обращался к обществу: «Перед нами происходит действительно великая борьба из-за основных начал жизни, такая великая, какой, может быть еще и не бывало, не оттого ли мы так спокойно к ней относимся, что не понимаем всего ее значения?» [26, с. 366–367]

Через полвека Г. Уэллс важную роль в объединении всех народов под властью единого мирового правительства отводил единой мировой религии [3, с. 68]. А еще почти через столетие К. Шваб утверждал, что наибольшую опасность для «глобального сотрудничества и стабильности» «могут представлять радикальные группы, которые ведут борьбу с прогрессом с особой, идеологически мотивированной жестокостью» [10, с. 149–150]. К таким группам он причисляет «глубоко религиозные сообщества», «защищающие свои ценности». Общественных активистов Шваб также приравнивает к террористам. При посредстве экуменизма создается новая «глобальная этика», которая подразумевает и «трансформацию совести».

У «преобразователей» не получилось, как предупреждал К. П. Победоносцев [26, с. 380], до конца вытравить из человека веру, эмпатию, тогда они решили избавиться от самого человека. Задачей новой технологической революции К. Шваб видит как минимум преобразование человечества. Разрушая ценности традиционные, «преобразователи» агрессивно навязывают человечеству свое «единство целей и ценностей». Так, Шваб подчеркивает, что технологическая революция «изменяет не только “что” и “как” мы делаем, но и то, кем мы являемся» и «может привести к таким формам увеличения человеческих возможностей, которые заставят нас поставить под вопрос саму природу человеческого существования» [10, с. 12, 159]. Глава всемирного экономического форума открыто говорит о чипировании мозга как средстве стирать и добавлять нужные воспоминания. О. Н. Четверикова свидетельствует о лоббировании глобальными структурами законодательных инициатив, уравнивающих в правах людей и «искусственный интеллект». Это приведет к абсолютной безответственности владельцев платформы, в чьих руках окажется власть, и попранию ими неотъемлемого права личности на признание ее человеческого достоинства. Человек, по словам глобализатора Ж. Аттали, превратится в «кочевой предмет», который можно будет купить и продать [27, с. 38–39].

Ряд газетных подборок А. Ф. Сергеева посвящены проблемам формирования мировоззрения молодого поколения, манипуляции сознанием. Статья в «Аргументах и фактах» от 28 мая 1985 г. «Зачем нужна сенсация?» повествует о привитии потребительской психологии, аполитичности. В качестве методов и приемов используется «отлучение от политики», то есть политикой должны заниматься профессионалы; второй метод – отвлечение при помощи сенсации, смещение акцентов с социальных и политических проблем на истории о насилии,

преступлениях, подробностях личной жизни известных людей, обращение к низменным чувствам и инстинктам. Следующим методом является замалчивание важных событий. «Подтасовкой карт» назван метод, когда «важные политические события преподносятся так же, как развлекательный материал» [8].

Исследователь А. А. Мачина отмечает характерную черту современного информационного общества – фрагментацию сознания и глобализацию информационной системы. При этом сознание вынуждено бороться с аморальным потоком информации. «Последствием этой ускоряющейся тенденции становится появление “гибкого” сознания..., которое легко поддается определенной обработке путем воздействия на него информации, несущей в себе негативный потенциал» [28, с. 3–4]. Данные проблемы рассматривают в своей работе С. В. Смирнов и С. Г. Кара-Мурза [29, с. 8–195].

Серьезными рычагами манипуляции сознанием является «переоценка» судьбоносных исторически значимых событий в жизни народа. В фонде А. Ф. Сергеева часть материалов посвящена Великой Отечественной войне и осмыслению ее последствий. Одна из вырезок касается деятельности ксендза Бляхницкого, пытавшегося под видом религиозных проповедей пропагандировать идеи необходимости пересмотра итогов ялтинских соглашений в среде польской, чешской и немецкой молодежи. В статье конца 1990-х гг. «Наследие Жукова» высказывается мнение о необходимости установления 9 мая траурного дня, вместо праздничного. Такая позиция аргументируется большим количеством жертв [8].

Однако самым мощным орудием изменения сознания является образование. В последнее десятилетие под видом «слияния» сокращалось количество ВУЗов. Согласно проекту «Образование-2030», их число по стране не должно превышать 200–250 [27, с. 82–83]. По мнению современного исследователя О. Н. Четвериковой, достигаемое при помощи модернизации образования «новое мышление» – есть отсутствие мышления и погружение человека в свои ощущения. Те же воззрения высказывал К. П. Победоносцев в письме к Великому князю Сергею Александровичу [30, с. 526–534] в 1873 году. «Модернизированная» система образования формирует «клиповое мышление», для которого характерно не целостное восприятие, а фрагментарное. Исчезает понятийное мышление, человек теряет способность объединять и анализировать разрозненные факты и события. Скорость информационного потока не дает осмыслить воспринимаемое, развивается цифровое слабоумие, получившее в психиатрии название «digital dementia», симптомы которой сходны с классической деменцией. Серьезный вклад в разрушение образования внесла его «болонизация». Подготовка узких специалистов привела к фрагментации знаний,

проблемам с формированием критического и аналитического мышления [27, с. 74–76].

Идеи глобалистов весьма схожи с идеями эволюционистов. Христианство ищет смысла во всем происходящем, дехристианизационные системы проповедуют теории спонтанности, подобные Дарвинистской, уходящие своими корнями в вавилонскую религиозную традицию. Помимо теории спонтанности идеология глобализма опирается на теорию неизбежности. Обе идеи вступают в непримиримое противоречие с русской культурой, базирующейся на православии, с его провиденциализмом, учением о свободе воли и необходимости понуждать себя к добродетели, как в духовной борьбе, так и в светской деятельности. К. П. Победоносцев и А. Ф. Сергеев предугадали развитие многих событий и действовали в антиглобализационном духе, показывая, что есть альтернативный путь. Так, Победоносцев наносил контрудар по идее сокращения народонаселения, допустимости обезземеливания крестьян и превращения их в рабов крупного капитала; противостоял дехристианизации понятий «власть» и «собственность», из которых постепенно исключался компонент ответственности. Он препятствовал тому, что способствовало глобализации, отстаивая хозяйственную независимость мелких собственников и требуя ограничения процента при займе. А. Ф. Сергеев также не принимал идею разгосударствления экономики и выхода из кризиса через «стихийный» рынок. Идея стихийности рынка впоследствии выродилась в идею «спонтанного» деструктивного отбора. Он также предугадал усиление стремления США к гегемонии и потребительскому паразитированию на территориях своего влияния, предвидел эскалацию агрессии в их стремлении к гегемонии. А. Ф. Сергеев концентрировался на проблеме утраты национального суверенитета и национальных черт внешней политики – нивелировании национальных стратегий в целом, и предугадал Крымский конфликт. К. П. Победоносцев настаивал на необходимости рационализации сознания и подчеркивал, что дерационализация происходит через рассредоточение внимания и погружение в ощущения, что характерно для оккультных практик. Он осознавал, к чему ведет уравнивание и равнодушие в религиозных вопросах, которое впоследствии выльется в экуменизм – опору глобализации. А. Ф. Сергеев также понимал важность рационализации восприятия информации и сохранения исторической памяти. Он внес немалый вклад в победу над фашизмом, и при этом осознавал, что война до конца не завершена, поскольку жива и политически активна идеология, породившая фашизм, разделяющая людей на полноценных и неполноценных, подлежащих уничтожению.

Глобализация в цивилизационном смысле является путем к распаду и концу человеческой истории, запуская и стимулируя процессы политической, социальной, экономической, интеллектуальной, моральной и религиозной деградации. Конструктивные перемены возможны только с

учетом сложившегося порядка вещей, без разрушения среды, в которой живет человек и отрыва от своей почвы. Такая позиция, основанная на православной культуре, была многократно озвучена К. П. Победоносцевым. Другой тип изменений для построения «дивного нового мира», активно практикуемый в настоящее время, имеет оккультное основание и требует разрушение всего, не считаясь не только с моралью, но даже с логикой и целесообразностью. «Ни холодный, ни горячий» либерализм, против которого выступали К. П. Победоносцев и А. Ф. Сергеев, стал ступенькой на пути к тоталитаризму. Либеральные «свободы» оказались свободами для имущих и привели к ущемлению прав личности, разрушая традицию, являющуюся охранительницей этих прав. Чем дальше общество шло по пути дехристианизации, тем сильнее становилось их нарушение. Оккультные идеи были восприняты дарвинизмом, фашизмом, постмодернизмом. Ко времени «четвертой промышленной революции», когда промышленность уничтожается, остается лишь рабовладельческий промысел людьми для «богатых кочевников», общество скатывается в дикое состояние. Отсекая манипулятивное утверждение о невозможности противостоять деструктивным переменам, необходимо вспомнить, что равнодушие и взаимовыручка помогли победить фашизм, сохранить человеческие качества в бесчеловечной войне. В бесстрашии, сочувствии ближнему, вдумчивом отношении к происходящему, единстве людей и обращении к истокам нашей культуры, основанной на христианстве, видится путь современного возрождения России.

Источники и литература

1. От солдата до генерала: воспоминания о войне. М., 2005. Т.5.
2. Победоносцев К.П. Дела и дни // Сочинения. СПб., 1996.
3. Уэллс Г. Открытый заговор. С предисловием профессора В. Ю. Катасонова. М., 2021.
4. Катасонов В.Ю. Глобальные фальсификации и аферы на службе «хозяев денег». «Глобальное потепление», «истощение озонового слоя», «СПИД», «перенаселение Земли», «пандемия коронавируса» и другие. М., 2020.
5. Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы. М., 2014.
6. Победоносцев К.П. Победа, победившая мир. М., 1895.
7. Победоносцев К.П. Правда // Тайный правитель России. М., 2001.
8. Московский областной архивный центр (далее – МОАЦ). Фонд А. Ф. Сергеева. Вырезки статей из газет под рубрикой «Страницы истории».
9. Багдасарян В.Э. Россия-Запад: цивилизационная война. М., 2019.
10. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2020.
11. Грачева Т.В. Когда власть не от Бога: алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань, 2010.
12. МОАЦ. Фонд А. Ф. Сергеева. Подборка цитат руководителей США, НАТО. 1945 г. – 1963 г.
13. Совсем другой Жириновский. Телемост. М. Лайтман – В. В. Жириновский [Электронный ресурс] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3PrW7NQCYSJU> (дата обращения: 12.01.2023).

14. Томсинов В.А. «Крымское право», или юридические основания воссоединения Крыма с Россией. М., 2015.
15. Победоносцев К.П. Семейные участки // Сочинения. СПб., 1996.
16. Победоносцев К.П. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. В 2 т. Минск, 2003. Т. 2.
17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 543. Оп. 1. Д. 623.
18. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. В 3 т. СПб., 1868–1892. Т. 3.
19. Победоносцев К.П. Знание и дело // Великая ложь нашего времени. М., 1993.
20. Катасонов В.Ю. В начале было слово, а в конце будет цифра. Статьи и очерки. М., 2019.
21. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству [Электронный ресурс] // URL: <http://www.koob.ru/nietzsche/antichrist> (дата обращения: 11.01.2023).
22. Победоносцев К.П. Плоды демократии в начальной школе // Тайный правитель России. М., 2000.
23. Достоевский Ф.М. Бесы. М., 2018.
24. Ильин И.А. Спасение в цельности // Путь к очевидности [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mgarsky-monastery.org/kolokol/spasenie-v-tzelnosti> (дата обращения: 29.12.2022).
25. Багдасарян В.Э. Матрицы общественного сознания. М., 2021.
26. Победоносцев К.П. Конечная цель жизни // Тайный правитель России. М., 2001.
27. Четверикова О.Н. Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар. М., 2018.
28. Мачина А.А. Манипулирование сознанием посредством информационной системы: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Москва, 2003.
29. Смирнов С.В., Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием-2. М., 2015.
30. Победоносцев К. П. Приветствие старого воспитателя Великому Князю в день его совершеннолетия // Государство и Церковь. В 2 т. М., 2011. Т. 1.

Д. В. Ливенцев

**доктор исторических наук, кандидат юридических наук
Воронежский институт Федеральной службы исполнения наказаний**

ВОРОНЕЖСКИЙ УЧЕНЫЙ Л. И. ЛЮБОШИЦ ПРОТИВ ФАШИЗМА

Аннотация. Настоящая статья посвящена известному воронежскому ученому экономисту-аграрнику Л. И. Любошицу: его биографии, трудовому пути и отношению к идеологии фашизма.

Ключевые слова: Воронеж; Л. И. Любошиц; Великая Отечественная война; фашизм; научная работа.

2021 год в Российской Федерации был объявлен годом науки и технологии. В 2022 г. началась специальная военная операция российских вооруженных сил в Украине. Нельзя не отметить, что помимо военного противостояния в данном событии сталкиваются две идеологии. В связи с вышесказанным интересен пропагандистский опыт воронежских ученых во время Великой Отечественной войны.

Лев Ильич Любошиц родился в ноябре 1901 г. в городе Велиж Витебской губернии. По национальности он являлся евреем и относился к мещанскому сословию Российской империи. Его отец работал бухгалтером как при царской власти, так и в советское время. Сам юный Л. И. Любошиц в 1918 г. успел потрудиться счетоводом и статистиком государственных лесопильных заводов № 11, № 12, и № 13 треста «Волголес». В силу возраста будущий экономист-аграрник не принял активного участия в событиях Октябрьской революции и Гражданской войны.

В 1920–1925 гг. Л. И. Любошиц обучался в Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева по специальности агроном-экономист. С 1923 г. его приняли в члены профсоюза работников высшей школы. Следующим важным этапом в научной карьере стало обучение в 1926–1929 гг. в аспирантуре Института сельскохозяйственной экономики РАНИОН по специальности экономист-аграрник [1, л. 2]. В 1927–1929 гг. Л. И. Любошиц занимает должность ассистента кафедры политэкономии сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. После, в 1929–1930 гг., работает доцентом по экономике сельского хозяйства в Воронежском СХИ. Наконец, в 1930–1931 гг. он занимает сразу две должности старшего научного сотрудника Московского научно-исследовательского института организации крупного социалистического сельского хозяйства (НИОКСХЭ) и по совместительству доцента по экономике сельского хозяйства Московского института механизации сельского хозяйства. В 1931 г. Л. И. Любошиц возвращается в Воронежский СХИ на должность заведующего кафедрой экономики сельского хозяйства, которую в 1933 г. переименовывают в кафедру политэкономии [1, л. 2 об]. Как отмечал сам Л. И. Любошиц в автобиографии, в декабре 1935 г. высшая аттестационная комиссия присвоила ему ученую степень кандидата экономических наук и одновременно утвердила в звании исполняющего обязанности профессора с условием обязательной впоследствии защиты докторской диссертации на тему: «Теория аграрных кризисов». Кстати, 17 октября 1939 г. список научных печатных работ исполняющего обязанности профессора Л. И. Любошица насчитывал уже 41 исследование [1, л. 36–37].

В мае 1940 г. Л. И. Любошиц вступает в ряды коммунистической партии. Как свидетельствует его личное дело, он не принимал участие в партийных оппозициях.

Именно в начале Великой Отечественной войны, то есть в 1941 г., Л. И. Любошиц пробует себя в роли пропагандиста против фашизма, выходит авторская брошюра под названием «Фашизм – злейший враг крестьянства». Работа начинается с мысли, что СССР совместно со странами антигитлеровской коалиции уже пять месяцев ведет войну с Германией. Л. И. Любошиц называет гитлеровский политический режим антинародным и выражает уверенность в победе, ссылаясь на примеры разгрома немцев на Чудском озере в 1242 г. и армии Наполеона в 1812 г. [2, с. 4–5].

Далее автор утверждает, что фашисты для обмана своего крестьянства использовали его вековую тягу к собственной земле. В своей политической программе нацисты обещали наделение крестьян помещичьей землей, освобождение от долговой кабалы и стабильно высокие цены на сельскохозяйственные продукты.

Однако на практике менее сотой части из германских земельных хозяйств владело третью земли в стране. По подсчетам Л. И. Любошица выходило, что земельное владение одного германского помещика по площади равно 250 мелким крестьянским хозяйствам. Наличествовали среди германских помещиков и рекордсмены по земельным угодьям:

- Известный генерал Вальтер фон Браухич – 121 тыс. га;
- Герцог Эрнст II, принц Гогенлоэ-Лангенбургский – 100 тыс. га;
- Граф Ганс-Юрген фон Арним – 70 тыс. га;
- Промышленник Альфريد Крупп – более 12 тыс. га;
- Промышленник Эрнст фон Борзиг – более 12 тыс. га;
- Промышленник Гуго Стиннес – более 12 тыс. га [2, с. 6–7].

Последний, кстати, получил известность еще и как активный противник коммунистического рабочего движения.

Не отставали в размерах собственных земельных владений и главари нацистского режима в Германии. Среди крупных германских землевладельцев встречались общеизвестные из истории Второй мировой войны имена:

- 1) Адольфа Гитлера;
- 2) Германа Геринга;
- 3) Йозефа Геббельса;
- 4) Генрих Гиммлера;
- 5) Альфреда Розенберга.

По факту самые лучшие немецкие земли принадлежали крупным помещикам. Германский министр земледелия Рихард Дарре регулярно обещал в своих выступлениях крестьянам завоеванные земли на Востоке вместе с бесплатной рабочей силой. Отсюда, нацистской пропагандой постоянно утверждалось, что у крестьянина мало земли, но его ждут обильные угодья в захваченных странах. Между тем, в 1933 г. гитлеровское правительство утвердило «закон о наследном дворе». По нему устанавливались размеры минимального неделимого крестьянского участка от 7,5 до 125 га., который передавался по наследству. При этом подавляющее большинство крестьян из бедняков и середняков оставались без земли. Они не могли набрать и минимальной площади земельного участка для наследника. В то же время и неделимые крестьянские участки не позволяли вести эффективное сельское хозяйство и разорялись из-за невыплаченных в срок кредитов.

С 1937 г. в Германии вводится так называемая «подворная карточка», учитывающая всю производимую сельскохозяйственную продукцию на крестьянском участке земли. Крестьянина обязывали сдавать все продукты

на военные нужды государства по фиксированным низким ценам. Если же крестьянин не выполнял годовую норму по производству продуктов сельского хозяйства, зафиксированную в «подворной карточке», то он лишался земельного надела. 25 апреля 1941 г. последовало еще одно распоряжение об обязательном изъятии у крестьян маслобоек и куриных яиц. Всех недовольных подобными государственными административно-хозяйственными мерами ждало тюремное заключение. Причем Л. И. Любошиц приводил несколько примеров недовольства крестьянами германской сельскохозяйственной политикой в своей брошюре [2, с. 8–9].

В итоге сельское население в Германии с 1933 по 1939 г. сократилось на 1,5 млн человек. Такое положение вещей привело к сокращению продуктового производства, увеличению количества голодающих и неимущих, нехватке рабочих рук, лошадей, удобрений и агротехники. Все из германского сельского хозяйства забирал на свои нужды победоносный вермахт, обещавший расплатиться захваченными земельными угодьями.

Л. И. Любошиц отмечал, что недовольство германского крестьянина не отразилось в конкретной классовой борьбе. Несмотря на это, по мнению автора пропагандистской брошюры, немецкий крестьянин уже осознал, что фашизм представляет для него злейшего врага [2, с. 9–11].

После чего Л. И. Любошиц останавливается на судьбе сельских жителей, покоренных вермахтом стран, особенно уделяется внимание славянскому крестьянству. Любое освоение захваченной новой территории начинается с поставок для германских вооруженных сил:

- 1) сельскохозяйственных машин;
- 2) сельскохозяйственного сырья;
- 3) масла;
- 4) скота;
- 5) сахара;
- 6) зерна.

Здесь Л. И. Любошиц приводит заметки знаменитого публициста Ильи Эренбурга о расхищении Парижа германскими военными. Автор брошюры утверждает, что во Франции после оккупации количество скота сократилось наполовину, а свиней – на 70 %. Более половины животноводческой отрасли лишились Дания и Голландия. Население Дании, которую раньше называли «мясной фермой Европы», употребляет преимущественно конину.

При этом у славянского крестьянина немцы хотели отнять еще и землю, превратив его в безземельного пролетария или батрака, прислуживающего в Восточной Европе зажиточному слою германских фермеров. Практически, как утверждал Л. И. Любошиц, речь идет о своеобразном возрождении крепостного права.

Первой площадкой новой аграрной германской политики стала завоеванная Польша. На польскую землю вместо согнанных с нее местных крестьян переселили 400 тыс. богатых фермерских семейств из различных регионов Германии. Земли предлагались германским хозяевам вместе с

конфискованным сельскохозяйственным инвентарем и скотом [2, с. 12–13]. Многие члены польских крестьянских семей погибли в ходе данного экстренного переселения. Безземельных польских крестьян приняли концентрационные лагеря и германский рынок низко квалифицированной рабочей силы. В Польше германская администрация создала искусственный голод для сокращения численности славянского населения [2, с. 14–15].

Затем Л. И. Любошиц приводит несколько фактов разворачивающихся движений сопротивления и партизанской борьбы в ряде стран:

- Польша;
- Югославия;
- Чехословакия;
- Норвегия [2, с. 16–17].

Ученый отдельно рассказывает о германской сельскохозяйственной политике на оккупированных советских территориях. Здесь земли, безусловно, подлежали распределению по уже апробированной польской модели сельскохозяйственной политики. По приказу о снабжении для вермахта № 57 от 6 августа 1941 г. из немецких многоземельных фермеров и помещиков нужно было сформировать корпус сельскохозяйственных руководителей совхозов и колхозов. Каждое воинское подразделение выделяет должность сельскохозяйственного офицера, который назначает председателя колхоза и созывает всех крестьян на работы. Сам колхоз представляет ни что иное, как доверенное предприятие немецкой армии [2, с. 18–19].

У одного из пленных военнослужащих нашли документ с обязанностями начальника колхоза на советской оккупированной территории, где выделялись следующие положения:

- начальник ответственен за уборку урожая;
- начальник пресекает саботаж работников любыми доступными средствами;
- начальник отвечает за распределение рабочей силы;
- начальник отвечает за скот;
- начальник несет ответственность за сельскохозяйственный инвентарь.

Затем Л. И. Любошиц приводит несколько примеров садистских методов поддержания вермахтом порядка в доверенных предприятиях немецкой армии [2, с. 20–21]. Единственной надеждой на освобождение автор пропагандисткой брошюры называет Красную Армию и разворачивающееся партизанское движение [2, с. 20–23]. Он отмечает, что никто не уйдет от законного возмездия, особенно, лица, сотрудничающие с немецкой войной администрацией [2, с. 24–25].

Л. И. Любошиц сравнивает немецкий аграрный оккупационный режим с дореволюционной Россией и говорит, что немцам никогда не удастся вернуть прошедшие времена [2, с. 26–27]. Он подчеркивает роль советской власти в колхозном движении и приводит показатели развития сельского

хозяйства в Воронежской области за 1940 г. [2, с. 28–29]. Воронежский экономист-аграрник призывает колхозников отдать все силы для борьбы на трудовом фронте, и выражает уверенность, что страны антигитлеровской коалиции победят фашизм [2, с. 30–31], а советский крестьянин никогда не захочет стать фашистским рабом [2, с. 32].

Вскоре после написания пропагандисткой брошюры Л. И. Любошиц эвакуировался вместе с Воронежским СХИ в город Камень-на-Оби Алтайского края и вернулся назад в город Воронеж уже в 1944 г. [1, л. 3]. В мае 1945 г. он защищает докторскую диссертацию «Теория аграрных кризисов» в Московском государственном экономическом институте [1, л. 5 об]. В личном деле Л. И. Любошица содержится диплом доктора экономических наук, подписанный 1 марта 1946 г. [1, л. 11]. Между прочим, Высшая аттестационная комиссия принципиально не утвердила Л. И. Любошица в должности профессора 30 октября 1943 г., а только продлила им исполнение обязанностей еще на один год [1, л. 15]. Утверждение в должности профессора последовало после присуждения ученой степени доктора экономических наук 2 февраля 1946 г. [1, л. 16].

Затем 14 июня 1947 г. он занимает должность заведующего кафедрой политической экономики Воронежского СХИ [1, л. 1]. Именно в этот день Министерство Высшего Образования СССР утвердило его в новой должности приказом № 927/к [1, л. 14]. Немного ранее при избрании на должность заведующего кафедрой авторство брошюры «Фашизм – злейший враг крестьянства» было отмечено в положительной характеристике Л. И. Любошица от 7 января 1946 г. [1, л. 17]

Л. И. Любошиц имел несколько государственных и ведомственных наград:

- Значок «Отличник-служащий» от Наркомзема СССР (5.06.1944);
- Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» от Президиума Верховного Совета СССР (25.06.1946) [1, л. 25];
- Орден «Трудового Красного Знамени» от Президиума Верховного Совета СССР (27.10.1953) [1, л. 3 об].

6 марта 1958 г. Воронежский СХИ выдвинул Л. И. Любошица в члены-корреспонденты Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина [1, л. 33]. Наконец, 27 февраля 1969 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР ученому присвоили почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР» [1, л. 56]. Л. И. Любошиц избирался в Московский и Воронежский городские Советы депутатов. Ученый на профессиональном уровне владел английским и читал со словарем на немецком языках.

На июнь 1968 г. список печатных работ Л. И. Любошица включал 55 пунктов [1, л. 6–10], а 3 апреля 1973 г. достиг 63 книг и статей и брошюра «Фашизм – злейший враг крестьянства» в упомянутых перечнях присутствовала [1, л. 58–64].

В 1973 г. Л. И. Любошиц уходит с должности заведующего кафедрой на должность профессора кафедры политэкономии СХИ (приказ № 113 от 26.06.1973), а в 1977 г. снижает свою нагрузку до 0,5 ставки (приказ № 168 от 1.09.1977) [1, л. 1]. Затем в 1977 г. ученый переходит на должность профессора-консультанта кафедры политэкономии с освобождением от педагогической нагрузки в 0,5 ставки [1, л. 73]. 9 сентября 1985 г. Л. И. Любошиц пишет заявление с просьбой об освобождении его от должности профессора-консультанта кафедры политэкономии [1, л. 78], а за месяц до этого события 5 августа 1985 г. экономисту-аграрнику вручают Почетную грамоту Воронежского сельскохозяйственного института имени К. Д. Глинки [1, л. 80].

Таким образом, авторская брошюра Л. И. Любошица «Фашизм – злейший враг крестьянства» стала важной вехой в жизни советского экономиста-аграрника и в полной мере отразила его гражданскую позицию по отношению к событиям Великой Отечественной войны. Благодаря брошюре «Фашизм – злейший враг крестьянства» мы можем судить об участии воронежских ученых в антигитлеровской пропаганде в первый самый тяжелый для советской страны год боевых действий.

Источники и литература

1. Архив Воронежского государственного аграрного университета. Ф. 408. Оп. 3л. Д. 93.
2. Любошиц Л.И. Фашизм – злейший враг крестьянства. Воронеж, 1941.

А. А. Дорош

кандидат исторических наук

Воронежский государственный технический университет

**ВКЛАД В АНТИРЕЛИГИОЗНУЮ ПРОПАГАНДУ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОБЛАСТНОГО СОВЕТА
«СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ»
ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЙ ОБЛАСТИ П. К. ЗАРИНА**

Аннотация: данная статья посвящена изучению личного вклада в антирелигиозную пропаганду председателя областного совета «Союза воинствующих безбожников» Центрально-Черноземной области П. К. Зарина. При подготовке данного материала был проведен анализ малоизвестных в настоящее время антирелигиозных пропагандистских трудов П. К. Зарина, издававшихся в качестве отдельных книг или опубликованных в советских периодических изданиях в 20-е – 30-е гг. XX в.

Ключевые слова: СССР; СВБ; «Союз воинствующих безбожников»; Центрально-Черноземная область; советская власть; П. К. Зарин; антирелигиозная пропаганда; атеизм; безбожие.

Общеизвестно, что на ход истории влияют не только многочисленные общественно-политические, социальные и экономические законы общественного развития, но и отдельные личности, как правило, обладающие неординарными качествами и способностями. К сожалению, далеко не всегда историки уделяют должное внимание личностям общественных деятелей, действовавших на региональном уровне. Отсутствие должного профессионального внимания со стороны историков зачастую приводит к утрате необходимых сведений о том или ином человеке, оказавшем влияние на значимые общественно-исторические процессы, что в свою очередь, может негативно сказаться на исторической объективности.

Так, целью данной работы является изучение личного вклада в антирелигиозную пропаганду известного общественного деятеля Центрального Черноземья 20-х – 30-х гг. XX в. Петра Карловича Зарина, являвшегося бессменным председателем «Союза воинствующих безбожников» Центрально-Черноземной области на протяжении всего ее существования как административной единицы с 1928 по 1934 г.

Отметим, что П. К. Зарин являлся не только весьма энергичным и успешным организатором деятельности областного совета СВБ в ЦЧО, но и талантливым агитатором-антирелигиозником, автором ряда статей и книг антирелигиозной направленности.

Активной антирелигиозной пропагандистской деятельностью П. К. Зарин занимался еще в то время, когда являлся функционером Уральского совета «Союза безбожников» (первоначальное название «Союза воинствующих безбожников») и проживал в г. Свердловске, до того, как 18 июня 1927 г. стал председателем Воронежского губернского совета «Союза безбожников» [1, л. 45] и затем при создании ЦЧО как административной-территориальной единицы стал председателем уже областного совета. О его активности как антирелигиозного пропагандиста могут свидетельствовать многочисленные публикации во всесоюзной газете «Безбожник» – являвшейся главным печатным периодическим изданием «Союза воинствующих безбожников», направленным на пропаганду атеистического мировоззрения широким массам советских граждан. Газета выходила, как правило, еженедельно по воскресеньям и издавалась многотысячными тиражами, то есть охват целевой аудитории был достаточно велик.

В качестве примера можно привести следующие статьи П. К. Зарина: «Антирелигиозная пропаганда по радио», «Антирелигиозный музей» [2], «Растет деревенская армия безбожников» [3], «За деньги можно нарушать церковные законы» [4], «Икона с конской головой» [5] и др.

В этих и прочих опубликованных в данной газете статьях П. К. Зарин описывает достижения безбожных организаций на местах и делится передовым опытом антирелигиозной работы или критикует священнослужителей и религию в целом.

Помимо этого, статьи П. К. Зарина регулярно публиковались в научно-методическом журнале «Антирелигиозник», являвшимся печатным органом Центрального совета «Союза воинствующих безбожников». Данный журнал выходил ежемесячно и, по большей части, предназначался для функционеров и активистов организации. В нем содержались методические указания по проведению антирелигиозной работы среди советских граждан, рассматривался опыт работы на местах советов и ячеек СВБ. Среди постоянных авторов журнала фигурировали такие личности как В. Д. Бонч-Бруевич, Н. К. Крупская и иные известные советские общественно-политические деятели.

Таким образом, данное издание было гораздо более серьезным и узкоспециализированным в сравнении с газетой «Безбожник».

В качестве примера можно привести несколько статей, опубликованных в журнале «Антирелигиозник» за авторством П. К. Зарина: «Силы религиозные и безбожные на Урале» [6, с. 41–42] и «Правый и левый уклон в антирелигиозной пропаганде» [7, с. 5–11]. В первой, указанной нами статье, акцент делается на анализе соотношения численности религиозных объединений и противодействующих им организаций СВБ [6, с. 41–42]. Вторая приведенная нами статья несет в себе критический взгляд на проводившуюся антирелигиозную работу в СССР, недостаточное внимание местных советских чиновников и партийных деятелей к СВБ и самой антирелигиозной работе как таковой, которая, по мнению П. К. Зарина, имеет основополагающее значение для развития советского государства [7, с. 5–11].

Рассматривая публицистическую активность П. К. Зарина нельзя не обратить внимание и на его активнейшую публицистическую деятельность в самой ЦЧО. Так, П. К. Зарин являлся одним из постоянных авторов ряда статей и заметок антирелигиозного содержания публиковавшихся в ежедневной газете «Коммуна» обкома ВКП(б), облисполкома и облпрофсовета ЦЧО, Воронежского окружкома ВКП(б) и окрисполкома – главном печатном издании объединенного Центрального-Черноземья. В целом его статьи носили информационный (объявляли о приводящихся или сообщали об уже проведенных СВБ ЦЧО мероприятиях и массовых акциях) и пропагандистский характер.

В данном контексте гораздо большего внимания заслуживает тот факт, что именно благодаря П. К. Зарину уже в Воронежской области, в период с 1934 по 1937 г. выходил так называемый «Блокнот антирелигиозника» (всего было выпущено 7 номеров). Данное издание предназначалось для активистов СВБ. Общий тираж издания составил 15 900 экземпляров, распространялось данное издание бесплатно.

Основным автором статей, печатавшихся в «Блокноте антирелигиозника» являлся П. К. Зарин. Антирелигиозная тематика статей за его авторством была достаточно широкой. Так, в статье «Добьем классового врага, прикрывающегося религией» [8, с. 1–7] акцент делался на враждебность любой религии пролетариату, так как она сама по себе является ширмой для империалистов. Там же приводятся многочисленные конкретные примеры противодействия кулачества и духовенства честным советским труженикам, советским организациям и учреждениям [8, с. 1–7]. В другой своей статье «Гражданская война в Испании и церковь» автор делает акцент на поддержку, которую оказывала католическая церковь контрреволюционным силам в Испании [9, с. 3–7], то есть дается оценка международной обстановке в контексте негативной роли христианской религии для трудящихся всего мира.

Особую важность в оценке вклада в антирелигиозную пропаганду П. К. Зарина имеет также и краткий анализ его книг антирелигиозного содержания.

Так, книги «Бог и капитал против СССР» [10], «Крестовый поход мракобесов против СССР» [11] были изданы в Воронеже общим тиражом, примерно в несколько десятков тысяч экземпляров. Данные труды подчеркивали враждебность религии в деле обеспечения безопасности и территориальной целостности СССР, так как, по мнению П. К. Зарина, любой верующих человек мог так или иначе являться вольным или невольным пособником агрессивного мирового капитализма, ставящего своей главной задачей уничтожение СССР как государства рабочих и крестьян. Так, П. К. Зарин писал: «Церковники и сектанты капиталистических стран как верные стражи интересов буржуазии, также принимают активное участие в новом антисоветском походе мировой буржуазии» [10, с. 18].

В книге «Машинно-тракторные станции в борьбе с религией» [12] изданной в Москве в 1931 г. тиражом 25 000 экземпляров основная мысль автора акцентировалась на необходимости укомплектования МТС из числа безбожников, при недопущении на должности трактористов религиозных элементов. Подчеркивалась необходимость использования трактористов-безбожников в активной антирелигиозной агитации [12, с. 13–17]. Целесообразность данной идеи, по мнению П. К. Зарина, заключалась в том, что именно механизация села способна активно противодействовать как «кулакам», так и религиозным верованиям в сельской местности [12, с. 11].

Не меньший интерес представляет книга «Политическая маскировка религиозных организаций» [13]. Данная книга была издана в Москве в 1934 г. тиражом 20 200 экземпляров и предназначалась для всесоюзного использования организациями СВБ. В данном антирелигиозном труде П. К. Зарин высказывал мысль о том, что любые церковники и сектанты, так или иначе, являются хорошо замаскированными врагами рабочих и

крестьян и используют религию всего лишь как ширму прикрывающую истинную их истинную цель, заключающуюся в осуществлении вредоносной деятельности по отношению к советскому государству [13]. «Когда закончилась гражданская война [имеется в виду Гражданская война в России. – А.Д.], церковники и сектантские главари продолжают борьбу против советского государства с прежней силой, изменив только род своего оружия» [13, с. 7], – констатировал автор.

В целом, в 30-е годы XX в. общий тираж антирелигиозных книг П. К. Зарина превысил 50 тысяч экземпляров. По большей части, данные многотиражные издания предназначались не столько для использования в отдельно взятом регионе, сколько для распространения на всей территории СССР и дальнейшего применения в антирелигиозной пропаганде, осуществлявшейся преимущественно силами советов и ячеек СВБ.

Таким образом, на основании вышеизложенного следует сделать следующий вывод: председатель областного совета СВБ ЦЧО Петр Карлович Зарин являлся весьма образованным и эрудированным человеком, обладающим необходимым талантом пропагандиста и агитатора. Пропагандистская деятельность П. К. Зарина являлась весьма значительной для всего Центрального Черноземья и была заметна даже на всесоюзном уровне в деле активной антирелигиозной пропаганды, осуществлявшейся на территории СССР в 20-е – 30-е гг. XX в. «Союзом воинствующих безбожников».

Источники и литература

1. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИВО). Ф 1. Оп. 1. Д. 1638.
2. Безбожник. 1925. 6 дек.
3. Безбожник. 1926. 7 февр.
4. Безбожник. 1926. 25 апр.
5. Безбожник. 1926. 17 окт.
6. Зарин П.К. Силы религиозные и безбожные на Урале // Антирелигиозник. 1927. № 3. С. 41–42.
7. Зарин П.К. Правый и левый уклон в антирелигиозной пропаганде // Антирелигиозник. 1930. № 1. С. 5–11.
8. Зарин П.К. Добьем классового врага, прикрывающегося религией // Блокнот антирелигиозника. 1934. № 1. С. 1–7.
9. Зарин П.К. Гражданская война в Испании и церковь // Блокнот антирелигиозника. 1936. № 4. С. 3–7.
10. Зарин П.К. Бог и капитал против СССР. Воронеж, 1931.
11. Зарин П.К. Крестовый поход мракобесов против СССР. Воронеж, 1930.
12. Зарин П.К. Машинно-тракторные станции в борьбе с религией / Центр. совет Союза воинств. безбожников СССР. М., 1931.
13. Зарин П.К. Политическая маскировка религиозных организаций / Центр. сов. Союза воинств. безбожников СССР. М., 1934.

**СУДЬБА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА
ПЕРВОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КУРСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА
ПЕТРА СТЕПАНОВИЧА ЦАРЕВА**

Аннотация. На основе сохранившихся архивных материалов и другой информации, автором предпринята попытка изложить основные этапы жизненного пути и роль Петра Степановича Царева в общественно-политической жизни Курской области в момент образования ее как самостоятельной административно-территориальной единицы.

Ключевые слова: облисполком; ВКП(б); Курская область; президиум; власть; репрессии.

13 июня 1934 года по постановлению Президиума ВЦИК Центрально-Черноземная область была разделена на Воронежскую и Курскую, в состав которой в этот период входили территории нынешних Курской, Белгородской, Липецкой и Орловской областей. Органы власти в Курской области начали постепенно формироваться. На должность председателя областного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов был назначен Петр Степанович Царев, освобожденный в марте 1937 года от работы «за потерю партийной бдительности» [1, с. 239].

П. С. Царев родился 31 декабря 1892 г. в селе Нижнее Аблязово Кузнецкого уезда Саратовской губернии. Рос в бедной семье, родители принадлежали к крестьянскому сословию, всю жизнь занимались сельским хозяйством. В 1904 г. мальчик окончил сельскую школу-трехлетку. Так как семья страдала от малоземелья, отец решил в 1906 г. отдать Петра на работу продавцом в один из магазинов города Вольска. Торговля стала основным занятием молодого человека вплоть до 1915 года. Работать пришлось не только в Вольске, но и в Кузнецке, селе Кунчурово того же уезда, и даже в Казани. Девятилетний опыт работы по профессии свидетельствует о наличии у молодого человека определенного таланта и математических способностей.

Как указывает в автобиографии П. С. Царев: «В сентябре 1915 г. был взят по мобилизации в армию, прослужил в Пензе до июля 1917 года. С 15 июля по 8 декабря 1917 года находился в действующей армии на Румынском фронте. За все время пребывания в царской армии был рядовым солдатом. 8 декабря 1917 г. получил месячный отпуск, приехал в село Кунчурово Кузнецкого уезда Саратовской губернии и больше в армию не возвращался».

Революционная деятельность Петра Царева началась с первых дней Февральской революции, еще в период солдатской службы в 99-м

пехотном полку. В февральские дни 1917 г. он занимался распространением революционной литературы в своем полку, а 4 марта принял активное участие в организации демонстрации полка и в отстранении от должности командира, полковника Г. П. Перемежко-Галича, а также его аресте, за то, что тот отказался подписать приказ о выходе полка на демонстрацию.

Вернулся после службы в армии в село Кунчерово Кузнецкого уезда, где жила семья. В марте 1918 г. поступил на работу секретарем волостного земельного отдела, впоследствии был избран членом волисполкома. Вскоре перспективного работника назначили заведующим земотделом.

В Коммунистическую партию вступил в начале ноября 1918 г., стал членом Кузнецкой уездной организации Саратовской губернии. В этой организации состоял на учете с 1919 по 1923 г. Уже в 1920 г. Петра Царева избрали членом уездного комитета партии, в течение 4-х лет он состоял членом исполкома уездного совета, одновременно руководил местной промышленностью.

Во время партийной чистки 1921 г. проверочной комиссией был исключен из партии на год (взыскание зачтено с сохранением стажа) за организацию банкета. При этом с советской и хозяйственной работы не снимался. Постановление проверочной комиссии было отклонено Саратовским губкомом партии, и П. С. Царев вновь стал обладателем партийного билета [2, л. 74].

Занимая должность управляющего Саратовским отделением Промышленного (Торгово-промышленного) банка, П. С. Царев вполне положительно оценивался вышестоящим руководством. В его характеристике отмечалось: «Имеет солидный стаж практической работы по народному хозяйству. Работник энергичный, с большой инициативой и знанием, в частности, банковского дела. Промбанк, существуя с 1922–1923 гг., под непосредственным руководством П. С. Царева за эти годы окреп, оправдал свое существование и завоевал себе прочное положение в системе хозяйства губернии в целом».

Выдвижение Петра Царева на должность руководителя отделения Промбанка с момента начала учреждения этой финансово-кредитной структуры было обусловлено личными и деловыми качествами проявившего себя на практической хозяйственной работе специалиста. Несмотря на ряд трудностей, благодаря умелому координированию работ и способности грамотно организовать эффективное решение задач, стоявших перед промышленностью и торговлей, а также в области кредитования, при полном контакте с планирующими и регулирующими органами, даже будучи достаточно молодым руководителем, П. С. Царев добился серьезных положительных результатов.

К числу недостатков в руководстве отделением Промбанка со стороны П. С. Царева было отнесено то обстоятельство, что к укомплектованию штата банковских служащих управляющий уделил

недостаточно внимания, о чем свидетельствовал следующий факт: «На работе в банке занято 36 человек, из общего числа которых на ответственной работе кроме самого товарища Царева нет ни одного коммуниста». Таким образом, партийная принадлежность и политическая лояльность сотрудника к новой власти ставились выше уровня его профессионализма. Причем, ответственность за создание в трудовом коллективе мощной партийной «прослойки» возлагалась на руководителя.

В октябре 1923 г. постановлением Саратовского губкома партии П. С. Царев был назначен заместителем председателя губернского Совнархоза. Одновременно с изменением номенклатурного статуса повышалось его положение и в партийной иерархии. В 1925 г. Царев был избран кандидатом, а уже через год стал членом губернского комитета партии. Параллельно состоял членом исполнительного комитета губернского Совета депутатов. 19 января 1927 г. Петр Степанович утвержден членом Высшего Совета народного хозяйства РСФСР.

В 1928 г. по постановлению ЦК ВКП(б), П. С. Царев переведен в Центрально-Черноземную область председателем областного Совета народного хозяйства. В парторганизации ЦЧО в первом составе обкома партии состоял кандидатом в члены бюро, а во втором и третьем составах избирался членом президиума бюро обкома. С марта 1930 г. решением обкома ВКП(б) был освобожден от занимаемой должности и направлен заместителем председателя облисполкома.

Летом 1934 г. П. С. Царев возглавил Курский облисполком. Председательствуя на заседаниях президиума облисполкома, он руководил принятием ряда важных для жизни решений. В их числе следует отметить такие, как «О признании необходимости организации в г. Курске мединститута» [3, л. 5], «Об организации треста кинофикации» [3, л. 7], «Ходатайство Курского облкоммунстроя о закреплении районов на вербовку рабочей силы для производства ремонта строительных работ в городе Курске» [3, л. 85], «О повышении квалификации учителей» [3, л. 134 об.], «О мероприятиях по ликвидации неграмотности» [4, л. 172], «О передаче воспитанников детского дома на Патронат» [5, л. 71 об.], «О строительстве в г. Курске мединститута» [6, л. 7.], «О результатах проверки выполнения решений ЦК ВКП(б), обкома и облисполкома по выращиванию женских кадров» [7, л. 7 об.], «Ходатайство дирекции мединститута об отпуске средств на открытие мединститута» [7, л. 139 об.] и др.

Выступление П. С. Царева на IX Пленуме Курского обкома ВКП(б) в 1936 г. характеризует его, как типичного номенклатурного руководителя, стремившегося подстраиваться под текущую политическую ситуацию. С присущей провинциальному советско-партийному лидеру прямолинейностью он критиковал товарищей по партии за бюрократически-формальное отношение «к такой величайшей исторической задаче, как очистка нашей парторганизации от всех чуждых

и враждебных партии и делу социализма людей, тем или иным путем пролезших в нашу партию». Одновременно председатель облисполкома восхвалял «прозорливость и мудрое решение ЦК партии, который вскрыл всю глубину наших недостатков партийной работы». Без указаний об организационно-партийной работе и результатах проверки партийных документов, которые содержались в двух решениях ЦК ВКП(б), где по мнению П. С. Царева, давалась «совершенно правильная, четкая, критическая оценка работы областной партийной организации», обойтись было невозможно. Руководитель области признавал, что Курский обком сам «встал на неверный путь организации работы по проверке партийных документов», и без помощи ЦК ВКП(б) положительных результатов добиться бы не смог. Подобное преклонение перед вышестоящим партийным органом обеспечивало устойчивость позиции оратора, как верного борца за «чистоту» партийных рядов и надежного исполнителя воли Центрального комитета.

После вторичной проверки партийных документов П. С. Царевым было отмечено, что «при наличии всех равных условий с соседними районами, одни из них работают хорошо, в других строительство социалистической экономики отстает, при том же общем внимании партии и правительства, при тех же географических условиях ряд районов Курской области отстают. Когда мы проанализировали, оказалось, что по различным парторганизациям области состоят шесть с лишним тысяч человек, которые изо дня в день не только не помогали, но и вредили работе, а в отдельных районах они группировались на различных участках, в отдельных хозяйственных или советских организациях» [8, л. 74]. В целом, в упомянутом выступлении, посвященном проверке партийных документов, отмечалось, что Курский обком ВКП(б) к ней не был готов. Впоследствии это обстоятельство отрицательно скажется на работе обкома. С одной стороны, сами парторганизации принимали в коммунисты и выдавали партбилеты всем желающим, и тщательной проверкой кандидатов не занимались, поскольку, прежде всего, требовалось благополучно отчитаться перед ЦК ВКП(б), на основе статистики показать, что в области с каждым днем растет количество людей, преданных партии и достойных членства в ней. С другой стороны, в то время не было возможности и средств, чтобы тщательно проверить каждого кандидата в партию. На руководящих постах в колхозах находились, как правило, коммунисты, которые вступали в партию власти ради получения административно-политических должностей, а заниматься с подчиненными политической учебой и партийной агитацией, у них не было ни времени, ни желания, ни соответствующих знаний.

Закат политической карьеры Петра Степановича Царева начался в 1937 г., когда он был переведен на должность начальника Воронежского областного земельного управления. 10 июля 1937 г. его арестовали, этапировав в Курское облуправление НКВД. В материалах дела

указывалось на то, что «еще в 1935 г. возглавляемая им организация установила и заключила блок по совместной антисоветской деятельности с существовавшей в Курской области эсеровско-террористической повстанческой организацией». По мнению следствия, вся практическая деятельность «организации» была направлена на насильственное свержение советской власти и восстановление капиталистических отношений в СССР [9, с. 274]. П. С. Цареву предъявили обвинения по статьям 57, 58, 58 п. 11 в руководстве правотроцкистской террористической организацией и вредительской деятельности. Осужден 23 октября 1938 г. выездной сессией ВКВС СССР в Курске, приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован ВКВС СССР 2 июня 1956 г. [10, с. 35]. Факт реабилитации свидетельствует о сфабрикованности дела против П. С. Царева, который стал жертвой реализации политики, которую сам пропагандировал и отчасти олицетворял. Но его пример указывает и на то, что во времена «оттепели» Н. С. Хрущеву было, по сути, без разницы кого реабилитировать, из-за желания опорочить Сталина, чтобы оправдать свои действия во времена репрессий.

Источники и литература

1. Степанов В.Б. Наместники и губернаторы Курского края 1779–1917 гг. Исторические очерки. Курск, 2005.
2. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 9. Д. 2228.
3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3322. Оп. 1. Д. 91.
4. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 1. Д. 113.
5. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 1. Д. 114.
6. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 1. Д. 122.
7. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 362.
8. Царев Петр Степанович [Электронный ресурс] // URL: [https://ru.openlist.wiki/Царев_Петр_Степанович_\(1892\)](https://ru.openlist.wiki/Царев_Петр_Степанович_(1892)) (Дата обращения: 05.12.2022).
9. Большая Курская Энциклопедия. Курск, 2005. Т. 1. Кн. 3.
10. Книга памяти жертв политических репрессий Курской области. Курск, 2011.

О. Н. Аргунов

кандидат исторических наук

Государственный архив Курской области

ЧЛЕНЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КУРСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ В 1941 г.: КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ

Аннотация. В настоящей работе приводятся краткие биографические сведения о членах Курского облисполкома, работавших в

трудном для страны и региона 1941 г. Как показывает анализ, во многом благодаря их компетенции Курская область достойно справилась с проблемами начала Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Курская область; облисполком; Совет депутатов трудящихся; Великая Отечественная война; коллективный портрет.

Постановлением Чрезвычайного VIII-го Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. была принята новая Конституция СССР.

Согласно новой Конституции, местные Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов преобразовывались в Советы депутатов трудящихся. Кроме того, изменились организационное построение, порядок образования и формы работы Советов. Согласно Конституции СССР 1924 г., Советы функционировали в виде периодически созываемых съездов Советов, на которых избирались исполкомы, ответственные перед съездами Советов. В период между съездами Советов исполкомы пользовались почти всеми правами съезда.

С принятием Конституции 1936 г. система съездов Советов была упразднена. Органы государственной власти на местах были организованы как постоянно действующий механизм государства. Советы стали избираться на определенный установленный срок, в течение которого они осуществляли свои полномочия в одном и том же постоянном составе депутатов. Местные Советы стали избираться сроком на два года. Теперь Советы депутатов трудящихся стали вести свою работу в сессионном порядке периодически созываемых собраний депутатов, на которых стали решаться важнейшие вопросы жизни регионов. Была установлена строгая периодичность в сроках созывов сессий: так, областные Советы депутатов трудящихся должны были созываться на сессию, не реже четырех раз в год.

В свою очередь данные преобразования повлекли за собой существенные изменения в правовом положении исполнительных комитетов местных Советов. Если раньше исполкомы в период между съездами Советов являлись высшими органами государственной власти на соответствующей территории и пользовались за исключением некоторых всеми правами съездов Советов, то теперь они были лишены этих прав. Конституция СССР 1936 г. провела четкое разграничение компетенций Советов и исполнительных комитетов. Советы как представительные органы народовластия принимали решения и давали распоряжения в пределах прав, предоставленных им законами. Исполкомы же являлись исполнительными и распорядительными органами Советов. Они не заменяли Советов между сессиями. Они функционировали как органы Советов, которые организовывали и проводили в жизнь решения Советов, управляли хозяйственным и социокультурным строительством на своей территории.

Согласно исторической справке к архивному фонду Р-3322 «Исполнительный комитет Курского областного Совета депутатов трудящихся», исполком Курского облсовета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов был переименован в исполком Курского облсовета депутатов трудящихся в 1939 г. [1, л. 8]. Ввиду плохо сохранившихся документов Курского облисполкома за предвоенный период, установить точную дату переименования не удалось. С точки зрения организационного построения структура облисполкома с 1939 г. выглядела следующим образом:

- Совет депутатов трудящихся Курской области;
- пленум;
- исполнительный комитет;
- отделы и управления.

Всю работу по разработке и выполнению задач, стоящих перед ним, облисполком осуществлял через свой аппарат, отделы и управления.

При этом аппарат исполкома, как и его отделы и управления, был довольно подвижным и регулярно изменялся по мере возникновения новых задач, требующих внимания со стороны исполнительного комитета. К началу Великой Отечественной войны существовали следующие отделы и управления Курского облисполкома: облплан, облздравотдел, облОНО, отдел коммунального хозяйства, областной земельный отдел, облторг, отдел местной промышленности, управление легкой промышленности, управление пищевой промышленности, управление промышленности стройматериалов, отдел по делам искусств, комитет по делам физкультуры и спорта, облсобес, госарбитраж, областной дорожный отдел, управление местной топливной промышленности, управление автотранспорта, облЗАГС и облФО.

Состав облисполкома к началу войны был следующим:

- председатель – В. В. Волчков (с января 1940 г. [2, с. 17]);
- секретарь – А. Д. Журавлев;
- члены: П. М. Аксенов, Д. Н. Бакун, А. И. Волошин, А. С. Горшелев, М. И. Захаров, Б. Ф. Захаров, М. Г. Киреев, Е. Ф. Коновалов, Н. А. Масленникова, А. И. Мисяк, М. А. Павлов, Д. А. Селезнев, Я. А. Серов, П. В. Тарасов, Д. Н. Терентьев, В. А. Тонких, И. Г. Фаворская.

Остановимся кратко на биографии каждого из них.

Итак, Аксенов Петр Михайлович, 1898 г. рождения, уроженец села Архангельского Землянского уезда Воронежской губернии. По происхождению из крестьян. Проучился три класса в четырехклассном городском училище в Воронеже, после чего оставил учебу и начал работать. В 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию, участник Гражданской войны. Служил в армии до сентября 1926 г., где в 1925 г. вступил в ВКП(б). После демобилизации с 1926 по 1931 г. работал завхозом в Сватовской районной больнице Донецкой области, после чего

перешел на руководящую советскую работу: был председателем сельсовета, заведующим райЗО, председателем райисполкома. В 1934 г. перешел на партийную работу, а 1936–1937 гг. обучался в Высшей коммунистической сельскохозяйственной школе в Мариуполе, после чего продолжил свою партийную карьеру. С партийной работы в начале 1939 г. был выдвинут на работу в органы НКВД и командирован на должность начальника Управления НКВД по Курской области. Во время выборов 1939 г. в местные Советы депутатов трудящихся избран депутатом облсовета, а на 1-й сессии стал членом исполкома. В марте 1939 г. принимал участие в работе XVIII-го съезда ВКП(б) с правом решающего голоса. На IV-й областной партийной конференции (март 1940 г.) избран членом пленума обкома ВКП(б) [4, л. 1–3, 5–5 об.].

Бакун Доминика Николаевна, 1904 г. рождения, уроженка города Владивостока. По происхождению из семьи железнодорожного рабочего. Работать начала с 13 лет швей в Хабаровске. С 1920 г. работала в Хабаровском губкоме, после чего перешла на работу сельским учителем. С 1925 по 1927 г. обучалась в Дальне-Восточном университете во Владивостоке, затем снова работала учительницей в Хабаровске. С 1929 г. – заведующая орготделом Дальневосточного краевого отдела просвещения. С 1932 по 1935 г. – студентка исторического факультета Педагогического института им. К. Либкнехта в Москве, который успешно окончила, после чего несколько лет работала директором школы № 82 в Москве. В 1937 г. перешла на должность инспектора Московского горОНО, а в августе 1938 г. была направлена в Курск заведующей облОНО. Член ВКП(б) с 1926 г. [4, л. 2–7].

Волошин Арсений Иванович, 1906 г. рождения, уроженец Курской губернии. Окончил сельскую школу семилетку в 1921 г. С сентября 1923 по октябрь 1926 г. работал в избах-читальнях в Щигровском уезде, после чего – секретарь Крестищевского волкома ВЛКСМ, на комсомольской работе до октября 1928 г., когда был призван в ряды РККА. Вступил в ВКП(б) в декабре 1927 г. После увольнения работал на комсомольской и партийной работе в Уральской области (1930–1932 гг.), а в августе 1932 г. был направлен на работу секретарем партиячейки авиазавода № 16 в Воронеж, откуда в мае 1933 г. перешел в политотдел Саженской МТС Курской области. С августа 1936 г. – в Чернянском райкоме ВКП(б). В сентябре 1937 г. назначен первым секретарем этого райкома. В июне 1939 г. переведен в Курский обком ВКП(б) заведующим сельхозотделом [5, л. 1–1 об.].

Волчков Василий Васильевич, 1900 г. рождения, уроженец села Каменец Кромского уезда Орловской губернии. Из крестьянской семьи. До 1910 г. обучался в школе в своем селе. Трудовую карьеру начал в 1917 г. на сахарно-рафинадном заводе в Харькове. С 1919 по 1923 г. – в рядах РККА, после демобилизации работал в своем домашнем хозяйстве в родном селе. В 1924–1925 гг. работал в избе-читальне в своем селе, после

чего с октября 1925 по август 1928 г., а затем по апрель 1929 г. – организатором в Кромском волисполкоме и Свердловском райисполкоме соответственно. В 1926 г. вступил в ряды ВКП(б). С апреля 1929 г. – на партийной работе в райкомах ВКП(б) Центрально-Черноземной области. С августа 1932 по март 1933 г. на учебе в Воронежском институте марксизма-ленинизма. С марта 1933 по октябрь 1936 г. работал в политотделах совхозов Должанского и Воловского районов Курской области. В октябре 1936 г. переведен инструктором в Курский обком ВКП(б). В октябре 1937 г. избран первым секретарем Старооскольского райкома партии. В июне 1939 г. был утвержден заведующим оргинструкторским отделом Курского обкома ВКП(б), а затем избирается секретарем обкома по кадрам и членом бюро обкома партии. В январе 1940 г. на сессии областного Совета депутатов трудящихся избран председателем облисполкома [6, л. 7–7 об., 12–13].

Горшелев Александр Сергеевич, 1899 г. рождения, уроженец деревни Палкино Рыбинского уезда Ярославской губернии. Из семьи рабочих. В 1913 г. окончил полный курс Погорельского высше-начального училища. В 1913 г. устроился работать мальчиком-продавцом к купцу Чичкину в Москве. В сентябре 1917 г. уехал в Одесскую губернию, где работал на сыроваренном заводе до апреля 1921 г., когда был призван в ряды РККА. В марте 1923 г. был демобилизован. Тогда же устроился сыроваром в Перелёшинский совхоз Воронежской губернии, где проработал до октября 1928 г. В ноябре 1925 г. был избран председателем рабочего кооператива этого же совхоза. Вступил в ряды ВКП(б) в феврале 1927 г. С октября 1928 г. – на руководящей работе в системе потребительской кооперации, в 1931 г. переходит на партийную работу в Старооскольском райкоме. С октября 1932 по июнь 1933 г. – слушатель в Воронежском институте марксизма-ленинизма, после чего был назначен заместителем начальника политотдела Касторенской МТС. С января 1935 г. – первый секретарь Воловского райкома ВКП(б), с апреля 1939 г. – первый секретарь Тимского райкома партии. В октябре 1939 г. был назначен начальником облземотдела [7, л. 14–14 об].

Журавлев Алексей Дмитриевич, 1903 г. рождения, уроженец села Знаменского Болховского уезда Орловской губернии. В октябре 1912 г. тайком ушел учить в школу, где проучился три неполных года, откуда его забрал отец и отдал в батраки. На этих работах проработал до декабря 1916 г., затем до 1919 г. помогал отцу уборку в помещениях местных органов власти. В декабре 1919 г. был взят на должность переписчика Знаменского волвоенкомата, где проработал до 1921 г., а затем на различных канцелярских должностях в волости до 1924 г. В сентябре того же года поступил на учебу в Орловскую губпартшколу, которую успешно окончил в июне 1925 г., тогда же был принят в ВКП(б). В 1925–1927 гг. – в рядах РККА, где вел пропагандистскую работу. С 1927 по 1929 г. работал заведующим библиотекой и избой-читальней, затем с

августа 1929 по 1936 г. – на руководящей хозяйственной работе в системе Главлесоохраны, откуда в октябре 1936 г. перешел на работу председателем Валуйского райисполкома. С марта 1938 г. – секретарь Курского облисполкома [8, л. 2–2 об, 7–7 об., 11–12 об., 14].

Захаров Борис Федорович, 1893 г. рождения, уроженец села Черное Болховского уезда Орловской губернии. Из крестьян. В 1907 г. устроился батраком в помещичье хозяйство в своем селе, а в 1909 г. уехал из села во Владимирскую губернию, где работал бетонщиком, откуда и был призван в ряды царской армии, когда началась Первая мировая война. В 1917 г. был в звании младшего унтер-офицера, с 1918 г. – в РККА. Член ВКП(б) с 1918 г. После увольнения из армии вернулся в Орел, где в 1923 г. устроился политруком конвойной команды. С 1925 по 1930 г. работал в Орловском горкомхозе. Начиная с 1930 г. поочередно занимал должность председателя Малоархангельского, Щученского, Валуйского, Микояновского и Черемисиновского райисполкомов. С 1936 по 1937 г. заместитель, а с 1937 по 1939 г. председатель Старооскольского райисполкома. В 1939 г. – начальник управления пищевой промышленности Курской области [9, л. 2–2 об., 9].

Захаров Михаил Иванович, 1904 г. рождения, уроженец города Николаева Херсонской губернии. Из семьи чернорабочего. В 1913 г. поступил в церковно-приходскую школу в Павлограде Екатеринославской губернии, которую окончил в 1917 г., тогда же поступил в Бахмутское высше-начальное училище, откуда вместе с семьей в 1918 г. переехал село Верхнюю Костеевку Кромского уезда Орловской губернии, где начал работать пастухом и сторожем. В апреле 1921 г. ушел добровольцем в Красную Армию, из которой был демобилизован уже в сентябре того же года, после чего устроился работать секретарем в сельсовет. В декабре 1922 г. волостной ячейкой ЛКСМ был выдвинут на работу секретарем волостной кассы взаимопомощи, на этой должности проработал до 1924 г., откуда направлен на учебу в Орловскую губсовпартшколу. После ее окончания в 1925 г. уехал работать на Донбасс заведующим библиотекой. В этой должности проработал до 1927 г., после чего избран председателем правления рабочего клуба. В этой должности находился до 1929 г., откуда переведен на работу в Макеевский рабочий кооператив заведующим культурно-просветительским отделом. С 1931 по 1934 г. – на советской работе в Барском районе Винницкой области, откуда был командирован на учебу во Всесоюзную плановую академию имени Молотова, которую окончил в ноябре 1936 г. и Постановлением ЦК ВКП(б) командирован в распоряжение Курского обкома ВКП(б) в качестве заместителя начальника областного управления народнохозяйственного учета [10, л. 3–4 об.].

Киреев Митрофан Глебович, 1898 г. рождения, уроженец села Кострова Рыльского уезда Курской губернии. Из крестьян. В 1911 г. окончил четырехклассную школу в своем селе, после чего до февраля 1917 г. работал там же батраком. В феврале 1917 г. призван в армию,

служил в Екатеринбурге, в ноябре того же года демобилизован, вернулся на родину. В марте 1918 г. вступил в Дмитриевский партизанский отряд, в рядах которого боролся с немецкими захватчиками. В ноябре 1918 г. вступил в ряды Красной Армии, в которой служил до июня 1922 г. После демобилизации работал в своем хозяйстве. В январе 1924 г. был избран председателем Костровского сельпо, в котором проработал до декабря 1929 г., когда был избран председателем местного колхоза. В 1930 г. вступил в ряды партии. За успешную работу в 1932 г. выдвинут на работу председателем Ивановского сельсовета Рыльского района, откуда перешел на должность директора Большенизовцевской МТС в феврале 1934 г. В июне 1937 г. по личному заявлению послан учиться в Ростовскую двухгодичную школу директоров МТС, которую окончил с отличием в мае 1939 г. В мае – ноябре 1939 г. занимал должность инспектора наркомата земледелия СССР. По личной просьбе в январе 1940 г. откомандирован в распоряжение Курского обкома ВКП(б), тогда же был избран председателем Рыльского райисполкома. Решением Курского облисполкома от 13 сентября 1941 г. № 10/3983 назначен заместителем председателя облисполкома [11, л. 15–15 об.; 12, л. 7–8; 13, л. 30; 14, с. 391].

Коновалов Елисей Федорович, 1897 г. рождения, уроженец Смоленской губернии. Из семьи крестьян-бедняков. Окончил двухклассное училище в 1913 г., после чего работал в хозяйстве родителей, а с началом Первой мировой войны – на строительстве окопов. С мая 1916 по декабрь 1917 г. участвовал в боях на Юго-Западном фронте в звании рядового. После увольнения из армии первые четыре месяца 1918 г. работал председателем сельсовета в Мстиславском уезде Могилевской губернии, откуда перешел на работу в отдел ВЧК того же уезда оперативным работником. Тогда же вступил в ряды партии. В апреле 1921 г. назначен начальником милиции уезда, откуда через 3 года был перемещен на должность народного судьи сначала в город Чериков, а затем в городе Климовичи БССР. С мая 1928 г. – на партийной работе: секретарь разных райкомов Белоруссии. В феврале 1935 г. направлен слушателем курсов марксизма-ленинизма в Москве, откуда в январе 1936 г. поступил в распоряжение Курского обкома партии и направлен на работу секретарем Ивнянского райкома ВКП(б). В декабре 1937 г. утвержден в должности начальника Курского областного земельного отдела. В октябре 1939 г. назначен прокурором Курской области [15, л. 1–2 об.; 16, л. 2–2 об., 5, 8].

Масленникова Надежда Алексеевна, 1905 г. рождения, уроженка города Орла. Из семьи мещан. В 1918 г. окончила Орловское городское женское училище и до 1920 г. работала на поденной работе. С 1920 по 1928 г. трудилась на железнодорожном транспорте: прошла пути от чернорабочей до ученицы слесаря депо, параллельно участвуя в работе месткома. В партии с 1925 г. В 1928 г. выдвинута на руководящую работу

председателем окружкома Союза текстильщиков, а затем директором шпагатной фабрики в Орле (1930 г.), откуда переведена на должность заместителя управляющего Пенькотрестом в 1932 г. В 1933 г. перешла на работу директором хлебозавода, а в 1934 г. – управляющим Орловским горпромкомбинатом. В 1937 г. выбрана председателем исполкома Курского горсовета [17, л. 3–4 об., 7–8, 20].

Мисяк Александр Иванович, 1908 г. рождения, уроженец местечка Осиповичи (по другим данным – город Жлобин) Белоруссии. Из семьи железнодорожного рабочего. В 1928 г. окончил Гомельский техникум путей сообщения. По распределению попал в Курск, где работал на железной дороге. В декабре 1931 г. поступил в МЭМИИТ, который окончил в июле 1935 г. и устроился работать инженером техбюро депо Курск, параллельно преподавая в Курском паровозном техникуме. С февраля 1941 г. – старший инспектор по мобилизации, а в июне того же года назначен паровозного депо Курск-Западное, уже будучи членом облизполкома. В партии с мая 1941 г. [18, л. 2–5; 19, л. 1–4].

Павлов Михаил Алексеевич, 1910 г. рождения, уроженец города Городец Нижегородской губернии. Трудовую биографию начал в 1926 г. учеником катальщика валеносапожной фабрики в Городце. В 1927–1929 гг. – заведующий избой-читальней Городецкого межсоюзного клуба, после чего поступил матросом парохода «Ракоши» Волжского госпароходства, а затем с 1929 по 1931 г. работал котельщиком судоверфи Волжского госпароходства в городе Чкаловск Горьковской области. С 1931 г. – на комсомольской работе. В 1932 г. вступил в ВКП(б). В том же году назначен ответственным редактором газеты завода им. Ленина Волжского пароходства. В 1933 г. перешел на работу заведующим отделом и ответственным секретарем комсомольской краевой газеты «Ленинская смена» в городе Горький. В 1936 г. поступил в коммунистический институт журналистики имени Воровского в Ленинграде. Не закончив вуз, вернулся к журналистской деятельности: в 1938 г. был назначен ответственным редактором областной газеты «Курская правда» [20, л. 2–3 об., 7].

Селезнев Дмитрий Алексеевич, 1897 г. рождения, уроженец Орловской губернии. Из семьи безземельных крестьян. В 1912 г. окончил двухклассную министерскую школу, после чего до 1914 г. работал батраком по найму. В сентябре 1914 г. уехал на работу на Щербинский рудник Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, где проработал до марта 1917 г. В марте избран председателем продовольственного комитета Щербинского рудника. В декабре того же года добровольно ушел в партизанский отряд имени Аккермана. Будучи в отряде занимал должность коменданта станции Бахмут Южной железной дороги. В июне 1918 г. был назначен военным комиссаром Колпнянского ВИКа Орловской губернии, а в марте 1920 г. избран председателем этого же ВИКа. В апреле 1922 г. назначен старшим продовольственным инспектором Малоархангельского

упродкома Орловской губернии, а с 1926 г. – на разных руководящих должностях в Колпнянском районе, откуда в 1932 г. перешел на работу в систему потребсоюза, тогда же вступил в ВКП(б). В 1936 г. назначен директором Курского горпромторга, откуда в 1937 г. перешел на работу в Спирттрест. В январе 1937 г. назначен врио директора Курского ликеро-водочного завода, а с июня 1938 г. – управляющий Курским областным отделением «Росснабсбыт» [21, л. 2–11 об.; 22, л. 1–10].

Серов Яков Алексеевич, 1906 г. рождения, уроженец села Петрово Рузского уезда Московской губернии. Трудовую деятельность начал в 1920 г. учеником портного, затем работал портным. С ноября 1927 г. – на партийной работе в Москве. В 1934–1935 гг. – заместитель директора Центрального института усовершенствования врачей, откуда был направлен слушателем историко-партийного института Красной профессуры. С декабря 1937 г. в Курске, работал заведующим отделом пропаганды и агитации Курского горкома ВКП(б). В январе 1940 г. избран вторым секретарем Курского обкома ВКП(б) [23, с. 32].

Тарасов Петр Васильевич, 1895 г. рождения, уроженец села Муратово Свияжского уезда Казанской губернии. Из семьи крестьян-середняков. В 1906 г. окончил Муратовскую сельскую школу. До 19-и лет работал в домашнем хозяйстве, параллельно с 17-и лет работая счетоводом в местном кредитном товариществе. В июне 1915 г. поступил приемщиком на завод в Пермской губернии, где проработал до декабря 1917 г., после чего вновь вернулся в родное село. В январе 1919 г. устроился работать начальником хозотдела Свияжского военкомата, откуда в августе 1921 г. переведен начальником хозчасти в Казанский военно-ветеринарный лазарет. Член ВКП(б) с октября 1919 г. В октябре 1922 г. избран председателем колхоза «Просвет» Ульяновской волости Свияжского кантона. С ноября 1923 г. – председатель Ульяновского волисполкома, с декабря 1925 г. – председатель Свияжского кантисполкома, с февраля 1927 г. – председатель Свияжского райисполкома. С августа 1928 г. на руководящей партийной работе. Сентября 1930 по май 1933 г. – студент Московского финансово-экономического института имени Кагановича, откуда был направлен на должность начальника политотдела Должанской МТС. В январе 1935 г. избран первым секретарем Должанского райкома ВКП(б). В августе 1937 г. перешел на работу в обком партии, а в декабре 1937 г. избран заместителем председателя Курского облисполкома. С июня 1941 г. – секретарь Курского обкома ВКП(б) [24, л. 1–9; 25, л. 1–2 об.].

Терентьев Дмитрий Никифорович, 1893 г. рождения, уроженец города Пензы. В 1911 г. окончил Пензенское городское четырехклассное училище. С 1912 года работал переписчиком и помощником секретаря в Пензенском окружном суде. В органах ВЧК–ОГПУ и милиции с 1918 г. До 1930 г. на различных руководящих должностях в пензенской милиции. В партии с марта 1926 г. С 1930 по 1932 г. начальник Самарского краевого уголовного розыска. С 1932 по 1936 г. – заместитель начальника

Чкаловского областного управления милиции. С января 1937 г. на аналогичной должности в Курской области, в октябре того же года возглавил курскую областную милицию [26].

Тонких Василий Алексеевич, 1902 г. рождения, уроженец Воронежской губернии. В 1913 г. окончил сельскую школу. С июня 1913 по декабрь 1918 г. работал на различных должностях (рассыльный, табельщик, конторщик и пр.) в родном селе, после чего устроился счетоводом на 1-ю государственную табачно-махорочную фабрику в селе Усмань Воронежской губернии. В мае 1920 г. добровольцем пошел в Красную Армию, тогда же вступил в ряды партии. По возвращении из армии был избран председателем сельсовета в селе Подворки, откуда перешел на работу в волисполком, а оттуда в 1924 г. – на партийную работу в Добринский волком ВКП(б). В июле 1926 г. переходит на работу заведующим общим отделом Усманского уездного комитета партии, в ноябре 1927 г. на должность заместителя заведующего финансовым отделом Усманского уисполкома Воронежской губернии. В октябре 1928 г. переведен на работу в Карачаевскую автономную область заместителем заведующего областным финотделом. С 1930 по 1934 г. – заведующий Новороссийским горфинотделом. В 1934–1936 гг. – слушатель Ленинградской финансовой академии, после окончания которой был распределен в Курск в облфинотдел, где занял должность заместителя, а затем начальника отдела. В июне 1940 г. утвержден на должность начальника Курского областного управления автотранспорта [27, л. 1–2 об., 5–8, 15–17 об.].

Фаворская Ирина Георгиевна, 1891 г. рождения, уроженка города Севска Орловской губернии. Из крестьянской семьи. В 1920 г. окончила 2-й Московский медицинский институт. Долгое время работала в Курске врачом-педиатром. До Великой Отечественной войны работала главным врачом городской больницы № 1 [23, с. 124].

Как мы можем видеть, состав Курского облисполкома в 1941 г. был весьма молодым: средний возраст его членов – 41 год, при том, что наиболее возрастной была И. Г. Фаворская, а самым молодым М. А. Павлов. Только двое (А. И. Волошин и М. Г. Киреев) – куряне, остальные родились за пределами губернии / области, в большинстве своем попав в регион по распределению или же продвигаясь по партийной линии. Все были членами ВКП(б) и вступили в партию уже после Октябрьской революции. Из 19-и членов облисполкома 17 человек находились на руководящей работе высшего областного звена, и только А. И. Мисяк и И. Г. Фаворская занимали более низкие руководящие должности. Большинство по происхождению были из крестьян, причем из бедной его части, что отчасти объясняет их карьеризм.

Приведенные выше сведения показывают, что все члены Курского облисполкома были профессионалами-практиками в своих сферах, о чем говорят их насыщенные трудовые биографии. Во многом этот факт

объясняет слаженность и успешность работы этого органа власти в первые военные месяцы, когда вторжение врага потребовало от местных властей концентрации сил и профессионализма решений.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3322. Историческое предисловие к описям фонда за 1934–1965 гг.
2. Партийные и советские руководители Курской области (краткий биографический справочник о первых секретарях обкома партии и председателях облисполкома) / под редакцией А. Т. Стрелкова, канд. ист. наук. Курск, 2004.
3. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 11. Д. 22.
4. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 89. Д. 389.
5. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 11. Д. 392.
6. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 42. Д. 282.
7. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 50. Д. 506.
8. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 89. Д. 1880.
9. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 26. Д. 577.
10. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 89. Д. 1959.
11. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 11. Д. 992.
12. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 44. Д. 415.
13. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 1. Д. 234.
14. Война. Власть. Общество: документы исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся (1941–1945 гг.): Ч. 1. 1941–1942. Кн. 2. Сборник документов / ответственный редактор В. В. Раков; ответственный составитель О. Н. Аргунов. Курск, 2022.
15. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 11. Д. 1112.
16. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 42. Д. 743.
17. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 42. Д. 1062.
18. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 44. Д. 643.
19. Объединенный архив Московской железной дороги (г. Курск). Ф. 3. Оп. 1-ЛД. Д. 479.
20. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 26. Д. 1232.
21. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 89. Д. 4884.
22. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 8. Д. 5256.
23. Большая курская энциклопедия. Курск, 2005. Т. 1. Кн. 3: С–Я.
24. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 11. Д. 2185.
25. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 26. Д. 1509.
26. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 11. Д. 2195.
27. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 11. Д. 2243.

О РОЛИ КУРЯН В ВОССТАНОВЛЕНИИ ГОРОДСКОГО ТРАМВАЯ В 1943 ГОДУ

Аннотация. В настоящей статье автор предпринял попытку выяснить роль самоотверженности мужества, энтузиазма советских людей, как горожан, так и служащих Курского трамвайного треста в восстановлении городского трамвая в 1943 г. с привлечением архивных материалов Государственного архива Курской области.

Ключевые слова: трамвай; Курск; восстановление; депо; энтузиазм; трудящиеся.

Немецко-фашистская оккупация Курска продолжалась со 2 ноября 1941 по 8 февраля 1943 г. Радостную новость об освобождении города сообщила 9 февраля 1943 г. на своих страницах газета «Курская правда». Она писала: «Освобожден гор. Курск. 8 февраля наши войска овладели городом Курск. Взяты большие трофеи, которые подсчитываются» [1, с. 166.]. Оккупация нанесла огромный ущерб городу: большое количество предприятий, социальных и культурных учреждений и жилых домов были уничтожены. Только фонд коммунального хозяйства оказался разрушенным более чем на 70 %, а общий убыток в денежном эквиваленте по предварительным подсчетам составлял 55 млн руб.

Следует отметить, что значительным разрушениям подверглось и трамвайное хозяйство. Из 29 км одиночного трамвайного пути полностью были разрушены 17 км, остальные 12 км подверглись частичному разрушению. Оказались разграблены вагоноремонтные мастерские, это, в первую очередь, касалось станков и оборудования. Уничтожены были полностью 8 трамвайных моторных вагонов, частично пострадали 25 моторных вагонов и один прицепной. Ничего не осталось от контактной сети. На трамвайной подстанции было вылито трансформаторное масло, выведены из строя приборы и запасные части. Частично поврежденными были здания управления и производственных цехов [2, л. 8]. Общий объем ущерба оценивался в 3 млн 598 тыс. 410 руб. [3, л. 1].

К началу марта 1943 г. только четыре члена исполкома горсовета находились в городе [1, с. 166]. Структура управления организациями и службами, которые должны были заниматься восстановительными работами в городе, сформировалась довольно быстро. По решению Курского горисполкома от 10 марта 1943 г. № 24 заработал Трамвайный трест [4, л. 4]. Его управляющим по решению был утвержден Семен Иванович Дмитриев [5, л. 3].

Однако восстановительные работы начались еще 19 февраля 1943 г., то есть спустя всего 11 дней спустя освобождения Курска. Это позволяет с

уверенностью говорить о высокой социальной активности горожан, приступивших с самых первых дней к созданию условий для восстановления привычных элементов мирной жизни [6, л. 1].

Восстановление хозяйства не могло осуществляться только на одной социальной активности масс, на народном энтузиазме, как бы он не был высок. Для организации и проведения восстановительных работ требовались квалифицированные специалисты, трудившиеся на предприятии в довоенные годы. Не дожидаясь официальных распоряжений о восстановлении трамвайного хозяйства, С. И. Дмитриев обратился в исполком Курского горсовета депутатов трудящихся с просьбой отозвать из различных регионов Советского Союза бывших работников Управления трамвая для его восстановления. В их число вошли: В. В. Домбровский, который с начала Великой Отечественной войны состоял в истребительном батальоне Ленинского района г. Курска, а в период оккупации города работал в Саратове на городском трамвайном предприятии [7, л. 1]; Пашкевич, ранее работавший начальником подстанции; И. П. Михайлов, являвшийся мастером воздушной сети; Е. В. Аблов, бывший вагонный мастер [8, л. 5].

Вскоре последовало решение о восстановлении трамвайного хозяйства, принятое на основании постановления СНК СССР от 19 мая 1943 г. № 554. Для проведения работ были выделены средства в размере 785 тыс. рублей [2, л. 1]. 16 июля 1943 г. исполкомом Курского горсовета депутатов трудящихся принят план восстановительных работ, согласно которому основные ремонтно-восстановительные мероприятия на участке Трамвайный парк – ул. Добролюбова предполагалось завершить к 1 августа 1943 г. [6, л. 35].

Согласно принятому плану, требовалось произвести ремонт здания вагонного парка и управления на сумму 7,5 тыс. рублей, ремонт крыши, всех хозяйственных построек трамвайного депо. В ремонте нуждалось и оборудование вагоноремонтных мастерских вместе с центральным отоплением, поврежденным на 40 %. Следовало восстановить трамвайный путь протяженностью 6 км на ул. Ленина и ул. Дзержинского вместе с контактной сетью, на что выделили 454 тыс. рублей. Капитально-восстановительного ремонта требовали 20 трамвайных вагонов на общую сумму в 172 тыс. руб. Для этого требовалось наладить полноценное функционирование вагоноремонтных мастерских, что предполагало приобретение и установку токарных, строительных, сверлильных, фрезерных и точильных станков [6, л. 35].

Следует заметить, что активность населения была направлена не только на конструктивные действия, но и на деструктивные. В записке, направленной заместителем заведующего горкомхозом М. Стариковым 26 марта 1943 г. управляющему Трамвайным трестом С. И. Дмитриеву, о том, что на участке от Барнышевской площади до Солянки, там, где

немцами были установлены орудия на трамвайных путях, расхищаются местными жителями различные дорожные элементы [6, л. 5].

По решению исполкома Курского горсовета от 16 сентября 1943 г. № 253 трамвай возобновил свою работу в городе в 8 часов утра 19 сентября. Стоимость одной поездки была установлена в размере 50 копеек, столько же стоил провоз одного места багажа. В сам трамвайный вагон нельзя было входить через переднюю площадку и ехать в ней без наличия специального пропуска [4, л. 72]. Первый восстановленный маршрут проходил от трамвайного парка (Московские ворота) до площади Добролюбова. О значимости и долгожданности события свидетельствовала заметка «Курской правды» с заголовком «Трамвай пошел» [9].

Характеризуя трудовой подвиг трамвайщиков «Курская правда» писала: «Люди не спали ночами, восстанавливая разрушенный немцами вагонный парк, воздушную сеть, рельсовое хозяйство... отличился начальник мастерских Зикеев. За короткий срок он вместе со своей бригадой буквально из утиля и лома восстановил 10 вагонов» [9].

Для выполнения большого объема работ, основываясь на постановлении СНК СССР от 12 ноября 1943 г. № 21562-р, Курскому трамвайному тресту было разрешено установить обязательные сверхурочные работы до 3-х часов в день для водителей, кондукторов, а также работников, занятых на ремонте пути, подстанции, электросети, трамвайных вагонов [6, л. 70]. На наш взгляд, мероприятия по увеличению рабочего дня были, в первую очередь, связаны с острой нехваткой персонала на предприятии.

Еще незадолго до официального открытия трамвайного движения в г. Курске 11 сентября Трамвайный трест просил Курский горисполком о вывозе дополнительных работников Курского трамвая, находившихся в эвакуации. Среди них были: И. Т. Михайлов (г. Красноуральск), Ефремова (г. Калугино), А. Е. Фильганова (г. Куйбышев) и др. [5, л. 80].

Всего на предприятии в 1943 г. вместо необходимых 196 служащих их были 121 [5, л. 78]. Набирались для обучения ученики, к сентябрю их было 21 [5, л. 88].

К восстановительным работам кроме жителей областного центра также привлекались и военнопленные численностью до ста человек [5, л. 105]. Помимо этого, руководство трамвайного треста просило в ноябре 1943 г. привлечь на восстановительные работы еще порядка 30 человек [5, л. 119]. О степени вовлечения населения в строительство свидетельствует информация из отчетов городских райкомов в горком ВКП(б). Так, в Кировском районе было отработано 1 360 чел/дней, в Сталинском районе – 230 чел /дней и в Ленинском районе 282 чел/дней [5, л. 126].

Необходимо отметить тот факт, что большую роль в восстановлении городского трамвая сыграли и подростки. Для награждения медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» был

составлен предварительный список из 30 человек, но медалью по решению Курского облисполкома от 16 января 1946 г. должны были наградить только 20 работников Трамвайного треста [10, л. 27]. В итоговой список на награждение ни один подросток не попал, но даже сам факт их включения свидетельствует о высокой их активности в восстановительных работах.

9 рабочих-подростков в период немецко-фашистской оккупации Курска проживали в городе, и большая их часть пришла в Курский трамвайный трест весной – осенью 1943 года. Все они были членами добровольческо-строительных бригад, в составе которых каждый отработал от 50 до 100 часов, а некоторые и более. Многие из ребят были премированы. Их средний возраст составлял 15–16 лет. В их числе: слесари Виктор Федорович Гревцов, Василий Дмитриевич Петрухин, Сергей Семенович Смиренин и Михаил Иванович Котыхин; рабочие Дмитрий Григорьевич Кривдин, Виктор Семенович Мецун и Ростислав Степанович Клименко; электромонтер Валентин Дмитриевич Прокофьев; монтер пути Алексей Сергеевич Петрухин [10, л. 29].

Среди прочих работников Курского трамвайного предприятия военного времени отметим Евгения Родионовича Брежнева. Он родился в 1914 году. Пришел работать на Курский трамвай в 1935 г. слесарем-инструментальщиком, за хорошую работу был назначен мастером заготовительного цеха. Начиная с июля 1941 г., он состоял в истребительном батальоне Ленинского района. Период немецко-фашистской оккупации Курска провел в Челябинске и работал слесарем на местном трамвайном предприятии. После освобождения Курска был вызван обкомом ВКП(б) и стал начальником парка (бывшее Северное депо). Активно участвовал в восстановительных работах по трамвайному хозяйству, был награжден значком «Отличника Коммунального хозяйства» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Евгений Родионович неоднократно был премирован денежной премией [9, л. 124].

По итогу восстановительных работ в 1943 году был введен в эксплуатацию трамвайный путь на протяжении 6 км, вместе с оборудованием небольшого (350 п/метров) трамвайного кольца в конце ул. Дзержинского и 1 км путей в трамвайном депо. Помимо этого, восстановили участок от ул. Дзержинского до Барнышевской площади (современная площадь Добролюбова) в 700 п/метров двойного пути. Общая протяженность вновь введенного в использование трамвайного пути составила 15,5 км, хотя по плану ставилась задача восстановить 12 км. На таком же протяжении была полностью восстановлена контактная сеть с натяжкой медного провода. Полностью были выполнены работы по запуску трамвайной подстанции мощностью 600 кВт, с установкой ртутного РВ-10. Подвижной состав был восстановлен на 50 % к плановому показателю. Из 20 вагонов, в эксплуатацию было пущено 10, причем остеклялась только лобовая часть вагона, а окна забиты фанерой из-за

отсутствия стекла. Для проведения ремонтов в вагонном депо критически необходимое оборудование либо закупалось как, к примеру, строгальный станок стоимостью 6 000 руб., либо сами рабочие занимались его восстановлением. Таким образом удалось отремонтировать и запустить в первые дни 13 станком, а затем еще 5 [11, л. 29]. Однако затраты на восстановление и ремонт превысили плановую сумму и составили 883,8 тыс. рублей [11, л. 27].

Строительные работы обеспечивались сравнительно небольшим количеством работников: их было 88 человек, из них 2 инженерно-технических специалиста и 5 служащих, остальные рабочие [11, л. 28].

Таким образом, за 1943 г., в освобожденном от немецко-фашистской оккупации Курске благодаря самоотверженному трудовому созиданию коллектив курских трамвайщиков восстановил 15,5 км трамвайного пути, трамвайную подстанцию с мощностью 600 кВт, 10 вагонов, и провел ряд восстановительных работ в трамвайном депо, что позволило уже в сентябре того же года вновь запустить трамвай в городе. На наш взгляд, массовый энтузиазм советских людей, вовлеченных в восстановительные работы, стал одним из ведущих факторов, благодаря которому это стало возможным.

Источники и литература

1. Раков В.В. Город освобожденный: Курск в феврале – марте 1943 г. // «1941–1945. Этот день мы приближали, как могли!»: материалы Всероссийской научной конференции. 23 апреля 2020 г., Курск / под ред. В. Л. Богданова. Курск, 2020.
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-5372. Оп. 1. Д. 4.
3. ГАКО. Ф. Р-5372. Оп. 1 Д. 2.
4. ГАКО. Ф. Р-866. Оп. 4. Д. 1.
5. ГАКО. Ф. Р-5372. Оп. 1 Д. 5.
6. ГАКО. Ф. Р-5372. Оп. 1 Д. 1.
7. ГАКО. Ф. Р-5372. Оп. 2. Д. 2.
8. ГАКО. Ф. Р-866. Оп. 4. Д. 2.
9. Лебедев Ю. Трамвай пошел // Курская правда. 1943. 21 сент.
10. ГАКО. Ф. Р-5372. Оп. 1. Д. 11.
11. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 23.
12. ГАКО. Ф. Р-5372. Оп. 1. Д. 9.

Н. Г. Кононов
кандидат исторических наук
Заслуженный работник культуры РСФСР

КУРСКИЙ ГОРОДСКОЙ ВОДОПРОВОД (1943–1945 гг.): ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ И ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье дан краткий анализ деятельности органов государственной власти области и города, трудового коллектива Курского городского водопровода по его восстановлению в 1943–1945 гг.

Ключевые слова: абиссинские колодцы; водопровод; водопроводная сеть; водонасосная станция; водоразборные колонки; социалистическое соревнование.

Накануне войны водопроводную сеть в Курской области имели пять городов: Курск, Белгород, Валуйки, Старый Оскол и Щигры с общей часовой производительностью 1 611 м³ и 15 392 м³ воды в сутки. Все они имели большую изношенность как оборудования, так и сетей. В Белгороде водопровод был построен в 1864 г., в Курске – в 1871 г., в Валуйках и Старом Осколе – в 1902 г. [1, л. 42]. Протяженность всей водопроводной сети в 1940 г. составляла 140,1 км [2, л. 138].

В годы немецкой оккупации водопроводная сеть области была в значительной степени разрушена. Общий ущерб, нанесенный оккупантами водопроводам Курской области, оценивался в 2 667 899 рублей [3, л. 260].

Из всех водопроводов области самым крупным был Курский городской водопровод. Из 15 392 м³ воды в сутки, которые добывали водопроводы области, Курский городской водопровод добывал 12 000 м³ воды, или 78 % ко всей поднятой воде.

До войны водоснабжение города Курска производилось от горводопровода, состоявшего из насосной станции 1-го подъема с резервуаром 250 м³, 7-ю скважин, водоводов, насосной станции 2-го подъема с резервуаром 800 м³, водонапорной башни разводящей сети. Было также 30 отдельных артезианских скважин. Протяженность уличных магистралей составляла 109 км [4, л. 175].

В период оккупации была полностью разрушена главная насосная станция мощностью 11 000 м³ воды в сутки, станция второго подъема мощностью 6 000 м³ воды в сутки [5, л. 38]. Полностью разрушены кирпичные здания насосных станций. Пострадала также одна глубоководная скважина глубиной 160 м, которая с забоя до устья была завалена песком. Из 109 км водопроводной сети было пущено только 75 км. Остальная сеть была выключена из-за повреждения бомбардировками. Из действующих 112 водоразборных колонок при пуске водопровода работало только 15 [1, л. 169]. Были уничтожены также: трансформаторный киоск, домовые входы, все насосы, 30 артезианских

скважин, компрессорная установка [4, л. 175]. Разграбленными оказались материальные ценности на сумму 600 тыс. рублей механическая мастерская, водомерно-испытательная станция, здание красного уголка и конторы. Общий убыток по тресту выразился в сумме 2 254 тыс. рубля [7, с. 269].

После освобождения города Курска от немецко-фашистских оккупантов (освобожден 8 февраля 1943 г.) одной из важных задач областной и городской властей была задача скорейшего восстановления водопровода, чтобы обеспечить население и предприятия города водой. 1 марта 1943 г. Курский облисполком рассмотрел вопрос «О первоочередных мероприятиях по восстановлению коммунального хозяйства и социально-культурных учреждений». Для проведения неотложных мероприятий по восстановлению хозяйства облсовет решил форсировать работы по восстановлению насосной станции города Курска, чтобы дать воду в водопроводную сеть не позднее 20 марта [8, л. 21].

Не ожидая указаний сверху, уже 9 февраля 1943 г., то есть на второй день после освобождения города Курска, был организован коллектив водопроводчиков, состоящий из 42 человек, который и приступил к восстановительным работам. Были разработаны графики работ и применены стахановские методы труда, заключены социалистические договоры. Благодаря социалистическим методам труда, усилиям многих рабочих – механика Николая Фёдоровича Мальцева, бригадира Ивана Фёдоровича Бормотова, слесарей Василия Ивановича Локтионова, Якова Алексеевича Седых и др. – восстановительные работы закончены по заданию городского Совета депутатов трудящихся по подаче воды к 15 марта 1943 г. вместо 20 марта [7, с. 269–270].

При строительстве водопровода с большой ответственностью за порученное дело работали слесари. Они по всем уголкам города разыскивали нужное для монтажа оборудование. Большую часть найденного везли на санках, горя желанием быстрее дать городу воду. При восстановлении водопровода плотники сами искали строительный материал. 13 плотников во главе с Н. В. Бороздиным за 5 дней сделали работу, которую в мирное время при хорошем снабжении материалом можно было бы сделать за 45–50 дней. Они сумели быстро построить здание водонапорной станции. За 10 дней полностью закончили здание компрессорной станции в 1 200 м³. За такой же срок возвели и здание насосной станции в 1 900 м³ [9, 18 февр., 11 марта].

В восстановлении Курского городского водопровода значительную помощь оказывало и Советское государство. Так, в соответствии с постановлением СНК СССР за № 522 от 19 мая 1943 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства гор. Курска и Курской области» предписывалось Совнаркому РСФСР (Наркомхозу РСФСР) и Курскому облисполкому провести в 1943 г. работы по восстановлению в городе Курске городского водопровода с доведением его мощности до

6 тыс. м³ воды в сутки [7, с. 196]. Для его восстановления направлялись необходимые денежные средства.

XVII сессия Курского горсовета (11 июня 1943 г.) в соответствии с постановлением СНК СССР от 19 мая 1943 г. предложила исполкому горсовета, заведующему горкоммуналотделом Лузану, директору водопровода Воробьеву восстановить и сдать в эксплуатацию 12 артезианских скважин для снабжения питьевой водой населения в третьем квартале 1943 г. Кроме того, сессия горсовета обратилась с просьбой к СНК СССР разрешить работы по восстановлению городского водопровода до его до военной мощности – 12 тыс. м³ в сутки и выделить для этих работ необходимые фонды на оборудование и строительные материалы [7, с. 199–200].

В соответствии с постановлением СНК РСФСР за № 554 от 22 мая 1943 г. и решением VII сессии облсовета (17–18 июня) водопроводу было отпущено 564,6 тыс. рублей на устройство каркасного здания, главной насосной станции и компрессорных, восстановление сети и колонок, оборудование насосной станции, приобретение транспорта, оборудования и т. п.

Благодаря усилиям водопроводчиков уже за первое полугодие 1943 г. выполнены работы на 112,1 тыс. рублей, построены здания насосной и компрессорной станций, восстановлено их оборудование мощностью 5 500 м³ воды в сутки (по другим данным – до 6 000 м³), устроена 1 новая буровая скважина и капитально отремонтированы пять существующих, куплены две лошади [10, л. 171–172, 193]. К июлю 1943 г. восстановлены водопроводная сеть протяженностью 87 км, 14 абиссинских колодцев, отремонтированы и восстановлены 60 водонапорных колонок [11, л. 35].

Накануне 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции трудовой коллектив Курского городского водопровода включился в соцсоревнование по достойной встрече праздника. И свои обязательства он выполнил успешно. К 7 ноября 1943 г., к Великому празднику Октябрьской социалистической революции, коллектив Курского водоканалтреста (управляющий трестом – Василий Лукич Шадуя) пустил в эксплуатацию две водонасосных станции 1-го и 2-го подъема мощностью 5 500 м³ воды в сутки, отремонтировал и ввел в эксплуатацию 87 км водопроводной сети, восстановил и отремонтировал по городу 75 водоразборных колонок, 14 шахтных колодцев, сделал 12 абиссинских колодцев. Производственный план за 8 месяцев работы городского водопровода оказался выполнен на 100 %, получена прибыль в размере 101 000 рублей [7, с. 269–270].

Однако в работе Курского водопровода оставалось немало трудностей. Всего в 1943 г. на восстановление водопровода (без проектирования) было отпущено 464,5 тыс. рублей, из которых освоили только 236,6 тыс. рублей (50,9 %). Особенно плохо обстояли дела с

приобретением оборудования, где из 104 тыс. рублей освоено только 19 тыс. рублей, так как Наркомхоз не выделил фонды на необходимое водопроводу оборудование [12, л. 33]. Определенная вина в этом была и Курского городского Совета (председатель горсовета Н. А. Масленникова), на что указало бюро Курского обкома ВКП(б) от 10 декабря 1943 г. В частности было отмечено, что из отпущенных на восстановление водопровода 564 тыс. рублей использовано только 241,6 тыс. рублей, или 42,7 %. Бюро обкома партии потребовало от горисполкома установить дополнительно 10 водозаборных колонок, 3 буровых скважины, построить водомерно-испытательную станцию к 1 апреля 1944 г., а также реэвакуировать из Тамбова оборудование горводопровода и в первом квартале 1944 г. провести все подготовительные работы к установке дополнительной насосной станции [13, с. 385, 389].

Несмотря на отдельные недостатки и трудности в работе Курского городского водопровода, его трудовой коллектив сделал многое для его восстановления.

К 1944 г. мощность станции первого подъема определялась в 5 500 м³ воды в сутки. В тех условиях эта мощность полностью обеспечивала город водой. В то же время восстановлена станция 2-го подъема мощностью 3 500 м³ воды в сутки, 16 км водопроводной сети, водоразборные колонки и др. сооружения. Кроме того, построены 14 новых абиссинских колодцев, что дало городу дополнительно значительное количество воды. В 1943 г. водопровод был восстановлен на 50 % к довоенному времени. Правда, много было сделано временно и требовало в будущем значительных дополнительных затрат. Но задача была обеспечить население города водой, и она была решена.

Поставленная на 1943 г. производственная задача по восстановлению водопровода была почти выполнена. Планировалось поднять воды 953,1 тыс. м³, поднято 904,2 тыс. м³ (94,8 %), подать воды в сеть – 933,9 тыс. и 886,1 тыс. м³, полезный отпуск воды при плане 748,7 тыс. составил 726,8 тыс. м³ [5, л. 38]. Как видим из вышеприведенных данных, план подъема воды не выполнен на 5 %, а план отпуска воды – только на 2,3 %. Основной причиной невыполнения плана являлось плохое снабжение водопровода электроэнергией. По причине неподачи электроэнергии водопровод за 9 месяцев работы простоял 2 871 час, или почти 45 % всего рабочего времени. Простои из-за аварии на самом водопроводе составили только 10 часов 40 минут.

Несмотря на небольшое недовыполнение плана все же водопровод сработал с положительным результатом. Была достигнута значительная экономия. В результате достигнутой экономии была снижена себестоимость единицы продукции, а рентабельность хозяйства оказалась значительно выше плановой. Финансовый же результат при плане в сумме 44,0 тыс. выполнен в сумме 234,5 тыс. рублей, или на 532,9 % к плановому

заданию. Отсюда следует, что финансовое состояние треста к концу 1943 г. было хорошим.

Успехи Водоканалтреста были достигнуты в условиях острого дефицита квалифицированной рабочей силы. Ее недостаток ощущался не только в рабочих, но и в ИТР, штат которых был укомплектован менее чем наполовину. Труд на холоде, в воде, при отсутствии обуви и брезентовой одежды не особо привлекал к работе людей, а принятых рабочих, как говорится, обучали «на ходу». Важную роль в укреплении дисциплины труда, повышении его производительности играло социалистическое соревнование. Рабочие соревновались между собой, бригада с бригадой. Почти все рабочие и служащие имели индивидуальные обязательства. Трудовой коллектив Водоканалтреста вступил и в республиканское соцсоревнование.

На 1 января 1944 г. в коллективе имелось 18 стахановцев. Они показывали хорошие результаты в труде. К передовикам производства можно отнести начальников цехов Воробьёва и Яременко, мастеров Мальцева и И. М. Чернышёва, бригадиров Г. С. Лосева, Мохортова, Мартова, Кулик и др. Их стахановские методы труда позволяли значительно перевыполнять установленную для них производственную программу.

Несмотря на острый дефицит в рабочей силе, длительные простои из-за отсутствия электричества производственная программа треста была выполнена на 94,8 %: планировали ее выполнить на 1 840,4 тыс., а была выполнена на 1 745,1. тыс. рублей. Планировалось иметь 44 рабочих, а их было всего 26, или 59,1 % к плану.

И в этих условиях был перевыполнен план по производительности труда: планировалось в расчете на 1 рабочего вырабатывать 129 рублей в день, а выработано 139 рублей, или на 108 % к плану.

В 1943 г. тресту удалось улучшить свою материальную базу: были приобретены 1 станок болторезный, 20 водомеров, два монотра, две лошади и т. п. [5, л. 38–39].

В 1944 г. была продолжена работа по восстановлению водопровода. Особо важную роль в его дальнейшем восстановлении и оказании помощи городу сыграли добровольные строительные бригады. Идя на встречу Первомай, на горводопроводе было создано 4 добровольных строительных бригады. По данным на 25 мая 1944 г. они восстановили 40 м водопроводной магистрали. При ее восстановлении потребовалось откопать 547 м³ земли, чтобы заменить трубы. Восстановлено 7 водоразборных колонок, два насоса с электромоторами на станции 1-го и 2-го подъема, установлено 6 киосков, трансформатор на 560 кВт. Бригады водопроводчиков – Ивана Михайловича Чернышёва и Николая Никитовича Воробьёва – занесены на областную Доску почёта [14, л. 79]. 29 мая 1944 г. на втором совещании бригадиров добровольческо-строительных бригад города Курска горводопроводу, как победителю в

соцсоревновании, было вручено переходящее Красное знамя Курского горкома ВКП(б) и горисполкома [7, с. 327–328].

Накануне 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции водопроводчики Курска активизировали работу по восстановлению водопровода. К октябрю 1944 г. при горводопроводе по инициативе партийной организации и директора горводопровода Василия Лукича Шадуя, участника партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, уже было создано 7 добровольческо-строительных бригад, в составе которых числились 102 человека. Ими восстановлено 11 водоразборных колонок, два насоса с моторами, 4,5 км водопроводной сети, проведено ряд других работ. Бригада Чернышёва (агитатор Алексей Степанович Евдокимов) была лучшей при горводопроводе, она была награждена переходящим Красным знаменем [7, с. 331]. Несмотря на энтузиазм водопроводчиков из-за острой нужды в рабочей силе, нехватки строительных материалов, оборудования и др. причин в 1944 г. они не смогли полностью реализовать поставленные перед ними задачи. На восстановление Курского водоканала в 1944 г. выделялось 530 тыс. рублей, из которых освоено только 336,7 тыс. рублей (63,5 %). На освоенные средства были осуществлены проектные работы по восстановлению водопровода, восстановлены производственное здание и оборудование, водопроводные сети, проведены электромонтажные работы и т. п.

Введена в эксплуатацию водопроводная сеть протяженностью 17 км, восстановлено 37 колонок, установлены насосы с электромоторами мощностью в две атмосферы.

Как уже выше отмечалось, большая работа была проведена добровольческо-строительными бригадами. Ими заготовлено 23 500 шт. кирпича, собрано по городу и уложено 9 т рельс, сделаны стропила над зданием мастерских и накрыта крыша и т. п.

Об итогах восстановительных работ в 1944 г. свидетельствуют и такие данные. Если в 1943 г. водопроводная сеть была доведена до 89,5 км, то в 1944 г. она уже составляла 106,5 км. Число водоразборных колонок увеличено с 75 до 112, насосов и электромоторов – с 4-х до 6-х, компрессоров – с 2-х до 3-х [15, л. 166]. В результате восстановительных работ 1943–1944 гг. восстановлены обе насосные станции временного каркасного типа с подачей до 5 800 м³ воды в сутки. Из 2-х трансформаторных подстанций мощностью 560 и 320 кВт восстановлена лишь одна и та временного типа мощностью 560 кВт. Следует отметить, что из пущенных в эксплуатацию 112 водоразборных колонок 35 требовали немедленного устройства колодцев при них, так как в силу продолжительного срока эксплуатации перекрытия и стенки колодцев стали ветхими и могли рухнуть, в силу чего многие колонки были выключены. Из 1 426 домовых вводов, работавших до войны, в 1944 г. действовало 726. Остальные 700 вводов вышли из строя [1, л. 169].

Мощность водопроводов оставалась на уровне 1943 г. – в пределах 5 500–6 000 м³ воды в сутки [16, л. 57; 6, л. 109].

В 1944 г. Курскому водоканалтресту планировалось добыть 1 874,3 м³ воды, фактически было поднято 1 436,8 тыс. м³, или 76,6 % к плану. Из этого количества воды полезно отпущенной планировалось дать потребителям 1 593,1 м³, а дано 1 228,4 м³ (77,7 %), в том числе населению – соответственно 637,2 и 578,5 м³ (90,8 %). Сократились потери и утечка воды, что говорило о заботе водопроводчиков о качественной стороне работы водопровода. Водопроводу планировалось выработать продукции в сумме 1 855,6 тыс. рублей, фактически выработано на 1 216,7 тыс. рублей (65,6 %).

На 1944 г. Курскому водопроводу планировалось иметь 113 человек, фактически их было 85 (75,2 %), в том числе: соответственно – рабочих 60 и 41 (68,3 %), ИТР – 14 и 7, служащих – 22 и 22, МОП – 17 и 15 человек. План на учеников не давался, поэтому их и не было. Вследствие невыполнения плана по выработке воды и ее подаче потребителям не был выполнен и план по росту производительности труда. Так, в 1944 г. среднегодовая выработка на 1 рабочего составила 2 966 рублей при плане 3 092 рубля (95,9 %), по основной деятельности – соответственно 3 200 и 3 711 рублей (86,2 %). Были и другие причины невыполнения плана. Так, в 1944 г. простои насосных станций составили 3 177 часов, из них по вине ЦЭС – 1 814 часов, из-за отсутствия разбора воды – 1 168 часов, что составляло 37,8 % всего рабочего времени насосных станций. Несмотря на это, доходы на объем выполненной программы перевыполнены на 9,6 % [17, л. 21, 25–26, 29].

В 1945 г. работа по восстановлению водопровода была продолжена. В соответствии с лимитным финансированием на 1945 г. тресту было выделено 440 тыс. рублей, из них на проектные работы по фекальной и ливневой канализации – 190 тыс. рублей и 250 тыс. рублей на работы по восстановлению водопровода. И 440 тыс. рублей было освоено в сметных ценах 326,8 тыс. рублей. На эти средства восстановлены: техническая документация, производственные здания, здание трансформаторной будки и монтаж насосов НДВ-8.

Произведено восстановление насоса НДВ-8 производительностью 540 м³/час, электромотора агрегированного с насосом НДВ-8, компрессора 8,5 м³ воздуха в минуту с давлением 8 атмосфер, электромотора 3-х фазного тока, агрегированного с компрессором и артскважиной № 1 с надстроенным павильоном дебетом воды 2 500 м³ в сутки. Мощность подачи воды для города, как и планировалось, доведена до 10 тыс. м³ воды в сутки. Невыполнение плана по освоению средств было связано с отсутствием строительного материала – леса, извести, стекла, нехваткой рабочей силы, покрывать которую приходилось за счет добровольческо-строительных бригад и военнопленных [18, л. 164].

Для разборов воды населением восстановлено 114 водоразборных колонок, 18 абиссинских скважин, 726 домовых выводов [19, с. 478–479].

Несмотря на то, что средства, выделенные на водопроводное хозяйство Курска, не были освоены, длительные простои из-за не подачи электроэнергии, все же водопроводчики, вступив во Всероссийское соцсоревнование, в октябре – ноябре 1945 г. завоевали 2-е место и получили денежную премию в размере 20 тыс. рублей. Управляющий Курским водопроводом В. Л. Шадуя, главный инженер А. С. Евдокимов, предзавкома Кочеткова получили денежные премии в размере месячного оклада. Водопровод в эти месяцы работал безаварийно, по графику, соблюдая стандарт качества воды. Достигнута экономия электроэнергии и снижена себестоимость [20, л. 188–189, 194–195].

Однако в 1945 г. Курскому водопроводу не удалось полностью выполнить плановое задание. В этом году водопроводу планировалось выдать воды на подъем в количестве 1 860 тыс. м³, выдано же было 1 500 тыс. м³, или 80,6 % к плану. Невыполнение плана подъема воды было связано с тем, что на протяжении года водопровод работал неравномерно. Ему за год следовало отработать 5 975 часов. По вине Курской ЦЭС водопровод (насосные станции) не работал и 1 856 часов, из-за отсутствия разбора воды – 929 часов, то есть 31,8 % всего рабочего времени насосные станции простаивали по вине ЦЭС и недобора воды.

Водопроводу планировалось отпустить воды потребителям в объеме 1 600 тыс. м³, отпущено 1 284,1 тыс. м³ (80,3 %), в том числе населению – соответственно 1 020,0 тыс. и 722,3 тыс. м³ (70,9 %). Но и в этих условиях потери и утечка воды оказались меньше плановой, что говорило о качественной стороне в работе водопровода. В 1945 г. Курский водопровод не выполнил и план по доходам. Он планировался в сумме 352,2 тыс. рублей, реально доходы получены в сумме 289,3 тыс. рублей (82,1 %). Невыполнение плана по доходам было связано с невыполнением годового плана по подъему воды и поставке ее потребителям. Хотя себестоимость 1 м³ воды были и ниже плановой, все же в результате финансовой деятельности треста был получен убыток в 277,6 тыс. рублей, что составляло 77,3 % к годовому плану. Водоканалтресту в 1945 г. в результате производственной деятельности планировалось получить 1 860,0 рублей дохода, а фактически получено 1 500,5 тыс. рублей, или 80,7 % к плану. Валовую продукцию планировалось получить в сумме 1 550,6 тыс. рублей, а получено было в сумме 1 245,5 тыс. рублей.

Численность рабочих по плану должна составлять 75 человек, фактически их насчитывалось 39 человек (52,0 %). Что касалось производительности труда, то она превысила плановое задание на 18,5 %: планировалось выработать на 1 рабочего в день 51 рубль, а выработано 60,4 рублей благодаря социалистическим методам труда и соцсоревнованию. Кстати, вступая в 1945 г. в Республиканское социалистическое соревнование по благоустройству городов, трудовой

коллектив треста заключил 2 коллективных договора, 6 цеховых и взял 52 индивидуальных обязательства. Лучшие результаты в ходе соревнования показали М. Ф. Бормотов (150 %), Я. Седых (156 %), В. И. Локтионов (164 %) и др.

На капитальный ремонт за счет амортизации в 1945 г. израсходовано 73,6 тыс. рублей. Был сделан капремонт смотровых колодцев при водоразборных колонках, штанговых насосов в абиссинских скважинах, трубопроводов к артскважинам и т. п. [18, л. 157–159, 164].

В конце 1945 г. Курский трест водоканализации (управляющий В. Л. Шадуя) провел значительную работу по подготовке к зиме. К 1 декабря 1945 г. проведено утепление ранее открытых уличных водопроводных магистралей отремонтированы уличные водозаборные колонки с заменой железобетонных перекрытий по ряду улиц города Курска и т. п. [19, с. 333–334].

В 1945 г. трест в основном обеспечивал крайне необходимые нужды города, давая ежедневно 5 тыс. м³ воды [19, с. 478–479].

Итак, за 1943–1945 гг. трудовой коллектив Курского городского водоканалтреста проделал значительную работу по восстановлению основательно разрушенного немецкими оккупантами водопровода. И, если в 1943 г. было поднято 904 тыс. м³ воды, то в 1945 г. – 1 500 тыс. м³ (165,9 %), подано в сеть – соответственно 886,1 и 1 284,1 тыс. м³ (144,9 %).

Однако в работе треста Водоканализации было еще немало недостатков. Главный из них – слабый технический надзор за водоразборными сооружениями и несвоевременное исправление повреждений. Бывали случаи неисправности водоразборных колонок, когда те или иные колонки не работали.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 63.
2. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 24.
3. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 12.
4. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 2.
5. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 25.
6. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3383
7. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Сб. док и материалов. Курск, 1962. Т. 2.
8. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 22. Д. 7.
9. Курская правда. 1943.
10. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 7.
11. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 36.
12. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2967.
13. Суровая правда войны. Сб. док., Курск, 2007. Ч. III. 1943–1945 гг. на Курской земле в документах архивов.
14. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3198.
15. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 53.

16. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3221.
17. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 54.
18. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 84.
19. Восстановление народного хозяйства Курской области в послевоенный период в 1945–1947 гг. Сб. док. и материалов. Курск, 2021.
20. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3692.

А. И. Волкова

Курский государственный университет

Т. Н. Волкова

**Мантуровская средняя общеобразовательная школа
Мантуровского района Курской области**

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СУДЕБ: УЧИТЕЛЬ И ВОЙНА

Аннотация. В статье освещается трудовой путь и участие в Великой Отечественной войне двух учителей-фронтовиков Мантуровской средней общеобразовательной школы Александра Фёдоровича Осьминкина и Владимира Дмитриевича Оломского.

Ключевые слова: Мантуровский район; Курская область; Великая Отечественная война; учитель; фронтовик.

Отгремела Великая Отечественная война. Четыре страшных года выпали тяжелым испытанием на долю не только военного поколения, но и многих последующих. 1418 дней и ночей стали священными, а война народной, отечественной – все народы нашего многонационального государства стали на защиту своей Родины, бок о бок сражались на фронтах, ковали победу в тылу. Мы обязаны помнить уроки войны, не имеем права забывать те страшные годы, и современность нас в этом убеждает все больше.

Пройдя красной линией через человеческие судьбы, не оставив в стороне ни одну семью, исковеркав множество жизней война затронула и одну из самых мирных профессий на земле – учителя.

Великая Отечественная война связала воедино абсолютно противоположные понятия, проявив антитезу своей сущности в полной мере. Школа и война. Учитель и война. Понятия далекие друг от друга. Учитель в школе – символ жизни, ее вечного движения вперед. Война же – символ смерти, беды, разрушения. В дни тяжелых испытаний 1941–1945 гг. учитель и война оказались лицом к лицу.

Привычно видеть учителя за учительским столом, у доски, склонившегося вместе с учениками над решением задачи... А в условиях войны? Представители педагогической профессии служили на фронте,

оставались верны своему делу в тылу, достойно защищали свою Родину на самых разных рубежах. Вместе со своими выпускниками и учениками шли на фронт, уезжали в оккупацию, заменяя ученикам родителей. И продолжали выполнять свой профессиональный долг.

Многие педагоги, ушедшие на фронт, навсегда остались на полях сражений... А вернувшиеся доказали, что своему призванию они ему верны до конца жизни. Возвратившись к мирной жизни и сделав учительство своей жизнью, фронтовики стали гордостью всей страны и героическим примером для каждой школы, для всех поколений учеников и учителей.

Рассмотрим на конкретных примерах жизненный и боевой путь фронтовиков-учителей Мантуровской средней школы Мантуровского района Курской области.

Июнь. Впереди лето – целая жизнь. Юность, последний звонок, выпускной, пора мечтаний и надежд, время, когда думаешь, что все по плечу и открыты все дороги... Но слова из репродуктора прозвучали, как гром среди ясного неба, и беда ворвалась в каждый дом непрошенной гостьей. Жизнь разделилась на две половины: до 22 июня и после. Коренные мантуровцы Александр Фёдорович Осьминкин и Владимир Дмитриевич Оломский вписали свои имена в историю страны, историю региона, историю села, школы. Навсегда вошли в зал памяти школы.

Александр Фёдорович Осьминкин. Вся жизнь этого человека была связана с педагогикой. Участник войны, учитель истории – священным долгом для него стало сохранение памяти о войне. Александр Фёдорович заведовал педагогическим кабинетом, был директором школы, возглавлял районный отдел народного образования.

Александр Фёдорович родился 9 июня 1909 г. в с. Мантурово. В 1931 г. окончил Щигровский педагогический техникум. В 1933 г. был призван на срочную службу в ряды Красной Армии, успешно ее прошел и вернулся в родное село. Однако, в 1941 г. Родина вновь позвала своего сына встать на ее защиту. С первых дней войны А. Ф. Осьминкин прошел все ее этапы. Воевал в составах 597-го артиллерийского полка 159-й стрелковой дивизии, 526-го стрелкового полка 89-й стрелковой дивизии в должности командира взвода. Командиром батареи служил в составе 326-го отдельного пулеметного артиллерийского батальона, 526-го стрелкового полка 2-го Белорусского фронта [4]. С августа по сентябрь 1945 г. старший лейтенант А. Ф. Осьминкин командовал батареей 597-го артиллерийского полка на 1-м Дальневосточном фронте [2].

Родина высоко оценила боевые заслуги офицера: А. Ф. Осьминкин награжден Орденом Отечественной войны II степени, Орденом Красной Звезды, медалями «За победу над Германией», «За оборону Москвы», «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Японией», а впоследствии всеми послевоенными медалями [4].

В ноябре 1946 г. Александр Фёдорович вернулся на Родину, в родное село Мантурово, и приступил к работе в народном образовании. Возглавил районный отдел народного образования, в течение 15 лет участвовал в восстановлении разрушенных войной школ района [2]. В 1955 г. окончил Курский государственный педагогический институт по специальности «История». Вернулся в Мантуровскую среднюю школу, где до войны работал директором [5]. Учитель истории, психологии, заведующий учебной частью, вел активную работу по патриотическому воспитанию школьников. Общаясь к старшеклассникам, Александр Фёдорович говорил: «Мы старые и верные солдаты, надеемся, что и вы, молодёжь, будете достойно служить нашей Родине, защищать её, как родную мать» [3].

В 1989 г. в возрасте 80 лет А. Ф. Осьминкина не стало. Всю свою жизнь Александр Фёдорович был верен своей профессии, стал личным примером, наставником, мудрым советником для многих мальчишек и девочек – своих учеников.

Оломский Владимир Дмитриевич, 18-летним парнишкой, после выпускного вечера, пошел на фронт в составе Молодежного добровольческого отряда, сформированного Мантуровским районным военным комиссариатом для обороны столицы. В его состав входили 35 молодых ребят-мантуровцев. Сражаясь в ходе битвы под Москвой на Волоколамском и Можайском направлениях, командир отделения 365-го стрелкового полка сержант Оломский получил первое ранение, но не покинул строй [1]. В декабре 1942 г. Владимир получил тяжелое ранение в ногу, несколько часов пролежал на морозе без признаков жизни [1]. Но судьба распорядилась по-иному, тяжелораненого, отправили в Московский госпиталь, где он пробыл полтора года. Благодаря военному хирургу нога раненого была частично восстановлена. А в 1943 г. Оломский Владимир Дмитриевич, «в связи с последствиями ранения» был уволен в запас. За боевые отличия в годы Великой Отечественной войны старший сержант В. Д. Оломский награжден Орденом Славы III степени, Орденом Отечественной войны, медалью «За оборону Москвы», которые, по его словам, были самыми важными и дорогими для него наградами [1]. В мирное время он получил звание «Ветеран труда», был награжден всеми юбилейными медалями. Вернувшись к мирной жизни, окончил Орловский педагогический институт, получив специальность учителя географии и биологии. Вся дальнейшая жизнь Владимира Дмитриевича была неразрывно связана с Мантуровской средней школой. Благодаря своей педагогической мудрости, беззаветному служению профессии Владимир Дмитриевич воспитал не одного последователя, и многие его ученики выбрали учительский путь. Из-за полученной травмы ему пришлось перенести около десятка хирургических операций, а три осколка – навсегда поселились в его ноге и давали о себе знать [3]. Добрый, понимающий классный руководитель, учитель-профессионал, пользовался

у воспитанников высшим авторитетом. Трудился на учительском посту до 1994 г. В. Д. Оломскому удалось принести с фронта в непростую жизнь веру в будущее, готовность жертвовать собой ради других и способность выживать, в, казалось бы, смертельных ситуациях. Его не стало в 2002 г.

Не существует величины, чтобы измерить заслуги этих людей. Лишь преклоняясь перед их героизмом, отдать дань памяти их заслугам. 2023 год в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 27 июня 2022 г. № 401 объявлен Годом педагога и наставника [6]. И каждый современный учитель должен вести урок так, как будто наши учителя-фронтовики присутствуют на них и благодарят нас за то, что мы помним их мудрость, знания, прислушиваемся к их опыту и вечно признательны им за счастливые мирные дни нашей жизни. Они были отважными и отчаянными на передовой линии фронта, сильными и равнодушными в мирное время.

Источники и литература

1. Личное дело В. Д. Оломского // Архив МОУ «Мантуровская средняя общеобразовательная школа».
2. Личное дело А. Ф. Осьминкина // Архив МОУ «Мантуровская средняя общеобразовательная школа».
3. Личный архив авторов.
4. Осьминкин Александр Фёдорович // Память народа: 1941–1945. Официальный портал [Электронный ресурс] // URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero94782404/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3DOсьминкин%26first_name%3DAлександр%26middle_name%3DFедорович%26date_birth_from (дата обращения 28.11.2022).
5. Семейный архив Осьминкиных.
6. Указ Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника» от 27.06.2022 № 401 [Электронный ресурс] // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206270003> (дата обращения 10.12.2022).

П. И. Гусак
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации

ЖИЗНЬ И СУДЬБА **АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ПРИЩЕПОВА**

Аннотация. Статья посвящена участнику Великой Отечественной войны – Александру Петровичу Прищепову, прадеду автора. Источником для написания послужил семейный архив: воспоминания родных и близких о боевых действиях, записанных со слов прадеда. Александр Прищепов принимал участие в войне в составе партизанской бригады

имени Кутузова, действовавшей против фашистов в Городокском и Суражском районах Витебской области. Став свидетелем зверских расправ с мирным населением, он оставил воспоминания, которые стали частью семейного архива.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; фашизм; Житомир; «Суражские ворота»; Городок; геноцид.

Прищепов Александр Петрович родился 27 сентября 1918 г. в деревне Осетище Пальминского сельсовета Городокского района Витебской области, в Белоруссии. В 1939 г. Витебским райвоенкоматом был призван на срочную службу в Красную армию.

С первых дней войны Александр Прищепов воевал в составе 487-го стрелкового полка 143-й стрелковой дивизии 11 армии, в качестве командира минометного расчета. Пулеметов катастрофически не хватало, как и другого автоматического оружия. Вместо этого изготавливали самодельное оружие, пистолеты-пулеметы [1, с. 71] Полк перед войной располагался в п. Речица (Гомельская область).

В первые часы войны бомбардировке подверглись 26 аэродромов Западного фронта [2, с. 40]. Как рассказывал А. Прищепов, их полк был передислоцирован в направлении поселка Иваново Брестской области, где он и принял на себя первый удар немецко-фашистских войск.

В июле 1941 г. под Житомиром шли ожесточенные бои против вражеской группы армий «Юг» [3, с. 97]. Прикрывая действия атакующих бойцов огнем своего расчета, Прищепов получил контузию и осколочное ранение. Находясь в бессознательном состоянии, был принят за мертвого, из-за чего оставлен на поле боя. Позже Прищепов вспоминал, что когда пришел в себя, то услышал украинскую речь. Открыв глаза, он увидел мужчину и женщину, сидевших на телеге, запряженной лошадью. Увидев, что красноармеец пришел в себя, они погрузили его на телегу и повезли. Со слов Прищепова, ехали примерно восемь километров. Его подвезли к большим деревянным воротам и буквально выбросили из телеги. Позже выяснилось, что это был лагерь для военнопленных Stalag 313 (Шталаг 313), созданный в сентябре 1941 г. в районе западной окраины Витебска. Так Александр Прищепов попал в лагерь, нахождение в котором было равносильно смерти [4, с. 213]. Его так и прозвали жители города – «лагерь смерти».

Вокруг территории лагеря были вкопаны столбы, на них натянута колючая проволока. Зона барачов, где содержались пленные, отделялась от общей территории лагеря коридором из нескольких рядов колючей проволоки. Из рассказов Александра Петровича и свидетельств очевидцев следует, что заключенные в лагере голодали: от истощения с трудом могли передвигаться. Питание было следующим: два мерзлых гнилых клубня картофеля и пол-литра баланды из «костяной муки» (паленая мука из

перемолотых останков немецких лошадей), 100–150 граммов хлеба из отходов зерна, смешанного с опилками.

Первое время местному населению разрешалось приносить продукты. Однако потом и это было запрещено. Администрация лагеря ежедневно высылала группы военнопленных на работы в город. За медлительность немецкие солдаты-конвоиры били палками и прикладами. Отстававших расстреливали, складывали в штабеля по обочинам дороги.

В лагере находились такие же, как и он, красноармейцы. Спустя две недели группе военнопленных, в числе которых был Прищепов, удалось совершить побег. Находясь за пределами лагеря на принудительных работах, военнопленные, воспользовавшись удобным моментом, напали на конвоиров, завладели оружием и скрылись в лесу. В течение двух недель А. Прищепов и с ним еще двое бойцов шли в сторону линии фронта, чтобы попасть к своим. Идти приходилось ночью, чтобы не наткнуться на немцев и полицаев. Днем прятались в лесу и отдыхали. В районе п. Сураж Витебского района Александр Петрович вместе с товарищами вышел к месту дислокации партизанского отряда, в котором были его земляки.

Находясь в партизанском отряде, Александр Прищепов продолжал героически воевать с врагом, неоднократно принимая участие в боевых выходах. Отряд, в котором он воевал, в дальнейшем вошел в состав партизанской бригады имени Кутузова (официально была создана в сентябре 1942 г.) [5, с. 85]. Бригада действовала в Городокском и Суражском районах Витебской области, родных местах Александра Петровича. Партизаны этой бригады разгромили вражеские гарнизоны в деревнях Привальни (ноябрь 1942 г.), Старый и Новый Болецк, Лопушница, Козырево (январь 1943 г.), Романово (май 1943 г.), Дуброво (сентябрь 1943 г.) Городокского района, деревнях Быки (декабрь 1942 г.) Меховского района, Селезни и Луньки (август 1943 г.) Суражского района. В августе 1943 г. подорвали и повредили свыше 500 рельсов. Бригада участвовала в создании и защите легендарного Суражско-Городокского партизанского края – зоны, образованной весной 1942 г. [6, с. 29], и в создании знаменитых «Суражских ворот» – «дороги жизни» для партизанских районов Витебщины, просуществовавшей почти 8 месяцев [7, с. 4]. Как показывал опыт борьбы, партизанские зоны и края являлись стабильными очагами сопротивления [8, с. 285].

Встречая яростное сопротивление народа, немецко-фашистские войска подвергли уничтожению мирное население захваченных территорий. Массовый геноцид белорусов начался осенью 1942 г., когда провалилась карательная операция против партизан под названием «Клетка обезьяны». Не достигнув цели, оккупанты обрушили всю силу своей ненависти на местное население. За пять дней фашисты расстреляли в Городокском районе 1 200 мирных жителей и сожгли 58 деревень. Зимой 1942–1943 гг. начались массовые расстрелы жителей города Городок и близлежащих населенных пунктов. Семьи партизан расстреливались и

сжигались поголовно. Почти ежедневно в урочище Воробьевы горы возле Городка привозились партии в 100–150 человек и расстреливались в оврагах. Раненых сбрасывали вместе с трупами в ямы и засыпали землей. Не поддается точному учету, какое количество людей было замучено и расстреляно, но эти жертвы были огромны. Согласно сведениям Национального архива Республики Беларусь, из 9 097 сел и деревень 5 295 были уничтожены полностью или частично, 186 деревень были стерты с лица земли [9, с. 98].

В урочище Воробьевы горы в Городке на месте расстрелов фашистами мирного населения сегодня воздвигнут мемориальный комплекс «Пантеон памяти».

В Городокском районе за всю войну было сожжено около 300 деревень, 13 из которых повторили судьбу Хатыни. По итогам войны каждый второй житель Городокского района Витебской области был замучен или убит фашистами. За все послевоенное время вплоть до сегодняшнего дня численность проживающего в районе населения так и не достигла довоенного уровня.

В январе 1943 г. нацисты полностью сожгли соседнюю с родной деревней Александра Петровича деревню Володарка, при этом зверски замучили 146 ее жителей. Женщин и детей изверги связывали по несколько человек, обливали бензином и сжигали заживо. Младенцев поднимали на штыки и бросали в огонь. Партизанский отряд, в котором воевал Александр Петрович, вступил в бой с этим отрядом фашистов и частично уничтожил. Многие факты уничтожения людей умалчивались в документах. Так, например, в актах Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по Браславскому району не указаны факты о расстреле цыганского населения. Только в одних показаниях свидетеля содержится информация подобного рода [10, с. 166].

Как рассказывал Александр Петрович, страшные картины зверств, творимых оккупантами, виденные им собственными глазами, навсегда остались в его памяти и вызвали только одно желание – бить врага, бить беспощадно, насмерть, пока он не исчезнет с лица родной земли.

После создания «Суражских ворот» у партизан Белоруссии появилась непосредственная связь с советскими войсками. И Александр Петрович решает продолжить службу в рядах Красной армии. В сентябре 1943 г., незадолго до соединения партизанской бригады с наступающими регулярными частями Красной Армии, он совместно с группой партизан через «Суражские ворота» переходит линию фронта. С 25 сентября Александр Петрович снова становится минометчиком, только теперь уже 2-й минометной роты 1126-го полка 334-й стрелковой дивизии 4-й Ударной армии Западного фронта.

Не жалея своих сил и самой жизни, он продолжает воевать с немецко-фашистскими захватчиками. Его боевой путь отмечен государственными наградами – двумя медалями «За боевые заслуги». Из

приказа о награждении: «Участвуя в наступательных боях, проявил свое мужество и храбрость, стойко сражался в бою. В бою за д. Верховье забросал немецкие траншеи гранатами и уничтожил двух гитлеровцев» [11]. Из представления о награждении второй медалью: «В районе города Бобруйск уничтожил две огневые точки противника. Во время обороны дер. Шумино Гомельской области уничтожил три огневые точки противника» [11].

В октябре 1943 г. Александр Петрович получает тяжелое сквозное осколочное ранение обеих ног от разорвавшегося снаряда. С этими осколками в ногах он и проживёт всю оставшуюся жизнь.

После получения ранения он находился на излечении в госпитале – с октября 1943 по февраль 1944 г. По состоянию здоровья уже не мог участвовать в боевых действиях. Но все же он добился, чтобы его направили в действующую армию. В итоге А. Прищепов получил направление для дальнейшего прохождения службы в 246-й полк 36-й дивизии конвойных войск НКВД-МВД СССР. Полк обеспечивал эшелонное и сквозное конвоирование перевозок всеми видами транспорта на территории Московской и Рязанской областей, охрану 46 объектов, в том числе 5 лагерей военнопленных и один госпиталь. В этом полку Александр Прищепов и встретил Великую Победу, прослужив в нем до расформирования в 1946 г.

Домой, в родную Белоруссию, Александр Петрович вернулся в марте 1947 г. После войны работал председателем заготовительной организации сельского потребительского общества (сельпо) дер. Евино Городокского района и вышел на пенсию. В праздничные дни он всегда надевал свои боевые награды, вспоминал о борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Каждый год по случаю Дня Победы Александр Прищепов выступал в школе, где много рассказывал о войне, воспитывая подрастающее поколение в духе патриотизма и любви к своему народу и Родине. 6 апреля 1985 года был награжден Орденом Отечественной войны I степени.

Александр Петрович Прищепов прожил долгую жизнь, трудную, но яркую, наполненную событиями, неотделимыми от истории нашей страны. Весной 2013 года он тяжело заболел, чувствовал, что силы его покидают. Самым сильным его желанием было дожить до Дня Победы. 9 мая 2013 г. он предстал перед близкими в медалях и орденах, и встретил 68-ю годовщину Великой Победы над фашистской Германией. А спустя три дня, 12 мая 2013 года, на 95-м году, оборвалась жизнь человека, горячо любившего свою Родину и беззаветно служившего ей до последнего вздоха.

Источники и литература

1. Домрачева Т.В. «Нам не удалось сломить сопротивления противника»: Дневник немецкого офицера Г. Линке, убитого под Москвой. 1941–1942 гг. // Отечественные архивы. 2011. № 1.
2. Коваленя А.А. Беларусь: трагическое и героическое лето 1941 г. // Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. 2016. № 2.
3. Грицюк В.Н. Операции с окружения на Правобережной Украине 1941/1944 гг. // Краєзнавство. 2011. № 2-2. С.
4. Нуждин О.И. Отношение к плену в среде высшего и старшего комначсостава Красной Армии в первый год Великой Отечественной войны (лето 1941 – лето 1942 гг.). // Псковский военно-исторический вестник. 2018. № 4.
5. Иоффе Э.Г. Белорусские евреи в борьбе с нацизмом в 1941–1945 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 4(11).
6. Радюк А.В. Органы советской власти в партизанских зонах Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія. 2012. № 1(39).
7. Зыбин С.Ю. Освобождение Беларуси (хроника основных событий). // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2004. № 2(32).
8. Боярский В.И. Партизанская борьба в системе общественной безопасности: к теоретическому осмыслению уроков Великой Отечественной войны // Пространство и Время. 2014. № 2(16).
9. Вашкевич А.Ф. Уничтожение деревень в белорусской части Округа Белосток в 1943–1944 гг. // Белорусский исторический обзор. 2020. № 1(3).
10. Красноженова Е.Е. Акты чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) как источник по геноциду гражданского населения Беларуси и Северо-Запада России (1941–1944 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 2(41). С. 165–171.
11. Семейный архив автора.

Р. В. Коровин

Юго-Западный государственный университет

**«НАША СЛАВА ХОДИТ РЯДОМ С НАМИ...»
(СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ СТАХАНОВЦА-МАШИНИСТА
А. М. БОРОДАВЧЕНКО)**

Аннотация. В статье отражен трудовой путь машиниста-стахановца А. М. Бородавченко, работавшего на Курском железнодорожном узле. Вводимый в научный оборот документальный материал, выявленный в региональных и ведомственном архивах, позволяет раскрыть не только достижения, но и противоречия стахановского движения на железнодорожном транспорте.

Ключевые слова: Стахановское движение; Курский железнодорожный узел; машинист; паровоз; движение поездов.

Выступая 17 ноября 1935 года на первом Всесоюзном совещании стахановцев и дав оценку зарождающемуся стахановскому движению, его активным участникам, И. В. Сталин подчеркнул: «...Это – люди, овладевшие техникой своего дела и умеющие выжимать из техники максимум того, что можно из нее выжать... Стахановцы являются новаторами..., а стахановское движение представляет будущность индустрии, оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического подъема рабочего класса, открывает тот путь, на котором можно добиться высших показателей производительности труда...» [1, с. 368–369].

В первом ряду выдающихся стахановцев Курского железнодорожного узла стоит имя машиниста паровозного депо Курск-Северное Афанасия Максимовича Бородавченко (1901–1958).

А. М. Бородавченко родился 9 (22) октября 1901 года в Курске в семье железнодорожного рабочего. Окончил начальную приходскую школу в Ямской слободе. Трудовую деятельность начал в сентябре 1916 г. помощником слесаря паровозного депо Курск-II Московско-Киево-Воронежской железной дороги [2, л. 1 об.].

В сентябре 1920 г. перешел на работу в паровозное депо Курск-I Московско-Курской железной дороги. С июля 1926 по май 1929 г. как машинист получил право управления паровозом.

В начале 1930-х гг. молодой машинист паровоза ЭУ699-47 А. М. Бородавченко вместе со своим помощником машиниста М. Т. Бочаровым и кочегаром М. П. Бутовым [3, л. 15] принимал активное участие в первом Всесоюзном конкурсе спаренных паровозных бригад и добился высоких производственных успехов [4].

Осенью 1935 г. на Курском железнодорожном узле развернулось массовое соревнование машинистов-стахановцев. Лидерами этого движения стали молодые машинисты-пятнадцатитысячники Г. Е. Старосельцев, А. М. Доминов, Н. С. Подкосов и др. Инициатива «пятнадцатитысячников» стала прологом к появлению новых инициатив в паровозной службе.

Так, в новогоднюю ночь 1936 г. бригада паровоза ФД 20-444 (машинист А. М. Бородавченко, помощник машиниста Г. И. Болдырев и кочегар П. Медведев) провели тяжеловесный поезд на участке Курск – Орел с превышением веса поезда более чем на 800 т [5]. Инициатива паровозной бригады А. М. Бородавченко получила самую оперативную поддержку профсоюзной организации депо. Решением местного комитета депо уже 1 января 1936 г. машинист А. М. Бородавченко был премирован 200 рублями [2, л. 3], что составляло более половины его месячной зарплаты. Уже в феврале 1936 г. машинист паровоза А. М. Бородавченко водил тяжеловесные составы весом 3 000–3 500 т со скоростью 45 км/час [6, л. 6; 7, л. 8–9].

Трудовую инициативу машиниста А. М. Бородавченко подхватили машинисты депо Курск – Д. Р. Болдырев, В. А. Власов, М. П. Афанасьев,

А. Н. Пахальков; депо Орел – Н. М. Громов, А. В. Захаров; депо Тула – А. С. Огневой, В. П. Миронов, А. Г. Марков. 12 января 1936 г. в телеграмме Народного комиссара путей сообщения Л. М. Кагановича были отмечены заслуги этих машинистов-тяжеловесников.

4 апреля 1936 г. постановлением ЦИК СССР за достижение высоких производственных успехов в осуществлении зимних народно-хозяйственных перевозок орденами и медалями были награждены 976 человек. Орденом Ленина первым из курских железнодорожников был награжден машинист А. М. Бородавченко [8]. 28 августа 1936 г. приказом НКПС № 118 А. М. Бородавченко первым из коллектива паровозного депо Курск-I был отмечен значком «Почетному железнодорожнику».

Весной 1936 г. машинисты Г. Е. Старосельцев и А. М. Бородавченко выступили инициаторами формирования колонны машинистов-пятнадцатитысячников, состоявшей из 6 паровозов [9, л. 9, 38].

В декабре 1936 г. в паровозное депо Курск-I прибыл первый пассажирский паровоз ИС 20-10. Управление этой машиной было доверено машинисту I класса, орденосцу А. М. Бородавченко и его напарнику В. Ф. Переверзеву [10, л. 4, 8]. На этом паровозе они возили пассажиров поезда с повышенной скоростью [11].

Архивные документы свидетельствуют и о том, какое оказывалось сопротивление «товарищам» по труду рабочими ремонтных цехов депо достижению машинистами-стахановцами новых трудовых рекордов.

Так, 18 октября 1936 г. машинист паровоза С^у 200-68 А. М. Бородавченко докладывал в обкоме партии о том, что после первого рейса с тяжеловесным поездом в 2 500 т и стремления провезти грузовой поезд весом в 3 500 т, он обнаружил неисправности в цилиндрических кранах. Их могли умышленно «не заметить» слесари, которые недавно проводили ремонт этой машины [12, л. 408]. Более того, 4 декабря 1936 г., выступая на совещании стахановцев Курского железнодорожного узла, машинист курского депо А. Д. Кондратьев сообщил, что в буксах паровоза А. М. Бородавченко был обнаружен... песок. Это могло стать серьезной угрозой для безопасности движения [13, л. 16].

В марте 1937 г. машинист-стахановец А. М. Бородавченко был введен в состав оргбюро ВЦСПС по Курской области по выборам в Совет национальностей Верховного Совета СССР [6, л. 15–16].

Рассказывая о трудовых достижениях машиниста А. М. Бородавченко, газета «Курская правда» 30 августа 1937 г. писала: «Машинист Афанасий Бородавченко стал признанным вожаком стахановцев депо. У него учатся ребята, с ним советуются. И когда узнали о том, что А. М. Бородавченко выдвинут на должность заместителя начальника депо, многие приняли как должное, с уважением».

В августе 1937 г. приказом начальника железной дороги им. Ф. Э. Дзержинского И. Ф. Кучмина А. М. Бородавченко был назначен заместителем начальника паровозного депо Курск-I по эксплуатации [2,

л. 2]. Его фотография в числе знатных стахановцев Курской области неоднократно публиковалась на страницах «Курской правды». В предвоенные годы А. М. Бородавченко сделал очень многое для повышения работоспособности паровозного парка депо.

Весной 1942 г. в ряде подмосковных депо началось формирование паровозных колонн особого резерва (ОРКП) Народного Комиссариата путей сообщения (НКПС). Эти военизированные формирования, создаваемые из железнодорожников прифронтовых дорог, вскоре были задействованы для обеспечения специальных воинских перевозок в районе Сталинграда.

В июне 1942 г. в паровозном депо Тула железной дороги им. Ф. Э. Дзержинского началось формирование ОРКП-9. В состав этой колонны направлялись машинисты, помощники машинистов, кочегары из депо Тула, Орел, Курск, Верховье [14, с. 98].

2 июля 1942 г. машинистом-инструктором ОРКП-9 был назначен А. М. Бородавченко. В короткий срок под его началом была подготовлена рота – 6 паровозов, каждый с 13 человеками прикрепленного состава (два машиниста, два помощника, два кочегара, главный и старший кондукторы, два поездных вагонных мастера, проводник вагона). С 3 сентября 1942 г. ОРКП-9 была переброшена на левый берег Волги, обслуживая железнодорожные участки Урбах – Красный Кут – Верхний Баскунчак и Ахтуба – Ленинск.

Не было ни дня, ни ночи, чтобы паровозы 9-й колонны не попадали под обстрел дальноточной артиллерии или под удары вражеской авиации. Тысячи бомб разного калибра были сброшены на участки, по которым эшелоны шли на помощь защитникам Сталинграда. Каждый рейс был подвигом, неравным поединком железнодорожников с вражескими летчиками. Ведь машинист локомотива оставался один на один с гитлеровскими воздушными пиратами, так как воинские поезда шли без всякого прикрытия с воздуха. Боевым оружием в руках машиниста становился еще недавно мирный паровоз.

О героизме подчиненных машиниста-инструктора курян А. М. Бочарова, П. Я. Болдырева, А. Д. Кузнецова свидетельствуют данные, что в районе Камышина они вывели из-под вражеского огня 6 эшелонов [15, л. 7–10]. На станции Капустин Яр машинист И. Д. Карачевцев спас от огня 63 вагона с продовольствием, а на перегоне Ленинск – Заплавное – поезд с боеприпасами [15, л. 18].

Вместе с личным составом ОРКП-9 машинист-инструктор А. М. Бородавченко участвовал в обеспечении воинских перевозок в районе Курской дуги, в освобождении Орла, Брянска, а летом 1944 г. – в Белорусской операции «Багратион» [16, с. 53].

За успешное выполнение боевых задач при организации воинских перевозок на фронтовых и прифронтовых участках приказом Народного Комиссара путей сообщения № 1116 машинист-инструктор

А. М. Бородавченко был награжден значком «Отличный паровозник» [17, л. 183].

17 августа 1944 г. А. М. Бородавченко был откомандирован из колонны № 9 в паровозное депо Курск. 28 августа 1944 г. он приступил к работе в родном депо [18, л. 24 об.].

Экипаж паровоза во главе со старшим машинистом А. М. Бородавченко, перевыполнял производственные показатели [19, л. 7 об.]. Только в октябре – ноябре 1946 г. за лучшие образцы стахановско-лунинской работы машинист А. М. Бородавченко был дважды отмечен благодарностями и денежной премией [2, л. 4]. В феврале 1946 г. в числе 75 лучших машинистов паровозного депо Курск был премирован начальником дороги в размере месячного оклада за безаварийную работу зимой 1945/1946 гг.

В ходе предоктябрьского соревнования 1946 г. экипаж паровоза ИС 20-637 (ст. машинист А. М. Бородавченко), ИС 20-572 (ст. машинист Ф. И. Брежнев) первыми отлично подготовили свои паровозы к работе в зимних условиях [20, л. 203]. В этот же период прикрепленные бригады паровоза ИС 20-637 добились экономии 5 724 кг угля [21].

11 июня 1951 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР старший машинист паровозного депо Курск А. М. Бородавченко был награжден вторым орденом Ленина [22].

В августе 1957 г. А. М. Бородавченко по состоянию здоровья ушел на заслуженный отдых.

4 декабря 1958 г. он умер в железнодорожной больнице «Красный Крест» в ходе операции по поводу онкологического заболевания желудка [23, с. 102].

В августе 2011 г. на территории локомотивного эксплуатационного депо Курск-Сортировочный была открыта галерея трудовой славы. В первом ряду этой галереи помещена фотография А. М. Бородавченко.

Источники и литература

1. Всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев. 14–17 ноября 1935 г. Стенографический отчет. М., 1935.
2. Объединенный архив Московской железной дороги (далее – АО МЖД г. Курск). Ф. 3. Оп. 1-ЛД. Д. 112.
3. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-36. Оп. 1. Д. 128.
4. Свободный путь. 1931. 29 нояб.
5. Свободный путь. 1936. 1 янв.
6. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1 Д. 38.
7. ГАОПИКО. Ф. П-2130. Оп. 1. Д. 31.
8. Курская правда. 1936. 8 апр.
9. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 677.
10. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 8. Д. 4426.
11. Курская правда. 1936. 11 дек.

12. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 655.
13. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 676.
14. Слава стоявшим на трудных постах. Трудовая деятельность железнодорожников магистралей Западного и Южного направлений в годы Великой Отечественной войны. Курск, 2017.
15. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1884. Оп. 110. Д. 7.
16. Манжосов А.Н. Этапы большие пути. Курские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Курск, 1994.
17. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 113. Д. 252.
18. ОА МЖД г. Курск. Ф. 3. Оп. 1-ЛД. Д. 10.
19. ГАОПИКО. Ф. П-1324. Оп. 1. Д. 30.
20. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 256.
21. Курский железнодорожник. 1946. 17 нояб.
22. Курская правда. 1951. 13–14 июня
23. Большая курская энциклопедия. Курск, 2008. Т. 1. Кн. 1.

А. Н. Манжосов
кандидат исторических наук
Совет ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил
и правоохранительных органов г. Курска

«ПРОСЛАВЯТСЯ СРЕДИ ГЕРОЕВ НАШИ ИМЕНА...»
(СТРАНИЦЫ ТРУДОВОЙ БИОГРАФИИ
МАШИНИСТА-СТАХАНОВЦА ДЕПО КУРСК
Г. Е. СТАРОСЕЛЬЦЕВА (1905–1946 гг.)

Аннотация. Настоящая работа освещает малоизученные страницы биографии известного курянина-стахановца Г. Е. Старосельцева, чей трудовой подвиг стал важной вехой в трудовой и военной истории отечественного железнодорожного транспорта.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; стахановское движение; Г. Е. Старосельцев; биография; машинист; паровоз.

Важную роль в осуществлении воинских перевозок в дни подготовки и проведения Курской битвы летом 1943 г. играли работники Военно-эксплуатационного отделения № 14 (ВЭО-14). В условиях частых вражеских налетов и бомбежек они обеспечивали передвижение составов с воинскими грузами, войсками и боевой техникой по однопутной железнодорожной линии Косторная – Мармыжи – Курск. В числе тех, кто внес свой скромный вклад в дело победы на Курской дуге, был и старший машинист паровозного депо Курск, известный стахановец первых пятилеток Георгий Ефимович Старосельцев. Основываясь на документах объединенного архива Московской железной дороги (г. Курск), материалах периодической печати, публиковавшихся в областных газетах

«Курская правда», «Молодая гвардия», многотиражных газетах, выпускавшихся на Орловском отделении движения «Рельсы гудят» в органе парткома ст. Курск «Свободный путь», автор реконструировал биографию выдающегося стахановца-железнодорожника.

Его биографические сведения содержатся в личном деле Г. Е. Старосельцева, хранятся в фонде железнодорожного архива, указывают, что Георгий Старосельцев родился 8(21) апреля 1905 г. в Курске в семье сцепщика вагонов Е. В. Старосельцева [1, л. 1–3]. Георгий работал на железнодорожном транспорте с 1931 г., весной 1935 г. стал машинистом грузового паровоза. Летние месяцы этого года вошли в историю как период развития стахановского движения. Оно являлось высшей ступенью социалистического соревнования, впитав в себя все формы и методы соревнования предыдущего периода. Стахановское движение стало прямым ответом рабочих на лозунг «Кадры, овладевшие техникой, решают все!» [2, с. 8, 144] Миллионы наших соотечественников верили, что стахановец – человек, преданный родной стране, стремившийся своим трудом усилить ее мощь. Являясь прямым продолжением коммунистических субботников и ударничества, стахановское движение раскрывало огромные потенциальные возможности трудящихся.

Как отмечал Народный комиссар тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе, выступая 14 ноября 1935 г. на первом Всесоюзном совещании рабочих и работниц-стахановцев, это движение становилось «подлинно народным движением верных сынов социалистической Родины» [2, с. 10].

В своей речи на этом совещании Народный комиссар путей сообщения Л. М. Каганович также подчеркнул, что «стахановско-кривоносовское движение широко развернулось среди паровозных машинистов. В результате борьбы передовых железнодорожников, в первую очередь машинистов, техническая скорость локомотивов в среднем поднялась в октябре [1935 г.] до 27, 4 км/час, то есть на 21,7 % выше чем техническая скорость в 1934 году.

Поднятие производительности труда, увеличение технической скорости, позволили уже возросшей работе обходиться меньшим количеством паровозных бригад. Значительно увеличился среднесуточный пробег паровозов на сети дорог, в октябре 1935 г. он достиг 230 км, то есть на 36,4 % выше среднесуточного пробега 1934 года (168, 5 км)» [2, с. 195–196].

Подводя итог проведенному совещанию стахановцев, И. В. Сталин подчеркнул, что «стахановское движение было немыслимо без новой, высшей техники» [2, с. 357].

Ударную работу на новой технике демонстрировали машинисты депо Курск-Северное. Так, инициатива донецких машинистов П. Ф. Кривоноса, А. Я. Омелянова и др. быстро нашла своих

последователей среди курских железнодорожников. Например, машинист паровозного депо Курск-Северное Г. Е. Старосельцев с бригадой (помощник машиниста В. Г. Маркин, кочегар И. Калуцкий) 26 сентября 1935 года на паровозе ФД 20-411 на участке Курск – Орел провел поезд весом 1 722 т со скоростью 43 км/час (при норме 35,8 км/час). На обратном пути в Курск 27 сентября 1935 г. его бригада вела поезд № 701 с технической скоростью 45,5 км/час [3, 20 окт.].

В первой декаде октября 1935 г. бригада Г. Е. Старосельцева добилась самой высокой технической скорости в депо 54 км/час [3, 20 нояб.], к 22 октября она установила скоростной рекорд – 60 км/час, вдвое превысив ранее существовавшие нормы вождения грузовых поездов [4, 20 нояб.]. За октябрь месяц Г. Е. Старосельцев смог добиться 6 часов ликвидации опозданий в поездах и экономии семи т угля [4, 24 нояб.].

Машинист Г. Е. Старосельцев, выступая на страницах узловой газеты «Свободный путь», отмечал: «Надо чувствовать себя на мощном паровозе, от которого ты должен взять все...» [3, 2 окт.] Почин бригады молодого машиниста получил широкую поддержку Курского обкома комсомола. Так, 16 октября 1935 г. в передовой статье газеты «Молодая гвардия» сообщалось: «Машинист Георгий Старосельцев первым начал работать по новому графику, подхватив инициативу донецкого машиниста Кривоноса».

Через несколько дней, следуя примеру Г. Старосельцева, машинисты депо Курск-Северное добились увеличения технической скорости локомотивов. Об этом свидетельствовали их производственные показатели. Так, на участке Курск – Орел А. М. Доминов водил поезда со скоростью 48,8 км/час, Г. М. Бабкин – 46,4 км/час, Ф. С. Подкосов – 40,3 км/час, Н. А. Алипов – 39,5 км/час, М. П. Афанасьев – 39,5 км/час [5, 20 окт.]. Машинист депо Орел Московско-Курской железной дороги Н. М. Громов добился еще более высокой технической скорости – 61,2 км/час [4, 26 нояб.].

В октябре – ноябре 1935 г. заработная плата Г. Е. Старосельцева составляла 900 рублей, в два раза превышая зарплату в августе того же года [6, л. 95]. 16 октября 1935 г. в статье «Работать по-стахановски» газета «Молодая гвардия» писала: «Все как часы», – говорит машинист Старосельцев и выводит ФД из депо к контрольному посту. Там его поезд значится в графике под номером 702. В нем 1750 т, это в полтора раза выше нормы... Паровоз осмотрен. Можно ехать. Такая предупредительность Старосельцева исходит из всех особенностей работы железнодорожного транспорта... Таковы традиции стахановца, ставшего одним из лучших машинистов Московско-Курской дороги...»

Г. Е. Старосельцев в числе других передовиков соревнования был направлен для участия в первом слете стахановцев Московско-Курской дороги. Там он познакомился с тульским машинистом А. С. Огневым – инициатором движения «тринадцатитысячников». За счет увеличения

скорости движения поезда, сокращения времени экипировки в оборотном депо, он добился повышения межпромывочного пробега паровоза почти в два раза – до 13 000 км (при норме 8 500 км). Узнав о новой инициативе А. С. Огнева и его напарника В. П. Миронова, бригады комсомольского паровоза ФД 20-411 взяли на себя обязательство: к открытию X съезда ВЛКСМ (апрель 1936 г.) выполнить 13 тысяч километров пробега паровоза за месяц. Молодые курские паровозники также обязались работать без аварий, содержать паровоз в образцовом состоянии (чтобы он от промывки до промывки обходился без ремонта), увеличивать оборот локомотива и давать не менее 10 % экономии топлива [7, 5 янв.]

Эту инициативу поддержали Ф. Е. Селицкий, М. А. Арепьев, П. П. Лемещенко, Н. А. Алипов, М. П. Афанасьев, С. С. Золотухин [3, 5 янв., 9 февр.]. Но в январе 1936 года машинисты паровоза ФД 20-388 депо Тула А. С. Огнев и В. П. Миронов смогли уже увеличить месячный пробег паровоза до 15 168 км при весе поезда 2 500 т [8, с. 14]. Поэтому на Московско-Курской дороге стало распространяться движение новаторов – «пятнадцатитысячников». Бригада паровоза ФД 20-388 добилась экономии 100 т топлива и сокращения рабочего парка паровозов с 37 до 25 единиц.

Первыми в депо Курск «пятнадцатитысячниками» стали А. М. Бородавченко (инициатор вождения тяжеловесных поездов) [7, 5 янв.] и Г. Е. Старосельцев. По их примеру в депо была организована новая колонна «пятнадцатитысячников», в которой объединялось 6 поездов. В ней работали машинисты, водившие поезда с превышением скорости и веса (до 2 800–3 000 т): Н. А. Алипов, М. А. Арепьев, В. А. Баранищев, М. П. Афанасьев, М. С. Бутов, П. П. Лемещенко, А. Н. Пахарьков и др. [9, 9 апр.]. Например, в ночь на 10 февраля 1936 г. машинист паровоза ФД 20-370 В. А. Баранищев на участке Курск-Орел провел поезд весом 1 980 т со скоростью 38,2 км/час [7, 11 февр.].

Но машинисты-рекордсмены Московско-Курской магистрали не ограничивались достигнутыми рекордами. Уже весной 1936 г. тульские локомотивщики А. С. Огнев и А. Г. Марков довели пробег ФД 20-388 до 18 тыс. км в месяц, а машинисты-«пятнадцатитысячники» депо Орел Н. М. Громов и А. В. Захаров превысили рекорд по вождению тяжеловесных поездов, достигнутый А. М. Бородавченко (вождение поездов весом более 3 500 т) [7, 6 и 9 апр.].

Г. Е. Старосельцев всей душой поддерживал стахановские инициативы своих товарищей по труду, поэтому часто и достаточно резко выступал на собраниях и партийных активах железнодорожников. Так, 3 января 1936 г., выступая на собрании партийного актива паровозного депо Курск, он подчеркнул, что «люди должны повышать свою активность, а не опускать руки в труде» [10, л. 2]. 20 июня 1936 г., выступая на партийном собрании в депо, отметил, что товарные паровозы в рейсы часто посылают грязными, с множеством недоделок. В паровозной мастерской при явном попустительстве мастера Н. А. Сучкова скрываются

многочисленные браки при ремонте паровозов, вырываются листы из книг, где машинисты записывают необходимый объем предстоящего ремонта [10, л. 45]. На собрании партийного актива Курского железнодорожного узла 22 октября 1936 г., в котором приняли участие заместитель наркома путей сообщения – начальник Главного политического управления НКПС Н. Н. Зимин и секретарь Курского обкома ВКП(б) В. М. Пугин, Старосельцев справедливо обвинил начальника депо Г. Ф. Дёмина и парторга Ф. Д. Грицкова в бюрократическом отношении к производственным нуждам и бытовым проблемам передовых машинистов, в неудовлетворительной работе, созданной в депо колонны машинистов-пятнадцатитысячников [11, л. 36–38].

29 августа 1936 г. приказом № 106 Народный комиссар путей сообщения СССР Л.М. Каганович наградил старшего машиниста паровоза Г. Е. Старосельцева значком «Почетному железнодорожнику» [7, 30 авг.]. В августе 1939 г. политуправление НКПС отмечало, что высокий пробег между промывками – 16 698 км удалось добиться бригаде машиниста Г. Е. Старосельцева [12, л. 125–126].

В сентябре 1940 г. на IV Курской городской комсомольской конференции отмечалось, что под руководством машиниста Г. Е. Старосельцева на пассажирском паровозе НС 20-142 его помощники Г. М. Гладилин и Н. М. Бородавченко добились 7 590 км пробега локомотива между промывками, (вместо 5 тыс. по норме) [13, л. 9]. Осенью 1940 г. на Курском железнодорожном узле развернулось новое соревнование, направленное на встречу XVIII партконференции ВКП(б). Инициаторами соревнования стали машинисты Г. Е. Старосельцев, Н. П. Ломакин, В. В. Табачков. Выступая на митинге стахановцев, Г. Е. Старосельцев заверил собравшихся: «Мы обязуемся своими силами производить ремонт паровозов по методу машиниста Новосибирского депо Н. Лунина...» [14, 22 и 27 дек.]

Сущность почина новосибирского машиниста Н. А. Лунина заключалась в увеличении объема служебного ремонта паровоза, выполняемого силами локомотивной бригады. Отлично зная теплотехнику, экипаж, приборы, последователи Лунина без участия ремонтников осматривали все узлы и детали локомотива. Устраняя небольшие неисправности, они увеличивали пробег машины между промывочным и подъемочным ремонтами, достигали больше экономии средств.

Осенью 1941 г. Г. Е. Старосельцев был эвакуирован в депо Горбачево железной дороги им. Дзержинского. В 1942–1943 гг. здесь он работал в составе Военно-эксплуатационного отделения № 12. 18 июня 1943 г. он возвратился на работу в депо Курск, где 1 июля 1943 г. возглавил бригады паровоза О^в 7142 [15, л. 14 об., 19 об.]. В тот период Г. Е. Старосельцеву и членам его бригады приходилось работать в условиях частых налетов вражеской авиации на ст. Курск. С марта по июль 1943 г. вражеские самолеты 29 раз бомбили железнодорожные объекты,

расположенные на Курском узле. Было сброшено 12 тыс. бомб. Значительные разрушения локомотивного хозяйства, причиняемые налетами вражеских самолетов не стали препятствием для бесперебойного обеспечения воинских перевозок для советских войск, сражавшихся на северном фланге Курской дуги. Дружный коллектив рабочих паровозного депо Курск (639 чел.) активно участвовал в продвижении воинских эшелонов к линии фронта, в восстановлении разрушенных цехов и экипировочного хозяйства. Курские железнодорожники были воинами. 1 августа 1943 г. газета «Курская правда» назвала их солдатами транспорта. Машинисты паровоза О^в 7142 были в числе лидеров социалистического соревнования, развернувшегося накануне Дня железнодорожника в депо Курск в августе 1943 г.

Но тяжелые испытания, выпавшие в военные годы на долю Г. Е. Старосельцева, осложнили состояние его здоровья. Обострился туберкулез легких, который приковал его к больничной кровати. 1 августа 1944 г. Георгий Старосельцев был комиссован в связи с установлением ему II группы инвалидности [16, л. 79]. 4 июля 1946 г. он скончался от болезни, прожив всего 41 год [17, с. 69].

Таковы основные вехи трудовой биографии стахановца Г. Е. Старосельцева. Память о его производственных рекордах хранится в родном коллективе. 3 августа 2011 г. в эксплуатационном депо Курск была открыта галерея почетных машинистов, где достойное место занимает портрет Г. Е. Старосельцева.

Источники и литература

1. Объединенного архива Московской железной дороги (г. Курск) (далее – ОА МЖД). Ф. 3. Оп. 2-ЛД. Д. 375.
2. Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. 14–17 ноября 1935 года. Стенограф, отчет. М., 1935.
3. Свободный путь (Орган парткома ст. Курск Московско-Курской жел. дороги). 1935.
4. Молодая гвардия [Курск]. 1935.
5. Курская правда. 1935.
6. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-174. Оп. 1. Д. 33.
7. Свободный путь (Орган парткома ст. Курск Московско-Курской жел. дороги). 1936.
8. Паровозник (Еженедельный производственно-технический журнал НКПС). 1937. № 4 (31).
9. Курская правда. 1936.
10. ГАОПИКО. Ф. П-2130. Оп. 1. Д. 31.
11. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 677.
12. Российский государственный архив экономики. Ф. 1884. Оп. 28. Д. 632.
13. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 195.
14. Курская правда. 1940.
15. ОА МЖД. Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 3.
16. ОА МЖД. Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 10.
17. Большая Курская энциклопедия. Курск, 2008. Т. 1. Кн. 3.

З. И. Паршакова

Пермский государственный архив социально-политической истории

М. А. Финогенов

Пермский государственный архив социально-политической истории

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ГЕНЕРАЛА М. И. НАУМОВА

Аннотация. Текст статьи посвящен итогам работ по поиску документов, содержащих сведения о жизненном пути участника Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза Михаила Ивановича Наумова. Были найдены документы, раскрывающие этапы жизни М. И. Наумова до войны, а также затрагивающие время участия в сражениях. Также представлены документы жизни М. И. Наумова в мирное время.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; архивные документы; Герой Советского Союза; М. И. Наумов.

За каждым подвигом стоит человек. За человеком остается его жизненный путь. Большим везением можно считать то, что этот путь нашел свое отражение в особом виде следах – документах, поскольку не теряет актуальность человеческое измерение истории. В данной статье была предпринята попытка раскрыть несколько сторон такого человеческого измерения, опираясь на архивные документы, связанные с деятельностью Михаила Ивановича Наумова, героя Советского Союза, руководителя партизанского движения на Украине, осуществившего первый конный поход в степях Украины. Единственного в истории капитана пограничных войск, ставшего генералом за выполнение задач операции, также известной как «степной поход» или «степной рейд».

В результате работы сотрудников Пермского архива социально-политической истории в архивных фондах были выявлены документы и фотографии, содержащие информацию о Михаиле Ивановиче Наумове. Найденные документы затрагивают жизненный путь М. И. Наумова в разные периоды: вступление в члены ВКП(б), участие в заседаниях Майкорского районного комитета ВКП(б), фотографии, документы, отражающие периоды Великой Отечественной войны и его послевоенную деятельность. Большая часть документов была передана в архив сослуживцем Михаила Ивановича Владленом Дмитриевичем Гончаровским. Эти документы находятся на хранении в Пермском архиве социально-политической истории. Многие из них являются уникальными источниками информации о Михаиле Ивановиче. Комплекс документов также лёг в основу виртуальной выставки, с материалами которой можно ознакомиться на сайте архива.

Среди комплекса документов выделяются фотодокументы. Прежде всего, это фотографии Михаила Ивановича [1, л. 1.; 2, л. 3], а также фотография командирского состава Червонного партизанского отряда, где присутствует М. И. Наумов [2, л. 2]. В том числе на хранении в архиве находится фотография сослуживца М. И. Наумова Владлена Дмитриевича Гончаровского [3, л. 57] и жены М. И. Наумова – Наумовой Надежды Трофимовны с членами своей семьи на открытии мемориальной доски, посвященной памяти ее супруга [4]. Запечатлен также надгробный памятник М. И. Наумову на Байковом кладбище города Киева (скульптор – Тарас Николаевич Бражевский) [2, л. 5].

Переходя к текстовым источникам, стоит обратить внимание на биографию Михаила Ивановича от 1974 г., которая в свою очередь является документом Фонда № 90 «Коллекция документов по истории Пермских областных организаций КПСС и ВЛКСМ». Документ представляет собой биографическую справку о Михаиле Ивановиче. Помимо жизненного пути указаны награды, заслуги и литературное творчество Михаила Ивановича [2, л. 6].

Далее в комплексе документов – содержится протокол заседания бюро Кизеловского райкома ВКП (б) от 15 сентября 1928 г., по результатам которого Наумова Михаила Ивановича переводят в действующие члены ВКП(б) [5, л. 158]

Особого внимания заслуживает протокол заседания Пленума Верхне-Камского ОкрК ВЛКСМ от 21 сентября 1929 г., на котором выступал Михаил Иванович. В случае этого зафиксированного заседания мы можем наблюдать Михаила Ивановича как активного партийного работника в рамках обсуждения работы комсомола: «Когда бюро ОкрК ВЛКСМ говорит о росте организации то надо сказать, что наша Майкорская организация требует большей помощи со стороны ОК ВЛКСМ. Нам нужно сейчас особенно выковывать актив по работе среди батраков. Я несколько раз собирал собрания и проводил с ними беседы. Большинство их неграмотных и они даже не знали, что неграмотному можно вступить в ВЛКСМ. Я считаю, что ОК ВЛКСМ нужно послать в Майкор работника на полтора месяца» [6, л. 51].

«Работа среди батраков – это самый слабый участок нашей работы. Нужно энергичнее работать, необходимо закрепить группы бедняков, батраков по ликвидации неграмотности. Самых злостных эксплуататоров привлекать к суду, дабы этим оградить батраков от зажима кулака. О выдвижении в резерв ОК ВЛКСМ выдвинуть на работу батраков можно, но только трудно его теоретически подготовить» [6, л. 52].

Следующий документ коллекции – заявление Михаила Ивановича об освобождении от должности в аппарате райкома ВКП(б) от 24 марта 1930 г. Прежде всего, этот документ интересен тем, что он написан и подписан рукой Михаила Ивановича. Авторский почерк во многом раскрывает человеческое измерение исторического источника. В том числе

источник представляет собой пример использования, можно сказать, освоенного языка рабочей переписки в рамках партийной работы. [7, л. 57].

Среди визуальных источников отдельно необходимо отметить карту рейдов партизанского кавалерийского соединения генерал-майора М. И. Наумова 1942–1944 гг. Схематично показано движения партизанских объединений. Карта-схема составлена под консультацией генерал-майора Михаила Ивановича Наумова. [2, Л. 23]

Уникальный источник личного происхождения – письмо Владлена Дмитриевича Гончаровского, сослуживца Михаила Ивановича, о котором упоминает в письме В. Д. Гончаровский:

«Здравствуй дорогая Мама!

Поздравляю тебя с освобождением нашего района от немецких захватчиков.

Мама я сейчас нахожусь [здесь и далее вымарано в связи с постановлением Государственного Комитета Обороны от 6 июля 1941 года «О мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции». – прим. авт.] Героя Советского союза [вымарано]. Мама я был ранен, но сейчас выздоровел и с новыми силами принялся бить фашистов.

За это время как я уехал с партизанским отрядом [и был] награждён правительством три раза.

Мама передавай привет всем родичам, знакомым. Чип Маруси и Гали. С этим до свидания

Целую крепко. Леня.

Мой адрес п.п. (полевая почта) войсковой части 28246 литер И Гончаровский Владлен Дмитриевич». [3, л. 27–27 об.]

Дальнейшее общение друзей сослуживцев отражает письмо М. И. Наумова В. Д. Гончаровскому от 9 марта 1958 г. [3, с. 52–53]. На хранении в архиве находится его копия. Отрывок:

«Владлен Дмитриевич!

Я очень рад был получить Ваше письмо, даже только телеграмму, я ответил на нее тоже телеграфно, за поздравление – спасибо...

Но я ждал ещё и письма, мне почему-то все время казалось, что найти вас необходимо, я надеялся, что найду в Вашем лице именно того б/партизана, у которого быть может, уцелел дневник, или же – фотографии тех героических дней, когда были мы вместе. Это так теперь нужно для музеев, для истории, для творческой работы вообще».

Действительно, в тексте Михаил Иванович подчеркивал необходимость сбора документов военных событий в рамках написания собственной книги, но в тоже время завершающие отрывок слова достаточно точно описывают вневременность и важность актуализации документов, связанных с судьбами и опытом героев того времени.

Достаточно любопытный документ – сценарий документального фильма о М. И. Наумове «Соединение Наумова» «Память сохранит» члена сценарной редколлегии Госкино СССР, режиссера В. И. Фоменко (1983 г. от даты документа № 3/1-03-705 Госкино СССР) [2, л. 12–22].

Из источников массового характера можно выделить статью о М. И. Наумове в газете «Звезда» от 18 октября 1978 г. под названием «Партизанский генерал» [2, Л. 3].

Таким образом, в Пермском государственном архиве социально-политической истории хранится несколько мазков биографического портрета Героя Советского Союза Наумова Михаила Ивановича. В документах отражена жизнь как героя-участника военных действий, так и активного деятеля общественной жизни. Документы коллекции послужили основой выставки, посвящённой М. И. Наумову, увековечив тем самым от его жизни, среди всей уже известной информации, лишь отрывки, однако, в свою очередь столь важные для понимания места человека за каждым подвигом.

Источники и литература

1. Пермский государственный архив социально-политической истории (далее – ПермГАСПИ). Ф. 6827. Оп. 7. Д. 94.
2. ПермГАСПИ. Ф. 90. Оп. 2. Д. Н-39.
3. ПермГАСПИ. Ф. 90. Оп. 5. Д. Г-17.
4. ПермГАСПИ. Ф. 1243. Оп. 2. Д. 13.
5. ПермГАСПИ. Ф. 61. Оп. 11. Д. 5;
6. ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 226;
7. ПермГАСПИ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 8.

Ю. О. Дубошей

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

А. В. Долгова

кандидат исторических наук

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА А. В. АФАНАСЬЕВА И 2-Я УДАРНАЯ АРМИЯ

Аннотация: Статья посвящена Алексею Васильевичу Афанасьеву – прадеду автора. Алексею Афанасьеву пришлось участвовать в трех войнах – Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной. Исследование основано на личных биографических записях Алексея Васильевича, воспоминаний его близких, а также исторических документах о 2-й Ударной армии. Благодаря сохранившимся материалам предоставляется

возможность в подробностях узнать жизненный путь человека, полностью посвятившего свою жизнь служению Родине.

Ключевые слова: Гражданская война; Великая Отечественная война; 2-я Ударная армия; А. А. Власов; А. В. Афанасьев.

Алексей Васильевич Афанасьев был активным участником главных исторических событий начала XX века. Среди множества наград орден Ленина, три ордена Боевого Красного Знамени, два ордена Красной Звезды и десятки других наград. Это был отважный и честный человек, который всю жизнь посвятил служению Родине и своему народу.

Алексей Афанасьев родился в 1897 г. в деревне Львово Волоколамского района Московской области в семье рабочих и крестьян. После смерти отца осталось четверо братьев с матерью. Троим из них выпала судьба отдать жизнь за Отечество. Александр погиб на фронте во время Первой мировой войны в 1916 г. Василий отдал жизнь, защищая Москву в 1941-м. Григорий погиб в 1943 г. на Брянском фронте. Единственный, кому удалось выжить в военное время, был Алексей. Его воспоминания о боевом опыте дошли до наших дней, благодаря которым мы можем восстановить картину некоторых событий.

Алексей окончил приходскую школу при церкви Илии Пророка в селе Ильинском Волоколамского уезда. В 1916 г. он был призван на военную службу рядовым в 250-й запасный пехотный полк, квартировавшийся в городе Коврове. Окончив учебную подготовку, с маршевой ротой убыл на Юго-Западный фронт Галиции в 311-й пехотный Кременецкий полк 78-й стрелковой дивизии, а потом был телеграфистом команды связи полка в чине младшего унтер-офицера. Участвовал в боях под горой Кирлибаба в Румынии.

В 1917 г. в Кишиневе окончил школу телефонно-телеграфных механизмов при Петроградском политехническом университете. После чего был возвращен в свой 311-й пехотный Кременецкий полк, и с этого времени Афанасьев стал постоянным связистом.

Обстоятельства перехода Афанасьева на сторону большевиков неизвестны, но Октябрьскую революцию он встретил с энтузиазмом. Вместе с сослуживцами выступал против продолжения войны. Причину столь резкой смены взглядов стоит искать в его происхождении: он родился в бедной семье рабочих и крестьян. С самого раннего возраста начал работать и в 19 лет попал на фронт Первой Мировой войны, где войска Российской империи несли большие потери. Он, как и многие из тех, кто воевал, почувствовал, что это не его война и не захотел продолжать участвовать в ней.

Он поддерживал большевиков в борьбе против меньшевиков и эсеров и принял решение навсегда связать свою дальнейшую судьбу со службой в Красной Армии. Присоединение к «красным» было логическим

продолжением истории жизни А. В. Афанасьева, так как он считал, что именно революционеры смогут установить новый порядок в стране.

В декабре 1917 г. – еще до декрета о создании РККА – он поступает добровольцем в Красную гвардию в составе 2-й морской роты. Известно его участие в «штурме» Зимнего дворца в Петрограде. Подтверждением тому является «Предписание комиссару Зимнего дворца об отпуске А. В. Афанасьеву почтовой бумаги для канцелярии Военно-революционного комитета от 28 ноября 1917 г.» [1, л. 208]. Это означало, что Афанасьев был расквартирован вместе со своим подразделением в Зимнем дворце.

Летом 1918 г. Афанасьев был направлен под Казань, где вел борьбу с чехословацким корпусом. Позже был назначен командиром взвода, а затем помощником при штабе 5-й армии Восточного фронта, участвовавшей в боях против Колчака в направлении Симбирска, Бугульмы, Уфы, Златоуста, Челябинска, Омска и Красноярска. Там он обеспечивал связь штаба с 25, 26, 27 и 30-й стрелковыми дивизиями.

Отметим, что 27-я стрелковая дивизия была сформирована в 1918 г. и переформирована в 1941-м. Во время Гражданской войны дивизия была задействована в боях на Восточном и Западном фронте. После окончания войны была расквартирована в Белорусском военном округе, где и застала начало Великой Отечественной войны.

Об участии Афанасьева в Гражданской войне сохранились немногочисленные факты. Вероятно, сам он не любил о них рассказывать. Тем не менее, его карьера началась именно со службы в Красной армии. Так, с июня 1919 г. Афанасьев занимал уже должность командира роты, а после нее – командира телефонно-телеграфного дивизиона 27-й стрелковой дивизии 5-й армии.

Известно, что Афанасьев был связистом у В. И. Чапаева, участвовал в боях против барона Унгерна, в разоружении партизанских отрядов Петра Щетинкина в Енисейской губернии. Во время войны с Польшей в составе той же дивизии принимал участие в боях в направлении городов Борисов, Минск, Ружаны. Пружаны, Радимин. В 1921 г. Афанасьев участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа. К сожалению, это все, что удалось узнать о его участии в Гражданской войне.

По окончании боевых действий работал в угольных коях близ Черногорска. По воспоминаниям Владлена Чарикова, сослуживца и близкого друга, Алексей Васильевич добывал уголь-антрацит для нужд фронта. В апреле 1921 г. – во время войны с Польшей добытый уголь отправили на Западный фронт [2].

В 1937 году Афанасьев был назначен начальником Киевского Военного училища связи имени М. И. Калинина, где в 1941 году был награждён Орденом Красной Звезды за отличную подготовку и выпуск командиров войск связи по профилю армейского и фронтового масштаба.

С началом Великой Отечественной войны училище было эвакуировано в Красноярск.

С самого переезда началась программа ускоренной подготовки офицеров к военной службе для того, чтобы в скором времени отправить их на фронт [2]. Выпускники училища участвовали в разгроме вражеских десантных отрядов в Киевской области.

Находясь в Красноярске, к тому времени уже генерал-майор А. В. Афанасьев, получил новое назначение. В составе 2-й Ударной армии (в должности начальника Связи Штаба Армии) он участвовал в Любанской наступательной операции против превосходящей в численности и вооружении группировки противника.

Целью Любанской наступательной операции (7 января – 30 апреля 1942 г.) являлся прорыв немецкой обороны на реке Волхов с последующим выходом в тыл противника. В перспективе это позволило бы разгромить войска группы армий «Север», осаждавшей Ленинград. В связи с успехами на других фронтах командование Волховского фронта считало цели операции вполне достижимыми. Однако, исходя из последующих событий, повлекших трагическую гибель 2-й Ударной армии, можно сделать вывод, что Ставка нерационально оценивала силы армии, а также условия местности и обеспеченность противника бронетехникой [3, с. 278].

Полностью возлагать вину гибели Армии на предавшего свою страну командующего А. А. Власова неверно. Большинство причин следует искать в стратегических просчетах командования. Важную роль в этой трагедии сыграла плохая логистика, сложная местность и осведомленность противника о будущей операции. Все же это никак не оправдывает предательства генерал-лейтенанта Власова.

В условиях отсутствия снабжения и пополнения боеприпасов 2-я Ударная армия понесла невосполнимые потери. До сих пор нет четкого и ясного ответа на вопрос: на ком лежит ответственность за ее гибель. Несмотря на разгром и окружение, Любанская операция имела большое значение для развития событий на советско-германском фронте в первой половине 1942 г. Данная операция связала силы противника и заставила вести оборонительные бои и нести значительные потери. В результате чего было сорвано наступление германской группы армий «Север».

В конце мая 1942 г. была получена директива командования фронта о выходе 2-й Ударной армии. Руководствуясь директивой, начальник штаба армии подполковник П. С. Виноградов, составил оперативный план поэтапного выхода на западные рубежи, утвержденный командованием фронта, который и стал основой действия 2-ой Ударной армии.

21 июня началось уничтожение бесполезной техники, чтобы она не досталась врагу. Немцы начали активно наступать и сужать коридор между 2-й Ударной армией и советскими войсками на Волховском фронте [3, с. 282].

Наступившая весенняя распутица сильно затрудняла боевые действия. Дорог практически не было. В болотах вязли автомашины, вязли и повозки. Армия стала испытывать недостаток продовольствия и боеприпасов. Продовольствие приходилось переносить буквально на плечах на протяжении 20–35 км, а боеприпасы доставлять самолетами.

Основная коммуникация, связывающая армию с другими частями фронта, находилась под непрерывным огнем противника. Проходить здесь удавалось только одиночкам. Людские резервы истощались, а пополнения не было, но, несмотря на величайшие трудности, армия успешно справилась со своими задачами.

Противник с запада перешел реку Кереть и повел наступление на Кречно. Возникла угроза командному пункту. Приказом командарма пункт был перенесен в район штаба 57-й стрелковой бригады, находившейся между реками Глушица и Полисть. Продержаться здесь удалось только два дня – 23 и 24 июня.

Виноградов решил разбить группу на маленькие группы, которые должны были сами избрать маршрут и план действия. Афанасьев возражал против этого и предложил всем сообща двигаться к реке Оредеж, заняться ловлей рыбы на Черном озере и отыскать партизан, которые имели радиостанцию. В дальнейшем соединиться с другими частями на востоке. Но его предложение не было принято. Афанасьев тогда сказал, что пойдет один и предложил желающим присоединиться к нему. Вызвались только четверо. Прощаясь с основной группой, он спросил у А. А. Власова и П. С. Виноградова, куда они пойдут. Оба ответили, что еще не решили [4, л. 91–105].

План А. В. Афанасьева оказался успешным. После нескольких дней скитаний по лесам в тяжелых условиях, без еды его группа вышла к партизанам. По радио было передано командованию о местонахождении генерал-майора Афанасьева, после чего за ним был выслан самолет У-2, и он был успешно эвакуирован в штаб.

А. В. Афанасьев оказался единственным из командного состава, вышедшим живым из окружения 2-й Ударной Армии Волховского фронта. Он также был последним из командного состава, кто видел А. А. Власова.

Счастливого спасение Афанасьева в июле 1942 г. было омрачено тем, что 2-ю Ударную армию прозвали «Власовской», хотя в реальности командарм Андрей Андреевич Власов сдался в плен с группой всего в несколько человек.

Подготовленная А. В. Афанасьевым служебная записка Верховному Главнокомандованию во многом проливает свет на трагические события гибели армии. Было большим везением, что его самого не репрессировали, но повышения в звании тоже не было. В данной записке Алексей Васильевич упоминал о поведении генерал-лейтенанта А. А. Власова, для которого поражение армии стало сильным ударом: «Власов был безучастен к происходящему и, несмотря на обстрел, стоял, совершенно не

хоронясь. В позе его чувствовалась полная растерянность. Когда я сказал ему, что надо укрываться, он даже не пошевелился» [4, л. 91–105]. Такое поведение было вполне естественным, так как командующий армии потерял контроль над ситуацией и был полностью опустошен этим.

После своего спасения А. В. Афанасьев некоторое время провел в госпитале, после чего был вновь назначен начальником отдела связи 2-й Ударной армии. С ноября 1943 г. он занимает должность заместителя начальника Управления связи 2-го Украинского фронта, в декабре назначен начальником Военной электротехнической академии связи им. С. М. Буденного, в октябре 1944 г. – начальником Орджоникидзевского военного училища связи, в апреле 1945 г. – начальником Грозненского военного училища связи. В послевоенные годы Афанасьев занимал должность начальника связи артиллерии Советской Армии [5, с. 4].

После ухода в отставку генерал-майор Афанасьев 30 лет проработал в Бауманском военкомате города Москвы. В качестве консультанта работал в Президиуме Московской группы совета ветеранов 2-й Ударной армии. Он был скромным и преданным своему делу человеком и его биография – часть великой истории нашей страны.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 73.
2. Чариков В. Генерал остался верен Сибири // Красноярский рабочий. 2010. 27 янв.
3. Савилов П.Н. Любаньская наступательная операция Волховского фронта: неизвестные страницы героической эпопеи // Великая отечественная война в памяти поколений: сборник материалов международной научно-практической конференции, Стерлитамак, 29 апреля 2020 года. Стерлитамак, 2020. С. 276–283.
4. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 83. Оп. 1. Д. 18.
5. Соловьев Д.Ю. Военачальники СССР – Комбриги РККА 1935–1940. М., 2019. Т. 2.

А. А. Пчелинов-Образумов

кандидат исторических наук

Государственный архив Белгородской области

**ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ,
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.**

И СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1945 г.

В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье представлен обзор имеющихся на хранении в Государственном архиве Белгородской области личных фондов участников Гражданской войны, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и

Советско-японской войны 1945 г. Анализируется состав документов фондов, даются краткие биографические сведения о фондообразователях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг.; Белгородская область; Государственный архив Белгородской области; личные фонды.

О событиях отечественной истории первой половины XX столетия, в том числе о Гражданской войне, Второй мировой войне (Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и Советско-японской войне 1945 г.), и их участниках написаны тысячи книг и статей, снято множество документальных и художественных фильмов, тем не менее, год от года интерес к ним не ослабевает.

В нашей стране данные темы актуальны и востребованы. В Государственном архиве Белгородской области хранятся 18 личных фондов участников Гражданской войны, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и Советско-японской войны 1945 г: Николая Никифоровича Белых (Р-20), Михаила Ивановича Демченко (Р-1455), Фёдора Никитича Донцова (Р-1461), Натальи Глебовны Овчаровой (Р-1463), Виталия Степановича Буханова (Р-1496), Григория Кононовича Прядченко (Р-1507), Григория Яковлевича Меня (Р-1518), Александра Сильвестровича Стеценко (Р-1519), Петра Ильича Шихатова (Р-1530), Михаила Акимовича Попова (Р-1602), Михаила Афанасьевича Сабельникова (Р-1612), Владимира Александровича Подольского (Р-1630), Александра Еремеевича Годуна (Р-1670), Михаила Денисовича Тверитинова (Р-1722), Лии Григорьевны Улановской (Р-1744), Георгия Николаевича Шмелёва (Р-1849), Александра Васильевича Дончака (Р-1990), Михаила Ивановича Карагодина (Р-2040) [1].

Примечательны и разнообразны биографии фондообразователей. Николай Никифорович Белых (1905–1997) – уроженец деревни Становые Лески Тимского уезда Курской губернии, принимал участие в Гражданской войне, руководил деятельностью местного революционного комитета, позже активно участвовал в комсомольской и партийной работе, много учился, занимался самообразованием, сотрудничал с различными периодическими изданиями. Он неоднократно избирался депутатом Старооскольского городского Совета депутатов трудящихся. В годы Великой Отечественной войны служил начальником штаба 22-й гвардейского воздушно-десантного стрелкового полка 8 гвардейской воздушно-десантной Первомайской дивизии 4 гвардейской армии. Н. Н. Белых воевал на Юго-Западном, Северо-Западном, Воронежском, Степном (позже Втором Украинском) фронтах, был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, получил звание капитана. После войны Николай Никифорович работал в образовательной сфере, получил степень кандидата исторических наук, занимался

изучением истории Старого Оскола, публиковал работы по краеведению и педагогике [2, л. 1–5].

Михаил Иванович Демченко – родился в 1895 году в селе Наумовка Белгородского уезда Курской губернии (ныне Белгородского района Белгородской области). Окончил Шебекинскую Марьинскую сельскохозяйственную школу, работал в Белгородском земстве в должности агрономического старосты. Участвовал в Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войнах [3, л. 1–2].

Фёдор Никитич Донцов (1913–1987) родился в селе Козинка современного Грайворонского городского округа в крестьянской семье. Учился в местной школе, затем в Тамбовском финансово-плановом техникуме, служил в органах НКВД. В начале Великой Отечественной войны командовал Суджанским партизанским отрядом. 20 октября 1942 г. Донцов попал в плен. Ему пришлось пройти через 4 нацистских концлагеря и 5 тюрем. Он несколько раз пытался бежать, активно участвовал в антифашистском сопротивлении. В концлагере «Эбензее» Донцов вступил в подпольную организацию, одним из руководителей которой был полковник Яков Никитич Старостин. Организация смогла спасти заключенных (около 16 000 человек) от истребления и фактически взяла лагерь под свой контроль. Через несколько дней после освобождения Старостин умер. Донцов входил в комиссию по организации его похорон. Лишь через много лет после Победы Ф. Н. Донцов узнал, что под именем полковника Старостина в лагере действовал легендарный советский разведчик, Герой Советского Союза Лев Ефимович Маневич. После освобождения из плена Донцов в ноябре 1945 г. был демобилизован. Из-за пребывания в плену Донцов был исключён из партии и только в 1956 г., после того как собрал все документы о своей деятельности на оккупированной территории и участии в антифашистской борьбе, вновь стал членом КПСС. Остальное время Донцов занимал ответственные должности, был членом всесоюзного общества «Знание», выступал с лекциями по истории ВОВ, интересовался исторической литературой данной тематики [4, л. 1–2].

Наталья Глебовна Овчарова (до замужества Бурная) родилась в 1923 г. в Вологде в семье учителей. Работала в одной из вологодских школ, затем в местной газете. В июле 1942 г. добровольно вступила в Красную Армию. До марта 1943 года служила секретарём военной прокуратуры 70-й морской стрелковой бригады 7-й отдельной Армии. Затем была направлена в отдельную саперную роту 70-й мотострелкового батальона делопроизводителем. В июле 1944 г. была направлена в 497-й стрелковый полк 135-й стрелковой дивизии делопроизводителем по офицерскому составу. Принимала участие в освобождении Польши. Войну закончила в Бреслау (ныне город Вроцлав). Награждена орденом Красной звезды. Была демобилизована в 1945 г., до марта 1947 г. в качестве жены офицера находилась в Австрии. После войны она вернулась к любимым занятиям –

педагогике и журналистике. Наталья Глебовна прославилась на литературном поприще: сочиняла стихи, написала ряд прозаических произведений [5, л. 1].

Виталий Степанович Буханов (1926–1965) – уроженец села Беловское Белгородского района. Ещё в годы войны начал писать стихи. Первое стихотворение «В Берлин» было напечатано в 1944 г. в газете «Красный боец», позже произведения Буханова публиковались в армейской печати – «На боевом посту», «Тревога». В 1955 г. он окончил Литературный институт имени Горького. Вскоре он стал членом Союза писателей СССР. В 1965 г. Виталий Степанович безвременно ушел из жизни, ему не было ещё и 40 лет [6, л. 1].

Григорий Кононович Прядченко родился в 1895 г. в слободе Орлик Старооскольского уезда в бедняцкой семье. В 1914 г. он был мобилизован в армию и состоял на военной службе в Старооскольском гарнизоне. После Февральской революции солдаты избирали его в состав солдатского комитета. В конце 1917 – начале 1918 гг. активно участвовал в установлении Советской власти в Старом Осколе и Старооскольском уезде. В 1919 г. Григорий Кононович был назначен помощником политкомиссара, а затем комиссаром третьей стрелковой дивизии 13-й армии, участвует в боях против белогвардейских войск А. И. Деникина, П. Н. Врангеля. С 1921 г. Г. К. Прядченко работал в Курском губисполкоме, был членом Малого Совнаркома РСФСР. С созданием Центрально-Черноземной области он избирается первым заместителем председателя облисполкома ЦЧО. С 1931 по 1934 год работает председателем Харьковского облисполкома [7, л. 1–2].

Григорий Яковлевич Мень (1922–2000) – ветеран ВОВ, член союза журналистов СССР, прославился своими документальными очерками о белгородцах – участниках Великой Отечественной войны, отдельных подвигах и сражениях, вел большую военно-патриотическую работу [8, л. 1–2].

Александр Сильвестрович Стеценко – уроженец Черкасской области. С ноября 1939 г. находился в Красной Армии. Принимал участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и Советско-японской войне. С 1964 по 1969 гг. был воспитателем и учителем истории Белгородской школы-интерната № 25. В этой школе он создал музей Курской битвы, вел большую военно-патриотическую работу среди учащихся, организовал несколько встреч ветеранов битвы на Курской дуге. На основе собранного, обобщенного и изученного материала подготовил и издал путеводители «На Огненной дуге», «Танковое сражение под Прохоровкой», буклет «На Покровских высотах». Было у него и много других публикаций. Стеценко передал большой материал по Курской битве школе № 32 Белгорода. Находясь на пенсии, он прочитал курс лекций по Курской битве для экскурсоводов [9, л. 1].

Пётр Ильич Шихатов (1923–1989) родился в селе Иловка Алексеевского района нынешней Белгородской области в крестьянской семье. С началом Великой Отечественной войны добровольно вступил в Красную Армию и был направлен на учебу в Орловское танковое училище, после окончания которого с января 1942 г. и до конца войны находился в действующей армии, воевал на Брянском, Центральном, 4-м Украинском и I-м Прибалтийском фронтах в качестве командира танка Т-34, командира танкового взвода, адъютанта танкового батальона, офицера связи штаба танковой бригады, командира танковой роты. По окончании войны 24 июня 1945 г. был уволен в запас инвалидом 3-й группы. Пётр Ильич учился в Воронежском педагогическом институте, затем работал по партийной линии, был лектором отдела пропаганды и агитации обкома КПСС [10, л. 1–3].

Михаил Акимович Попов родился в 1897 г. в семье ремесленника. М. А. Попов стоял у истоков профсоюзного движения Белгорода. В ноябре 1917 г. вошел в уездное бюро профсоюзов, в марте 1919 г. он стал его председателем. В 1920-е годы М. А. Попов работал при Курском губисполкоме. С началом колхозного строительства в 1928 г. он направлен в Хабаровск, где работал заместителем председателя крайколхозсоюза. В 1932 г. направлен в Воронеж заместителем управляющего сахаротрестом ЦЧО, затем председателем обкома профсоюза сахарников. С ноября 1937 г. перешел на хозяйственную работу в Курске, а с сентября 1959 г. был на пенсии [11, л. 1–2].

Михаил Афанасьевич Сабельников родился в 1926 г. в селе Нежеголь Шебекинского района. В марте 1943 г. добровольцем ушел на фронт. Служил в 5-м механизированном корпусе 51-го гвардейского танкового полка 5 (затем 53) гвардейской танковой армии. Воевал в составе 2-х Украинских фронтов. Сабельников был награжден 9-ю медалями и орденами Отечественной войны I и II степени. Михаил Афанасьевич был членом Союза журналистов СССР с 1961 г. Его перу принадлежит множество книг и статей, в том числе о Великой Отечественной войне [12, л. 1–3].

Владимир Александрович Подольский (1926–1999) – член Союзов журналистов РСФСР и СССР, много писал о Великой Отечественной войне, собирал воспоминания её участников, материалы о различных сражениях [13, л. 1].

Александр Еремеевич Годун (1895–1971) – активный участник установления Советской власти в Белгороде и Гражданской войны, сотрудник органов ГубЧК, ОГПУ, НКВД, автор очерков и воспоминаний о революционных событиях [14, л. 1–2].

Михаил Денисович Тверитинов (1926–1993) родился в селе Солдатское Грайворонского уезда Курской губернии (ныне Ракитянского района Белгородской области) в семье рабочего. Ему довелось пережить немецкую оккупацию родного села. После освобождения он был призван в

Красную Армию. В составе 17-й механизированной бригады 6-го корпуса 4-й танковой армии участвовал в освобождении территории Украинской ССР, боях в Польше и Германии, был награжден медалью «За отвагу», орденом Боевого Красного Знамени. Незадолго до Победы Михаил Денисович был тяжело ранен. Он перенес 5 операций, провел в госпиталях 15 месяцев. В мае 1946 г. он вернулся на родину инвалидом II группы. Работал на почте, затем с 1953 по 1985 г. в сельском Совете. Михаил Денисович был творческим человеком, писал стихи, регулярно печатался в районной газете. Его публикации появлялись на страницах «Белгородской правды» и «Ленинской смены». В 1986 г. он стал членом Союза писателей СССР. Михаил Денисович неоднократно награждался районными и областными властями за вклад в развитие литературы Белгородчины и участие в работе периодической печати [15, л. 1–4].

Лия Григорьевна Улановская (Моначкова) (1925–2001). С конца 1941 по июнь 1944 г. Лия Григорьевна в составе фронтовой агитбригады в Карелии приняла участие более чем в четырехстах концертах. Агитбригада показал высокий моральный дух, за что удостоилась благодарности 26-й и 32-й армий. Улановская была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1954 г. она переехала в Белгород, 26 лет проработала на различных постах в областном Совете профсоюзов, была членом президиума областной организации общества «Знание». Лия Григорьевна несколько лет проработала и в областном государственном архиве [16, л. 1–3].

Георгий (Юрий) Николаевич Шмелёв (1925–2003) – уроженец города Белгорода. В марте 1942 г., находясь в эвакуации, из г. Саратова добровольцем ушел на фронт. Был разведчиком отдельного морского комсомольско-молодежного разведывательно-диверсионного батальона. После третьего, тяжелого ранения в октябре 1942 г. под Новороссийском, в неполных 17 лет стал инвалидом. Но вновь добровольно вернулся в строй фронтовиков. Участвовал в боях на Курской дуге – был комсоргом роты автоматчиков, знаменосцем 106-го гвардейского воздушно-десантного полка 7-й гвардейской армии. При штурме Харькова был тяжело ранен в четвертый раз. Победу он встретил в Вене. «Свою войну» закончил в марте 1946 г. (был оперуполномоченным лагеря для военнопленных № 145 МВД СССР). Шмелёв награжден орденами Красной звезды, Отечественной войны I и II степени; медалями «За боевые заслуги»; «За оборону Кавказа», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены». После войны занимался хозяйственной работой, инспектировал предприятия общественного питания. Вёл активную краеведческую и пропагандистскую работу. В 1990 г. ему было присвоено звание «Почётный гражданин города Белгорода», в 1993 г. почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации» [17, л. 1–4].

Александр Васильевич Дончак родился 29 мая 1926 г. в Туле в семье служащего. В июле 1941 г. был эвакуирован вместе с матерью в

Краснодарский край. В августе 1942 г. добровольно вступил в Красную Армию. Александр Васильевич служил авиамехаником в одной из частей 4-Воздушной армии, демобилизован в сентябре 1950 г. в Таганроге. Активно занимался литературным трудом. С 2002 г. находится на заслуженном отдыхе и продолжает свою творческую деятельность. Александр Васильевич с апреля 2005 г. является членом Союза писателей России. Диапазон его творчества очень широк – военная, историческая и художественная проза, юмористические стихи, театральные сценарии, романы, он автор более 20 книг [18, л. 1–2].

Михаил Иванович Карагодин (1926–2010) – уроженец села Большие Липяги Вейделевской волости Валуйского уезда Воронежской губернии (ныне Вейделевского района Белгородской области). В 1944 г. из 10 класса он был призван в ряды Красной армии. Проходил службу в снайперской школе, участвовал в войне с Японией в 1945 г., и военных действиях в Корее, служил начальником радиостанции во взводе разведки.

М. И. Карагодин является автором десятков статей, очерков и исследовательских работ по археологии и истории черноземного края, которые выходили как в местной прессе, так и в научных журналах. Его перу принадлежат главы учебного пособия «Белгородский край в истории СССР», книги «Сквозь сердца воинов-белгородцев». Главный труд М. И. Карагодина – двухтомник «Среднее Поосколье. Исторический перекресток». Он собрал в себя результаты его многолетних комплексных исследований истории Валуйской земли с древнейших времен до наших дней. Опубликованные в сборнике очерки повествуют об освоении этих территорий, укреплении государственности, о развитии духовной культуры [19, л. 1–2].

Таблица 1. Личные фонды ветеранов Великой Отечественной войны в Государственном архиве Белгородской области

№	№ фонда	Название фонда	Количество единиц хранения в фонде
1.	Р-20	Личный фонд Н. Н. Белых	327
2.	Р-1455	Личный фонд М. И. Демченко	15
3.	Р-1461	Личный фонд Ф. Н. Донцова	18
4.	Р-1463	Личный фонд Н. Г. Овчаровой	147
5.	Р-1496	Личный фонд В. С. Буханова	39
6.	Р-1507	Личный фонд Г. К. Прядченко	14
7.	Р-1518	Личный фонд Г. Я. Меня	96
8.	Р-1519	Личный фонд А. С. Стеценко	34
9.	Р-1530	Личный фонд П. И. Шихатова	84
10.	Р-1602	Личный фонд М. А. Попова	3
11.	Р-1612	Личный фонд М. А. Сабельникова	136
12.	Р-1630	Личный фонд В. А. Подольского	125
13.	Р-1670	Личный фонд А. Е. Годуна	10
14.	Р-1722	Личный фонд М. Д. Тверитинова	77
15.	Р-1744	Личный фонд Л. Г. Улановской	42

16.	P-1849	Личный фонд Г. Н. Шмелёва	223
17.	P-1990	Личный фонд А. В. Дончака	87
18.	P-2040	Личный фонд М. И. Карагодина	73

Из фондообразователей трое являлись только участниками Гражданской войны (М. А. Попов, Г. К. Прядченко, А. Е. Годун), двое участниками Гражданской и Великой Отечественной войны – Н. Н. Белых, М. И. Демченко, двое (А. С. Стеценко, М. И. Карагодин) принимали участие в Великой Отечественной войне и Советско-японской войне, 11 – в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Из приведенной выше таблицы видно, что наибольшее количество единиц хранения содержится в личных фондах: Н. Н. Белых (327 единиц хранения), Г. Н. Шмелёва (223 единицы хранения), Н. Г. Овчаровой (147 единиц хранения), М. А. Сабельникова (136 единиц хранения) и В. А. Подольского (125 единиц хранения). Наименьшее количество дел хранится в личных фондах А. М. Попова – 3 единицы хранения, А. Е. Годуна – 10, М. И. Демченко – 15, Г. К. Прядченко – 14, Ф. Н. Донцова – 18.

Практически во всех личных фондах содержатся материалы биографического характера: автобиографии и воспоминания (например, в фонде Н. Н. Белых хранится его рукописный дневник в 45 томах), личные документы (характеристики, наградные листы, удостоверения, грамоты и др.), письма, телеграммы, поздравительные открытки. Исключение составляют личные фонды В. С. Буханова и В. А. Подольского. К сожалению, не во всех случаях имеются сведения о датах жизни фондообразователей (фонды М. И. Демченко, Ф. Н. Донцова, М. А. Сабельникова, М. А. Попова) и их фотографии (фонды В. С. Буханова, А. С. Стеценко, В. А. Подольского).

Во многих личных фондах имеются созданные ими литературные произведения (фонды Н. Н. Белых, Н. Г. Овчаровой, В. С. Буханова, П. И. Шихатова, М. Д. Тверитинова, Л. Г. Улановской, А. В. Дончака) и публицистические статьи (фонды Н. Н. Белых, Ф. Н. Донцова, Г. Я. Меня, М. А. Сабельникова, В. А. Подольского, М. Д. Тверитинова, Л. Г. Улановской, Г. Н. Шмелёва).

В личных фондах хранятся материалы по интересовавшим фондообразователей темам. Прежде всего, это материалы по истории Великой Отечественной войны (воспоминания участников, подборки газетных вырезок и публикаций о героях войны, отдельных подвигах и сражениях, копии архивных документов), широко представленные в фондах Н. Н. Белых, Г. Я. Меня, А. С. Стеценко, М. А. Сабельникова, В. А. Подольского, Г. Н. Шмелёва. В фонде Н. Н. Белых имеются материалы к его монографии «Частичка Родины» о Старооскольском крае, документы о краеведческой работе Н. Н. Белых в Старооскольском районе, государственные кредитные билеты и денежные знаки РСФСР, Германии,

Италии, Западной Украины (1942 г.), почтовые марки Германии. В фонде Г. Н. Шмелёва хранятся документы о сооружении в Белгороде музея-диорамы «Огненная дуга» (очерки, письма, генплан), охране и использовании памятников истории и культуры, а также по другим вопросам.

Таким образом, документы личных фондов участников Гражданской, Великой Отечественной и Советско-японской войн содержат сведения по различным (в том числе невоенным) темам, представляют несомненный интерес для исследователей, являются ценным материалом для проведения выставок архивных документов.

Источники и литература

1. Государственный архив Белгородской области: путеводитель. Белгород, 2005.
2. Государственный архив Белгородской области (далее – ГАБО). Ф. Р-20. Оп. 1.
3. ГАБО. Ф. Р-1455. Оп. 1.
4. ГАБО. Ф. Р-1461. Оп. 1.
5. ГАБО. Ф. Р-1463. Оп. 1.
6. ГАБО. Ф. Р-1496. Оп. 1.
7. ГАБО. Ф. Р-1507. Оп. 1.
8. ГАБО. Ф. Р-1518. Оп. 1.
9. ГАБО. Ф. Р-1519. Оп. 1.
10. ГАБО. Ф. Р-1530. Оп. 1.
11. ГАБО. Ф. Р-1602. Оп. 1.
12. ГАБО. Ф. Р-1612. Оп. 1.
13. ГАБО. Ф. Р-1630. Оп. 1.
14. ГАБО. Ф. Р-1670. Оп. 1.
15. ГАБО. Ф. Р-1722. Оп. 1.
16. ГАБО. Ф. Р-1744. Оп. 1.
17. ГАБО. Ф. Р-1849. Оп. 1.
18. ГАБО. Ф. Р-1990. Оп. 1.
19. ГАБО. Ф. Р-2040. Оп. 1.

В. В. Коровин

доктор исторических наук

Юго-Западный государственный университет

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ О СОПРОТИВЛЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОМУ ОККУПАЦИОННОМУ РЕЖИМУ

Аннотация. В статье раскрывается роль источников личного происхождения в исследовании истории партизанской борьбы на территории временно оккупированных районов. Особое внимание уделяется рассмотрению особенностей воспоминаний участников партизанского движения как исторического источника.

Ключевые слова: партизанское движение; Курская область; воспоминания; оккупация; дневниковые записи.

В исследовании истории партизанской борьбы на территории временно оккупированных районов нашей страны важное значение имеют источники личного происхождения: дневники и мемуарные издания отдельных авторов, различные сборники воспоминаний участников и очевидцев событий войны. Прежде всего, следует отметить мемуары видных организаторов партизанского движения в нашей стране, в том числе – П. К. Пономаренко [1], С. А. Ковпака [2], Д. В. Емлютина [3], М. И. Наумова [4]. Знакомство с ними позволяет лучше представить события на территории Центрально-Черноземного и соседних регионов в 1941–1943 гг., «из первых рук» получить информацию о работе Центрального штаба партизанского движения, о взаимодействии украинских, брянских и курских партизан.

В то же время необходимо учитывать историографические традиции, в условиях которых издавалась эта литература. Мемуарные публикации 1960-х – 1980-х гг. проходили жесткое редактирование, несмотря на высокий статус их авторов. Необходимо отметить, что и литературная обработка воспоминаний была необходима для полноценного восприятия их читателями. Так, ознакомление автора данной статьи со стенограммой выступления начальника Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко на совещании командования крупных партизанских формирований, проведенном в августе 1942 г., которая находится на хранении в документах архивного фонда Ф. 69 Российского государственного архива социально-политической истории, указывает на явное косноязычие докладчика. Вместе с тем, рукопись его фундаментальной книги, хранящаяся в личном фонде П. К. Пономаренко в РГАСПИ, полна собственноручно сделанных правок и дополнений, что указывает на владение материалом их автором.

Дневниковые записи командира Винницко-Сумского партизанского соединения Я. И. Мельника [5], комиссара Первой Курской партизанской бригады А. Д. Федосюткина [6], секретаря Дмитриевского подпольного окружка ВКП(б) П. А. Сентюрера [7], позволяют, восполняя пробелы в отрядной документации, восстановить хронику исследуемых событий. В то же время работа с дневниками требует критического и взвешенного подхода, поскольку записи о событиях вносились иногда со значительным опозданием. Поэтому в них часто имеют место неточности, выявить которые удастся путем сопоставления с официальными документами.

Из персональных мемуаров определенный интерес представляют подготовленные при участии автора данной статьи к публикации воспоминания командира разведывательно-диверсионной группы «Смерч» П. Н. Свечкина [8, с. 25–38], командира Дмитриевского партизанского отряда И. И. Свирина [9, с. 9–28], комиссара Первой Курской партизанской

бригады А. Д. Федосюткина [10]. В указанных воспоминаниях нашли отражение не только вопросы боевой деятельности, но и партизанского быта, проблемы межличностных отношений.

Как отмечает ветеран архивного дела И. П. Ковалевская, занимавшаяся археографической обработкой личного фонда А. Д. Федосюткина, находящегося на хранении в Государственном архиве общественно-политической истории Курской области, «Его память сохранила порой самые мельчайшие подробности о партизанской жизни в тяжелых условиях вражеского тыла: как обустроивали свое жилье партизаны, как они одевались, что ели, как спасались сами и спасали свои семьи от карателей. По его мнению, труднее всего партизаны “переносили строительство новых землянок в зимних условиях, а зоны деятельности приходилось часто менять...”. Тяжелые воспоминания Федосюткина связаны с предательством местных жителей. Это было. И партизаны предателей уничтожали. В партизанском отряде, которым он командовал, было даже такое выражение, как “предателей Родины на поводок”, то есть карать через повешение» [10, с. 7].

Мемуарная литература, содержащая воспоминания ветеранов партизанской борьбы в тылу противника, представлена региональными сборниками «Народные мстители» [11], «Ради жизни на земле» [12], а также публикациями в периодических изданиях [13; 14; 15; 16; 17; 18]. Воспоминания участников событий существенно обогащают архивный материал дополнительными сведениями, но при работе с ними необходимо учитывать специфику мемуаров как источника. Известно, что они в большей степени, нежели другие исторические источники, несут на себе отпечаток индивидуальности автора, его симпатий и антипатий, его осведомленности, способности увидеть и отразить события. Следует помнить и о том, что человеческая память подвержена влиянию времени, поэтому в освещении событий авторами мемуаров могут быть пробелы, порой закрадываются неточности. В силу этого нельзя забывать о необходимости критического к ним отношения.

В качестве примера можем привести сборник «Народные мстители», в котором представлены воспоминания курских и белгородских партизан и подпольщиков, в том числе бывших руководителей партизанских отрядов и бригад Д. Д. Беспарточного, Н. Д. Сотникова, И. Д. Кубрикова, О. Г. Казанкова и других. Сборник сыграл существенную роль в изучении различных аспектов истории партизанского движения в регионе. Однако, не случайно его составители вполне критически отнеслись к подготовленному изданию, отметив в обращении к читателям, что книга «не претендует на всестороннее освещение жизни и боевой деятельности народных мстителей», и хотя подготовленные материалы «в целом дают правильную картину событий, но следует учитывать, что каждый участник по-своему воспринимал и оценивал происходящее» [11, с. 3]. К этому можно добавить, что авторы воспоминаний рассказывают только об

успешных боевых операциях, и не останавливаются на характеристике проблем, с которыми приходилось сталкиваться партизанским отрядам в повседневной жизни.

Использование в исследовательской работе опубликованных мемуаров, чаще всего требует их сопоставления с архивными документами и другими источниками. Не менее важным является глубокий анализ неопубликованных воспоминаний участников войны, хранящихся в фондах государственных и общественных музеев, в семьях ветеранов, ушедших из жизни.

Старший научный сотрудник Института российской истории РАН Н. И. Никитин подчеркивает, что «воспоминания участников войны нужны всем, пусть не все это понимают. Они нужны для воссоздания максимально полной картины страшной войны, пережитой человечеством. В этом гигантском историческом полотне есть место впечатлениям всем: маршала и солдата, героя-разведчика и скромного тыловика...» [19, с. 19–24].

Для полноты исследования проблемы участия населения в сопротивлении оккупационному режиму необходимы разные свидетельства, которые затрагивают не только позитивные, но и негативные настроения, отражающие трудные условия пребывания в тылу противника. В этом плане проблема предательства и коллаборационизма получила полноценное освещение лишь в современной историографии.

Воспоминания непосредственных участников событий, занявших сторону противника, являются первоклассными источниками по истории коллаборационизма, в особенности по психологии людей, для которых сотрудничество с оккупантами было сознательным выбором; подобные источники по истории оккупационной политики содержат свидетельства о преступлениях фашистов; кроме того, эти источники отражают историю советского общества в экстремальных условиях войны, когда ценностные и поведенческие стереотипы людей проявлялись особенно ярко.

Воспоминания А. Г. Кепова, В. Д. Соколова (Вл. Самарина), Б. Г. Меньшагина и других коллаборационистов ценны для исследователя, поскольку подобные мемуары являются большой редкостью. Это объясняется следующим. Во-первых, многие пособники оккупантов были приговорены к высшей мере наказания. Во-вторых, изменники Родины, сумевшие скрыться от правосудия в послевоенные годы, не оставляли своих воспоминаний. Вместе с тем, немало сведений о сотрудничестве земляков с врагом сохранила память старшего поколения жителей районов Курской области, переживших немецко-фашистскую оккупацию.

Академик М. Н. Тихомиров заметил: «Можно написать интересую и правдивую историю на основании только архивных документов, но нельзя запомнить и восстановить те факты, которые были известны только современникам... Документы останутся, а рассказы современников

исчезнут, и никто их уже не восстановит, если они не будут записаны» [20, с. 95].

Однако таких воспоминаний, которые отражали бы все стороны партизанской борьбы в тылу врага, совсем немного. В тот период, когда ветераны партизанского движения были способны относительно объективно реконструировать в памяти ход событий военной истории, в которых они принимали участие, их воспоминания практически не фиксировались письменно. Как правило, приглашение для выступлений перед школьниками или общественностью ограничивалось их устными рассказами.

Исключение составляли лишь встречи бывших партизан с представителями поискового движения. Так, действовавший при Курском городском Дворце пионеров во второй половине 1960-х гг. военно-патриотический отряд «Разведчик» специализировался именно на партизанской тематике. Многочисленные туристические экспедиции в районы активных действий курских партизан позволили юным следопытам записать воспоминания ряда ветеранов, собрать их фотографии и документы, ставшие основой экспозиции музея партизанской славы, созданного по результатам поиска во Дворце пионеров.

Поиском материалов о борьбе отрядов 2-й Курской партизанской бригады почти одновременно с клубом «Разведчик» занимались старшеклассники школы № 15 города Курска. Собранные ими материалы были положены в основу тематических разделов школьного музея боевой славы. К сожалению, сохранность ценных источников личного происхождения, ставших достоянием музеев, работающих на общественных началах, до сих пор не гарантирована.

Записи устных свидетельств участников войны, сделанные в период деидеологизации исторической науки, предоставили возможность исследователям выявить особенности партизанской жизни и быта отдельных участников борьбы с оккупантами, их мысли, чувства и поведение в описываемый период, а совокупность материалов дает возможность создать общее представление о бытовом, а главное – моральном и психологическом аспектах проблемы участия населения региона в партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков.

Ключевым препятствием для получения такой важной исторической информации о военной повседневности стало само время. Воспоминания ветеранов, фиксируемые по прошествии более полувека после интересуемых событий, как правило, не содержат той детализации, которую ожидает получить историк. Большая часть респондентов оказалась не в состоянии воспроизвести отдельные факты собственной биографии, преднамеренно или в силу возрастных изменений мозговой активности, опуская их. Со временем изменялись и оценочные суждения о происходивших с ними событиях. Иногда накопленные с возрастом знания по военной истории, с одной стороны, уход из жизни старших боевых товарищей, с другой

стороны, позволял некоторым интервьюируемым несколько искажать сохранившиеся в памяти факты, преподнося их в более выгодном для автора воспоминаний свете. Указанное обстоятельство еще раз подчеркивает необходимость более внимательного отношения исследователей к мемуарным источникам, на которые можно ориентироваться только с учетом критического анализа их содержания и сопоставления с другими документальными материалами.

Источники и литература

1. Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941–1944. М., 1986.
2. Ковпак С.А. Воспоминания, очерки, статьи. Киев, 1987.
3. Емлютин Д.В. Шестьсот дней и ночей в тылу врага. М., 1971.
4. Наумов М.И. Хинельские походы. Киев, 1960.
5. Мельник Я.И. 554 дня партизанской войны: дневник, документы. М., 2006.
6. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. П-5570. Оп. 1. Д. 1.
7. Государственный архив Курской области. Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 8.
8. Коровин В.В. Малоизвестные страницы диверсионной войны в тылу врага (по воспоминаниям курянина П. Н. Свечкина) // Курский край. Научно-исторический журнал. № 6–7 (56–57). Курск, 2004.
9. Коровин В.В. Боевая деятельность и повседневная жизнь Дмитриевских партизан (по воспоминаниям командира отряда И. И. Свирина) // Курский край. Научно-историч. журнал. № 10–11 (60–61).
10. Федосюткин А.Д. На земле железной. (Записки комиссара Первой Курской партизанской бригады): Курские мемуары. Научно-историч. журнал. № 1. Курск, 2006.
11. Народные мстители: Воспоминания курских и белгородских партизан и подпольщиков. Изд. 2-е, испр. Воронеж, 1975.
12. Ради жизни на земле: Очерки о героизме наших земляков в годы Отечественной войны. Воронеж, 1970.
13. Гусев П. Уходили в поход партизаны // Курская правда. 1995. 26 апр.
14. Макаров И. Партизанскими тропами // Курская правда. 1987. 25 янв.
15. Ужова В. Сражавшаяся молодость // Ветеран. 1993. № 26 (сент.).
16. Фоменко Г. Партизанские будни // Курская правда. 1991. 27 дек.
17. Никитина Н. Готовы были встретить врага // Голос хлебороба [Уметский р-н, Тамбовская обл.]. 2005. 4 мая.
18. Степанищев И. Как нас готовили к партизанской борьбе // Школьная перемена [Тамбов]. 1995. Май (№ 4).
19. Никитин Н.И. Последний долг... (О воспоминаниях участников войны) // Отечественная история. 2006. № 3.
20. Тихомиров М.Н. О значении исторической науки // Вестник МГУ. История. 1969. № 1.

И. С. Ефремова
Государственный архив Курской области

**ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИРЕКТОРА
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ВАСИЛИЯ КУЗЬМИЧА ПОДЛОВА**

Аннотация. Изучение биографий руководителей различных учреждений является важной частью исторических исследований, так как во многом различные подробности жизни этих людей раскрывают особенности работы вверенных им организаций. Настоящая статья раскрывает различные аспекты трудового пути директора Государственного архива Курской области В. К. Подлова.

Ключевые слова: В. К. Подлов; Государственный архив Курской области; директор; биография; архивное дело.

За 80 лет существования Государственного архива Курской области им руководили 13 директоров, каждый из которых внес свой вклад в становление и развитие этого учреждения. С ноября 1952 по июнь 1963 г. начальником госархива был Василий Кузьмич Подлов, жизни и деятельности которого посвящена настоящая работа. В Государственном архиве общественно-политической истории хранится его личное дело, заканчивающееся 1950-м г. Этот документ стал основным источником для освещения биографии Подлова за период, предшествующий его директорству. В связи с тем, что в материалах Государственного архива Курской области и Государственного архива общественно-политической истории Курской области информация о В. К. Подлове после июня 1963 г. отсутствует, статья завершена этой датой.

Василий Кузьмич родился 25 февраля 1903 г. семье крестьянина-бедняка дер. Малый Трилесин Белыничского района Могилевской области Белоруссии Кузьмы Степановича Подлова, который погиб в русско-японскую войну (1904–1905 гг.). После смерти супруга Ольга Игнатьевна Подлова оказалась в тяжелом положении, в одиночку заботясь о пяти малолетних детях. С ранних лет Василий старался облегчить положение матери, совмещая учебу в школе с работой в домашнем хозяйстве [7, л. 4 об.].

Выходец из крестьянской среды, В. К. Подлов в отличие от своих братьев и сестер не захотел работать в колхозе. После окончания школы он уехал в Могилев, где закончил краткосрочные курсы учителей и был направлен в начальную школу дер. Олешковичи Белыничского района Могилевской области [7, л. 4].

1920 г. стал знаковым в жизни Василия Кузьмича. Его приняли в члены двух важнейших для советского человека организаций: комсомол и профсоюз (Центральный комитет профессионального союза работников

просвещения, высшей школы и научных учреждений). Отработав год в школе, Василий Кузьмич решил продолжить обучение, поступив в Могилевский институт народного образования. В связи с реорганизацией в 1923 г. институтов народного образования в педагогические техникумы Василий Подлов был переведен на этнолого-лингвистическое отделение педагогического факультета Белорусского государственного университета в г. Минске. Однако тяжелая болезнь помешала ему закончить обучение: на 4 курсе Подлову диагностировали туберкулез. Поправив здоровье, в сентябре 1927 г. Василий Кузьмич был направлен в распоряжение Барабинского окрОНО (Барабинский округ Западно-Сибирского края РСФСР), который определил его учителем в Купинскую школу крестьянской молодежи. В ней Василий Кузьмич проработал до августа 1931 г., после чего был переведен в Купинскую железнодорожную фабрично-заводскую девятилетку на должность заведующего учебной частью и преподавателя литературы в 8–10 классах. В Купинске В. К. Подлов обзавелся семьей, женившись на комсомолке-активистке Ксении Петровне Ильиной. Своего первенца они назвали звучным именем Ким, которое воплощало аббревиатуру «Коммунистический интернационал молодежи» [7, л. 4 об., 5 об.].

Три года В. К. Подлов был кандидатом в члены партии, и только в 1939 г., доказав свою преданность делу Ленина-Сталина, он был принят в ряды ВКП(б). В марте 1941 г. В. К. Подлова назначили заведующим Купинского районного отдела народного образования Новосибирской области, а в ноябре 1941 г. поручили возглавить отдел пропаганды и агитации райкома. В марте 1943 г. Новосибирский обком ВКП(б) ходатайствовал перед ЦК ВКП(б) об отправке В. К. Подлова для работы в районах, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков. Пунктом назначения был выбран Курск, где с апреля 1943 по октябрь 1949 г. Подлов работал при горкоме ВКП(б) сначала заведующим парткабинетом (17 мая – 17 июля 1943 г.), а затем инструктором отдела пропаганды и агитации [7, л. 6–8].

Работа по возрождению партийных организаций и активизации возрождения народного хозяйства сочеталась в душе Василия Кузьмича с огромной болью. На оккупированной территории Бельничского района осталась его семья: мать, две сестры и два брата. Некоторое время связь с ними была потеряна. В начале 1943 г. В. К. Подлов узнал, что его родные активно сотрудничали с партизанами. Братья, Петр и Дмитрий, состояли в партизанском отряде № 600, возглавляемом Яковом Евдокимовичем Подловым, награжденным медалями «За отвагу» (1948) и «Партизан Отечественной войны I степени» (1943) [7, л. 4 об.]. После войны мама Василия Кузьмича переехала в Курск к сыну. О судьбе его братьев и сестер доподлинно ничего не известно.

21 октября 1949 г. Василий Кузьмич был назначен освобожденным секретарем первичной парторганизации Курского государственного

педагогического института. На этой должности он проработал до июня 1950 г. [7, л. 10, 16–16 об.].

В период руководства Государственным архивом Курской области В. К. Подлову удалось решить ряд важнейших задач, поставленных перед ним архивным отделом УМВД. Одной из ключевых проблем в 1950-е гг. было создание условий для комплектования фондов и обеспечения сохранности документов. По итогам ревизии архивов областных учреждений, осуществленной в 1952 г., выяснилось, что 428 архивов из 500 имеют серьезные нарушения в обеспечении сохранности документов. В частности, областная прокуратура для хранения дел использовала чердак, окруженный жилыми комнатами, а контора «Заготзерно» – помещение склада, в котором документы хранились вместе с сельхозпродукцией. Кроме того, в хранилищах госархива для документов советского периода, располагавшихся в здании Троицкой церкви при женском монастыре по ул. М. Горького, 13, не хватало места для размещения всех намеченных к поступлению материалов. К 1960-му г. В. К. Подлов добился ассигнования средств на ремонт монастырского здания и переоборудование хранилищ [3, л. 5].

Но для приема документов требовалось не только привести в порядок архивохранилища, но и освободить стеллажи от дел, подлежащих уничтожению. В связи с этим активизировалась деятельность по проведению экспертизы ценности документов, благодаря чему в 1957 г. удалось принять на хранение более 11,5 тыс. дел от ликвидированных учреждений. Подавляющее большинство материалов за 1943–1957 гг. продолжало храниться в ведомственных архивах, зачастую при ненадлежащих условиях. Госархиву по-прежнему не хватало стеллажей. Остро стоял вопрос о строительстве нового здания, который удастся решить только к 1985 г. [1, с. 16].

Еще одним серьезным вопросом была деятельность по популяризации и использованию архивных материалов. В 1950-е гг. госархив занялся составлением путеводителя по архивным фондам, выпущенного в ноябре 1958 г. типографией газеты «Курская Правда». Он стал первым научно-справочным пособием, раскрывающим состав и содержание архивных фондов [2, с. 4]. Это было важным шагом для облегчения использования архивных материалов.

В своей статье «В читальном зале государственного архива», опубликованной в газете «Курская Правда», В. К. Подлов отмечал возрастающий интерес исследователей к работе с документами. «Людно в [читальном зале] с утра и до вечера», – писал Василий Кузьмич. – «Среди посетителей – партийные и советские работники, пропагандисты и агитаторы, инженеры и техники, учителя, врачи и агрономы, студенты и научные работники» [8, 18 окт.]. Ежегодно возрастала и справочная работа. Только за 1952–1955 гг. архивисты исполнили более 20 тыс. обращений граждан [3, л. 5].

Стоит отметить, что В. К. Подлов не только осуществлял организацию и контроль за деятельностью сотрудников, но и плечом к плечу с ними занимался составлением справок, написанием статей и выявлением материалов для сборников. В научно-справочной библиотеке госархива хранятся номера газеты «Курская Правда» с 11-ю статьями В. К. Подлова. Их главная цель – поведать курянам о важности труда архивистов. В своей статье «Трудовой стаж восстановлен» он рассказал, как заведующая справочным столом госархива Е. С. Катыхина помогла работнице Курской табачной фабрики получить необходимые сведения для оформления пенсии (документы по личному составу фабрики за запрашиваемый период были утеряны) [9, 3 мая]. В статьях «Из истории курских домов отдыха» [9, 27 мая], «Интересные документы» [9, 3 мая], «Первые субботники» [9, 21 апр.], «Выдающийся деятель партии и государства» [9, 3 июня]. В. К. Подлов опубликовал сведения из архивных документов. Василий Кузьмич трепетно относился к краеведческой работе. В своей статье «Реставрация домика астронома Ф. А. Семенова» он призывал историков заняться разработкой личного фонда ученого [9, 17 июня], а в конце публикации «Первый учитель в селе Липовец» обратился к областному отделу народного образования с предложением увековечить память выдающегося советского писателя, народного поэта Белоруссии Якуба Коласа, присвоив Липовецкой школе его имя [9, 2 сент.].

Не только статьи, но и отчеты В. К. Подлова в архивный отдел облисполкома наполнены гордостью и уважением его, как руководителя, к своим сотрудникам. Свидетельством сплоченной работы коллектива стало издание сборников: «Революционные события 1905–1907 гг. в Курской губернии» (Курск, 1955), «Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии» (Курск, 1957), «Курская область в период Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» (Т. I – Курск, 1960; Т. II – Курск, 1962) и др. [5, л. 19–22]. При составлении сборников осуществлялся взаимный обмен документами с воронежским, орловским, тамбовским, крымским, калужским архивами, а также сотрудничество с преподавателями курских педагогического и медицинского институтов [4, л. 11].

Результатами продуктивного межведомственного сотрудничества были справочник административно-территориального деления Курской области (будет издан в 1968 г.) и сборник документов «Курская губерния в годы иностранной интервенции и гражданской войны» (Воронеж, 1967). Ценным источником для последнего стали личные архивы участников событий 1917–1922 гг., которые затем вошли в состав архивной коллекции «Курско-белгородская секция историко-литературного объединения старых большевиков при Институте Марксизма-Ленинизма ЦК КПСС» (Ф. Р-404). Кроме того, в 1960–1963 гг. В. К. Подлов и заведующая архивным отделом облисполкома Л. А. Ефремова занимались организацией

микрофильмирования недостающих экземпляров газет, издаваемых в Курской губернии по материалам Государственной библиотеки им. В. И. Ленина [5, л. 2, 4, 40].

Большой популярностью пользовались выставки, подготовленные курскими архивистами. Как и в случае со сборниками, В. К. Подлов принимал деятельное участие в выявлении источников для них. Подтверждением востребованности выставочных материалов являются положительные отзывы от образовательных организаций и госучреждений. Например, 2 декабря 1959 г. на имя В. К. Подлова пришло письмо от заведующего кабинетом Марксизма-Ленинизма Курского пединститута Е. Черняка о том, что выставка «Курская губерния в годы иностранной интервенции и гражданской войны» «...принесла институту большую пользу. В ней собран богатый, яркий местный материал, оформленный красочно и культурно...» [6, л. 343]. Профессора пединститута и студенты-практиканты использовали материалы выставки для подготовки к занятиям, а студенты младших курсов – для выступления на семинарах [6, л. 343].

Василий Кузьмич Подлов посвятил Государственному архиву Курской области 11 лет жизни, ежедневно заботясь о сплочении коллектива и развитии архивного дела области. 10 июня 1963 г. на руководящем посту его сменила Вера Поликарповна Воробьева.

Источники и литература

1. Архивная служба Курской области. История и современность. Курск, 2003.
2. Государственный архив Курской области. Путеводитель. Курск, 1958.
3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 506.
4. ГАКО. Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 519.
5. ГАКО. Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 521.
6. ГАКО. Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 524.
7. Государственный архив общественно-политической истории. Ф. П-1. Оп. 42. Д. 1324.
8. Курская Правда. 1955.
9. Курская Правда. 1956.

Е. И. Челышева

**Государственный историко-мемориальный Музей-заповедник
«Сталинградская битва»**

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ СОТРУДНИКА МУЗЕЯ И. М. ЛОГИНОВА – РАБОТА С ФОНДАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ (1955–1974 гг.)

Аннотация. Автор систематизировал содержание и обобщил результаты работы в Центральном архиве Министерства обороны СССР

заведующего отделом музея Оборона Ивана Максимовича Логинова, обосновав актуальность его архивных изысканий в контексте их применения в музейной работе.

Ключевые слова: Музей Оборона; Центральный архив Министерства обороны; командировки; история Сталинградской битвы.

Иван Максимович Логинов родился в 1914 г. в крестьянской семье в селе Иловатка (бывшая АССРНП). В 8 лет стал сиротой, воспитывался в детских домах. Закончив школу II-й ступени, стал ликвидатором неграмотности в родном селе. В марте 1931 г. по направлению комсомола направлен на учебу в историко-архивный институт в г. Москву, по окончании которого приехал в г. Сталинград и стал научным сотрудником областного архивного управления. В сентябре 1939 г. архивные органы были переданы в ведение НКВД. С 21 июля 1941 г. по 21 февраля 1942 г. являлся заместителем начальника архивного отдела Управления НКВД по Сталинградской области, в период Сталинградской битвы до 21 января 1943 г. работал в отделе кадров УНКВД. Капитан госбезопасности. В декабре 1942 г. награжден медалью «За оборону Сталинграда» [1]. 15 мая 1951 г. Иван Максимович Логинов зачислен в музей Оборона Царицына-Сталинграда имени И. В. Сталина на должность заведующего отделом «Сталинградская битва». Нового руководителя характеризовали как опытного и теоретически подготовленного сотрудника [1].

В публикациях по истории нашего музея (Т. А. Богатова, Н. К. Червинская, Л. Я. Ларин, В. А. Полякова, О. В. Кузина) рассматривались различные аспекты его деятельности [2; 3]. Отмечалось, что после восстановления здания музей был вновь открыт в 1948 г., экспозиции тех лет «отражали эпоху, соответствовали духу и содержанию партийных документов» [2, л. 7]. Основанная в 1949 г. библиотека музея не располагала фундаментальными научными изданиями о Сталинградской битве, лишь в декабре 1959 г. в библиотечный фонд поступили опубликованные мемуары В. И. Чуйкова, позднее – А. И. Еременко и К. К. Рокоссовского [4]. Время приносило новые профессиональные акценты, актуальной в тот период стала потребность в информации, в накоплении новых знаний, проведении теоретических исследований Сталинградской битвы и их применения для решения практических задач. В научном архиве музея нами выделены отчеты о поездках в Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО, г. Подольск) И. М. Логинова [5; 6; 7; 8; 9].

Цель настоящей статьи – систематизировать содержание и обобщить результаты работы с фондами ЦАМО, проведенной И. М. Логиновым в период с 1955 г. по 1974 г. Данная цель будет реализована с привлечением в качестве источников уже упомянутых отчетов о командировках и рабочих тетрадах И. М. Логинова из фондов музея, в которых воспроизведена документная информация по существу его

исследовательских запросов. Предполагается решить следующие задачи: определить тематику исследований, изложив трактовку отдельных событий Сталинградской битвы в документальных источниках; проанализировать способы фиксации И. М. Логиновым выявленной информации с учетом специфики архива и действующих в обозначенный период особых режимов пользования; обосновать актуальность архивных изысканий в контексте их дальнейшего применения в музейной работе.

В 1954 г. Иван Максимович, пройдя длительный этап согласования в Генеральном штабе Министерства обороны СССР, получил допуск на работу с фондами ЦАМО [5, л. 261]. Л. Я. Ларин, коллега И. М. Логинова, вспоминал: «Как-то он рассказал, каким неожиданным событием для работников ЦАМО было его появление там в качестве исследователя. Трудности заключались, в первую очередь, в преодолении всевозможных запретов, которые ему удалось в числе первых перешагнуть» [10].

В фондах музея хранятся 26 рабочих тетрадей Ивана Максимовича [11–36]. В них он скрупулезно конспектировал информацию из архивных документов, выделял заголовки, ключевые события и факты, их датировку, фамилии отличившихся воинов. Удалось установить, что в период с 1955 г. по 1974 г. наш коллега побывал в ЦАМО 13 раз, причем в 1956 г. – дважды. Записи производились чернилами, иногда простым карандашом, а с 1970 г. – шариковой ручкой. Каждая тетрадь пронумерована сотрудниками музейных фондов, порядок нумерации и хронология поездок не совпадают, т. к. тетрадям присваивали номер по мере их поступления в музей. Несколько тетрадей прошиты, на оборотах последних листов – штамп с отметкой о количестве листов и подпись начальника секретного отдела архива. В тетради № 37 за 1967 г. сохранился переплет, который скреплен сургучной гербовой печатью. Начиная с 1956 г., в каждой тетради проставлен инвентарный номер ЦАМО, а также номер по годовой описи архива. Тетради после завершения работы проверялись сотрудником архива, на титульных листах тетрадей проставлен штамп – Секретно. Обнаружено, что в разные годы в тетрадях была вымарана (заштрихована чернилами) информация о наших боевых и санитарных потерях, а также о численном и национальном составе некоторых формирований Красной Армии [13, 16]. В тетрадях помечены запланированные для машинописного или фотокопирования документы и дела, а также факт изготовления копий. Рабочие выписки сопровождалась И. М. Логиновым зарисованными им схемами боев, расположения частей Красной Армии и обстановки на фронтах, полос обороны дивизий, данных об инженерном обеспечении, о боевых порядках артиллерии, копиями отчетных карт. В форме таблиц приведены сведения о соотношении противоборствующих сторон в разные периоды сражения, национальном составе, росте рядов ВКП(б) и ВЛКСМ, награждениях участников Сталинградской битвы.

Структурировав информацию, собранную И. М. Логиновым в рабочих тетрадях и отчетах о командировках, удалось выделить несколько тем, актуальных для научной проработки в общем контексте исторического анализа событий Сталинградской битвы. Его научные интересы касались боевого состава фронтов, армий, корпусов, дивизий, вопросов оперативно-тактического характера и взаимодействия войск [37, л. 325]. Детально изучались приказы по войскам фронтов и армий, журналы боевых действий, исторические формуляры частей и соединений с изложением их боевого пути, дела политуправлений фронтов, политотделов и оперативных отделов армий, корпусов, дивизий, бригад, документы Военных советов и отделов кадров, боевые донесения, описания боевых действий и отдельных операций. В отчете о командировке за 1960 г. есть информация, что был выписан боевой состав фронтов, но огласить эти данные оказалось невозможно, так как из рабочих тетрадей они исключены архивом как секретные. Сделаны выписки о боевом составе армий (62, 64, 65, 66, 21, 5 ударная, 1 гв., 2 гв., 3 гв. и др.) с указанием стрелковых, артиллерийских, танковых, кавалерийских, инженерных частей, которые сражались на Волге в составе этих армий [7, л. 276–284].

В 1968 г. из книги «Военные кадры советского государства в Великую Отечественную войну 1941–1945» (издательство Военной академии им. М. В. Фрунзе) сделаны выписки по темам: «Командование корпусного и дивизионного звена советских Вооруженных Сил» и «Руководящий политический состав» в период сражения за Сталинград [28, 29]. Перечислены 24 генерала – участники Сталинградской битвы, погибшие во время Великой Отечественной войны [29]. Отдельно просматривались личные дела генералов П. И. Бодина, Я. И. Броуда, В. А. Глазкова, В. Г. Корнилова-Другова, Я. К. Кулиева, Г. Д. Стельмаха погибших под Сталинградом. Об обстоятельствах гибели генерал-майора Василия Андреевича Глазкова зафиксирована информация из политдонесения политотдела 35 гв. стрелковой дивизии: «8 сентября 1942 г. в 4:30 утра началась танковая атака гитлеровцев в районе пригорода Минина. Тяжело ранен командир дивизии генерал-майор Глазков. Эвакуация Глазкова была крайне затруднена. Подана конная подвода, но лошади были убиты. Затем подали автомашину. И когда в нее был положен Глазков, машина подверглась бомбардировке с воздуха и ружейно-пулеметному огню. В результате убиты Глазков, шофер и 4 красноармейца, сопровождавшие Глазкова. Тело его вывезено на левый берег Волги и похоронено со всеми почестями в Средней Ахтубе» [11].

Большой объем информации в записях И.М. Логинова по теме «Уличные бои в Сталинграде». Проанализированы документы 62 [14], 64 [13], 21 [15], 57 [15] армий; 13 гв. [14, 15, 17], 35 гв. [17], 36 гв. [20], 37 гв. [17], 39 гв. [17], 45 [17], 95 [17], 112 [18], 138 [18], 193 [18], 204 [20], 244 [18; 8, л.65], 284 [18], 308 [18], 399 [18] стрелковых дивизий;

23 танкового [20; 8, л. 61–62] и 7 стрелкового [20] корпусов; 6 гв. танковой бригады [20]; 20 мотострелковой [20], 20 истребительной [20], 154 морской [20], 92 [20] и 115 [20; 8, л. 63–64] отдельных стрелковой бригад и др. В рабочих тетрадях читаем о памятных эпизодах, увековеченных в нашей экспозиции – в описании боевых действий 160-й отдельной стрелковой бригады – о боях за сталинградский элеватор в сентябре 1942 г. [14], в журнале боевых действий 650-го стрелкового полка 138-й стрелковой дивизии – о воинах батальона связи с позывным «Ролик», сражавшихся на Нижнем поселке завода «Баррикады» [15]; в материалах 42 гв. стрелкового полка 13 гв. стрелковой дивизии – о героической обороне Дома Павлова [14]. Установлены и некоторые малоизвестные факты – из Краткой справки о боевых действиях 308-й стрелковой дивизии сделана выписка об оборудовании противотанкового района в саду Аэропортовский – в октябре 1942 г. здесь были созданы минные поля заграждений из мин и бутылок с жидкостью «КС»: «Бутылки на таких полях укладывались в 10 рядов шахматным порядком. Требуется 400–500 бутылок. 8 октября 1942 г. до двух рот пехоты противника с 5 танками перешли в атаку. Передний танк выехал на поле и раздавил несколько бутылок. Мокрые комья земли с горящей жидкостью попали в танк, следующий сзади. Оба танка загорелись, сидевшие на танках автоматчики стали прыгать и загорались. Пламя перенеслось на уцелевшие бутылки. Создался мощный огневой забор высотой местами до 5–7 м. В результате противник потерял 3 танка, 25 убитыми, 35 сожженными» [18].

В 1964 г. И. М. Логинов приступил к работе с наградными листами участников Сталинградской битвы – Героев Советского Союза, удостоенных этого звания за боевое отличие в операциях Великой Отечественной войны, а также наших земляков – Героев Советского Союза [21; 23; 24]. Интересно, что Василий Иванович Чуйков, в период Сталинградской битвы – генерал-лейтенант, командующий 62 армией, сыгравшей ключевую роль в обороне Сталинграда, стал Героем Советского Союза дважды, но оба раза не за Сталинградскую битву, а за овладение г. Никополь (Указ Президиума ВС СССР март 1944 г.) и за овладение городами Лодзь и Познань (Указ Президиума ВС СССР апрель 1945 г.) [21]. Иван Максимович в своих рабочих тетрадях в разные годы упоминает Героя Советского Союза Рубена Руиса Ибаррури, гв. капитана, командира пулеметной роты 35 гв. стрелковой дивизии [11; 32]. Зафиксирован фрагмент специального секретного политдонесения начальнику Главного Политуправления РККА из Политуправления Юго-Восточного фронта о том, что в 55 эвакуационный пункт в Средней Ахтубе поступил сын Долорес Ибаррури Рубен. Диагноз – сквозное пулевое ранение грудной клетки с контузией спинного мозга, перелом 8 ребер, открытый пневмоторакс, бронхо-пневмония. Обозначены реанимационные мероприятия, решение консилиума врачей о нетранспортабельности

больного. 3 сентября 1942 г. в 6 час. 15 мин. он скончался, похоронен на месте согласно распоряжению Главвоенсанпура [32].

В записях Ивана Максимовича приводятся сведения о партийно-политической работе в частях, росте рядов партийных и комсомольских организаций на фронтах [9, л. 62–63]. Имеются многочисленные свидетельства о героических действиях в бою коммунистов и комсомольцев – о коммунисте М. П. Хвастанцеве, вступившем в противоборство с вражескими танками и погибшем в августе 1942 г. [15], о комсомольцах А. Покальчуке и П. Гутченко, закрывших своими телами амбразуру дзота [15], о комсомольце Василии Хохлове, который во время контратаки погиб, прикрыв собой командира [18], о комсомольце Сазонове, прорвавшемся из окружения со знаменем полка [18] и др. В 1955 г. И. М. Логиновым была обнаружена в архиве фотокопия партийного билета, который принадлежал Василию Прокопьевичу Саяпину, погибшему под Сталинградом в августе 1942 г. Билет пробит вражеской пулей [11]. Документ зарисован И. М. Логиновым, запланировано поискать оригинал и материалы о В. П. Саяпине в документах 112-й стрелковой дивизии [12].

Характер уличных боев в Сталинграде предопределил применение снайперского огня в качестве самостоятельной огневой силы в истреблении гитлеровцев. В ЦАМО И. М. Логиновым изучались документы о развитии снайперского движения – личные счета мастеров меткого боя, документальные источники о соцсоревновании и слетах снайперов, о снайперах-комсомольцах. В своем отчете о командировке И. М. Логинов пишет о том, что зародилось снайперское движение в октябре 1942 г. Связной 284-й стрелковой дивизии 62-й армии А. Калентьев со снайперской винтовкой взобрался на паровоз, выбрал там удачную огневую позицию и убил двух гитлеровцев. В тот же день политотдел передал об этом во все подразделения. Пример Калентьева воодушевил многих бойцов. Через месяц только в 1047 стрелковом полку дивизии насчитывалось 16 снайперов [8, л. 68]. В 65-й армии в октябре 1942 г. первенство в соцсоревновании занимало снайперское отделение младшего лейтенанта Фролова из 117-го стрелкового полка 23-й стрелковой дивизии. Самые результативные снайперы – Грызлов Фролов, Едемский [27]. В 62-й армии 340 снайперов к 7 ноября 1942 г. истребили 6 400 гитлеровцев [27]. В тетради № 30 И. М. Логиновым упомянут протокол слета снайперов 15-й гв. стрелковой дивизии 57-й армии, состоявшегося 15 декабря 1942 г., на котором Николай Ильин рассказал о том, как он стал снайпером. Приводятся выписки из его личного дела. В газете «Сталинский воин» 14 апреля 1943 г. опубликована статья Героя Советского Союза Н. Ильина «Я убил 340 немцев» [16].

Из материалов Политуправлений фронтов Иван Максимович зафиксировал сведения о проведении агитационных мероприятий в войсках противника с целью принуждения его к капитуляции в период

контрнаступления под Сталинградом. За 6 дней наступления Красной Армии в районе Среднего Дона (15–22 декабря 1942 г.) сдались в плен около 40 000 итальянских и немецких военнослужащих. 24 декабря, когда остатки итальянских частей обратились в бегство, была напечатана листовка: «Итальянцы! Куда вы бежите? От Дона до Италии 4 000 км – вам туда не добежать» [31]. В 1 гв. армии выпустили Памятку «10 фраз на итальянском языке» в русской транскрипции, которая использовалась при пленении противника. В декабрьское наступление напечатано листовок тиражом 2 840 000 экз. Они распространялись авиацией, коробчатым змеем, окопными громкоговорящими установками, а также передавались рупористами [32].

И. М. Логинова интересовали и подробности пленения 31 января 1943 г. штаба и командующего 6 немецкой армией генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса. По этой теме он изучал и конспектировал материалы оперотдела 64-й армии [13]. Из отчетного доклада о действиях 64-й армии по разгрому окруженной в Сталинграде группировки противника приводится информация о 9-и плененных в период с 10 января по 2 февраля 1943 г. генералов немецкой и румынской армий [13].

Выписки Ивана Максимовича в рабочих тетрадях зачастую сопровождалась ссылками на публикации в красноармейских газетах. В ЦАМО ему выдавали для работы фронтовые и армейские газеты, издававшиеся под Сталинградом в 1942–1943 гг. Выявлено более 30-и наименований газет, выходивших в частях и соединениях трех фронтов, зафиксированы наиболее интересные по своему содержанию выпуски газет и темы отдельных публикаций [11; 16; 20; 32; 34].

Результаты архивных изысканий И. М. Логинова в обозначенный период являлись весьма актуальными, ведь музей стал обладателем той информации, в которой сотрудники остро нуждались и которую могли использовать как базовую, ссылаясь на изученные документальные источники, вводить их в научный оборот в рамках своих исследовательских тем. Иван Максимович впоследствии много встречался с ветеранами Сталинградской битвы, с родственниками погибших, чьи судьбы ему удалось установить в период архивных командировок – И. Ф. Афанасьева, Ф. М. Ильченко, Н. Д. Дятленко, В. А. Глазкова, Е. П. Дранищева, продолжая собирать их личные принадлежности с целью экспонирования в музее. Архивные выписки использовались И. М. Логиновым при подготовке к изданию книг «Ополченцы в боях за родной город» и «Подвиг Сталинграда», многочисленных статей в периодике. Лишь в 1968 г. во 2-м издании монографии А. М. Самсонова «Сталинградская битва» были опубликованы приложения с данными о фронтах, армиях, корпусах и дивизиях в Сталинградской битве [38, л. 525–545]. А музей Обороны уже в 1960 г. располагал Перечнем общевойсковых дивизий с указанием стрелковых и артиллерийских полков в составе данных дивизий [7, л. 288–302], а в 1965 г. – Перечнем почтово-

полевых станций, обслуживающих стрелковые, кавалерийские, артиллерийские дивизии в период битвы за Сталинград [25]. В научном архиве музея хранятся авторские материалы И. М. Логинова и машинописные копии тех документов, которые он заказывал в ЦАМО для копирования.

Судьба так распорядилась, что, простой крестьянский парень, сирота и беспризорник, благодаря своей целеустремленности, пытливости ума и работоспособности, всецело реализовал себя в профессии, увековечив свое имя в музейной летописи. А мы ежедневно рассказываем нашим посетителям ту историю, изучению которой он посвятил долгие годы своей жизни, донося ее им правдиво и объективно.

Источники и литература

1. Государственный историко-мемориальный Музей-заповедник «Сталинградская битва» (далее – МЗСБ). НВФ 10987. Личное дело И. М. Логинова.
2. Музей: история и современность: Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию музея. Волгоград, 1997.
3. Кузина О.В. Из архивного фонда документации по истории музея – планы и отчеты о командировках Ивана Максимовича Логинова, заведующего отделом «Сталинградская битва» // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: IV международная научно-практическая конференция (2022; Волгоград): [материалы]. Волгоград, 2022.
4. Инвентарная книга учета библиотечного фонда № 2.
5. Архив МЗСБ. Ф. 3 Оп. 44. Д. 1.
6. Архив МЗСБ. Ф. 3. Оп. 44. Д. 2.
7. Архив МЗСБ. Ф. 3. Оп. 44. Д. 3.
8. Архив МЗСБ. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4.
9. Архив МЗСБ. Ф. 3. Оп. 44. Д. 5.
10. Ларин Л.Я. Собиратель // Вечерний Волгоград. 1997. 23 дек.
11. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 20.
12. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 51.
13. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 21.
14. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 22.
15. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 26.
16. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 30.
17. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 27.
18. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 31.
19. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 52.
20. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 33.
21. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 28.
22. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 53.
23. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 54.
24. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 55.
25. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 37.
26. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 56.
27. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 32.
28. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 34.
29. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 35.

30. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 57.
31. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 58.
32. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 59.
33. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 70.
34. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 71.
35. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 69.
36. МЗСБ. Рабочая тетрадь И. М. Логинова № 72.
37. Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: II международная научно-практическая конференция (2020; Волгоград): [материалы]. Волгоград, 2020.
38. Самсонов А.М. Сталинградская битва. М., 1968.

Н. У. Бебялов

Московский областной архивный центр

**ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕТСКОГО ОТДЫХА
В ПИОНЕРСКИХ ЛАГЕРЯХ В 1950-х – 1960-х гг.
В ДОКУМЕНТАХ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО
АРХИВНОГО ЦЕНТРА**

Аннотация. В статье представлена тема организации детского отдыха в СССР в пионерских лагерях в 1950-х – 1960-х гг. Рассмотрены вопросы истории возникновения пионерских лагерей, масштабы их развития, раскрыты концепция и принципы организации коллективного детского отдыха в советских пионерских лагерях. В статье подробно отражены элементы общественной, трудовой, спортивной и культурной жизни детей, способствующие их оздоровлению. Представлены материалы архивного фонда МОАЦ, раскрывающие специфику пионерских лагерей, как детского оздоровительного отдыха, так и воспитательной организации.

Ключевые слова: лагерь; отдых; пионерский; МОАЦ; отряд; спорт; кружок.

Первые детские лагеря для организованного отдыха в Советской России появились в 1922 г. после создания всесоюзной детской пионерской организации. Лагеря, соответственно, стали называться пионерскими. Городских детей вывозили в сельскую местность, разбивали лагеря, жили дети в палатках. Лагеря организовывались по образцу американских и английских бойскаутских лагерей с их традиционными атрибутами. Для Советской страны нужна была новая концепция лагерей, и не только в организации детского досуга с новой пионерской символикой и атрибутикой, но и создание системы массового оздоровительного отдыха детей – будущих строителей коммунизма. Принципы организации пионерских лагерей были разработаны научной группой во главе с заместителем Наркома здравоохранения, председателем Общества Красного Креста РСФСР Зиновием Петровичем Соловьёвым.

Его концепция организации детского летнего отдыха заключалась в том, чтобы вся жизнь в лагере – общественная, трудовая, спортивная, культурная – способствовала оздоровлению детей. З. П. Соловьёв создал новый тип лагеря, главной задачей которого было вернуть домой более здорового и окрепшего ребенка. В 1924 г. им была создана «Служба здоровья юных пионеров», которая включала в себя 290 различных учреждений, где проводились медицинские обследования и лечение детей. Зиновий Петрович был одним из создателей пионерского лагеря «Артек» в Крыму и ряда других детских оздоровительных учреждений. Организация полноценных пионерских лагерей требовала больших финансовых вложений, и только крупные предприятия могли выделять средства на их создание. В 1930-е гг. пионерские лагеря для своих детей создавались промышленными предприятиями угольной и металлургической промышленности Урала, Донбасса.

После Великой Отечественной войны началось массовое создание пионерских лагерей. За очень короткий период, то есть за 7 лет после войны, когда в стране была разруха, не хватало всего, были восстановлены и заново построены детские пионерские лагеря. В 1950-е – 1960-е гг. массово создавалась инфраструктура лагерей: строились спальные корпуса, столовые, спортивные объекты, площадки, сцены для проведения культурно-массовых мероприятий. Выделялись необходимые финансовые средства для повсеместной организации пионерских лагерей – практически при всех предприятиях, колхозах и совхозах. Родители, имевшие ребенка в возрасте 7–15 лет, получали на предприятии профсоюзную путевку в пионерский лагерь. Путевки выделялись всем желающим сотрудникам для их детей. Стоимость путевки на 21 день составляла 9–12 рублей (1960-е – 1970-е гг.), это 10 % от ее общей стоимости, остальное оплачивал профсоюз. А в некоторых колхозах родителям достаточно было сдать государству только десяток яиц сверх обычной нормы, и ребенок мог ехать в лагерь. Создавались также городские пионерские лагеря при школах для детей, по разным причинам оставшихся на каникулы в городах. В будни, когда родители на работе, дети могли проводить свой досуг в этих лагерях, общаясь, занимаясь в кружках, в спортивных секциях. Там же их кормили завтраком и обедом, а вечером дети возвращались домой. Были и лагеря, которые располагались на побережье теплого моря. Считалось большой удачей попасть туда. Самыми крупными, всесоюзного масштаба были «Артек», «Орленок», «Океан». «Артек» открылся в 1925 г. на южном берегу Крыма в поселке Гурзуф. В начале 1960-х гг. на берегу Черного моря недалеко от г. Туапсе был открыт Всероссийский пионерский лагерь «Орленок». Позже, в 1970-х годах на берегу Тихого океана построили лагерь «Океан», расположенный в 35 км от г. Владивостока. «Артек» – первый и самый знаменитый пионерский лагерь СССР, визитная карточка пионерской организации страны. Получить путевку в «Артек» было очень престижно и считалось наградой за отличную учебу, активную

общественную работу. Лагерь был международным, отдыхали в нем также ребята из стран соц. лагеря. Почетными гостями «Артека» в разные годы были Леонид Брежнев, Юрий Гагарин, Индира Ганди, Урхо Кекконен, Никита Хрущёв, Джавахарлал Неру, Отто Шмидт, Хо Ши Мин, Бенджамин Спок, Михаил Таль, Валентина Терешкова, Лев Яшин.

К 1970-м гг. количество пионерских лагерей в стране приближалось к 40 тысячам. Каждый год в них отдыхало около 9 млн детей. Это была целая страна «Пионерия». Вся страна была охвачена сетью пионерских лагерей. Нигде в мире такого не было, чтобы детский отдых столь массово был организован, доступен и, главное, стал желанным для самой детворы. Это одно из основных достижений советской страны, государственной политики, профсоюзного движения.

В фондах МОАЦ есть документы, фотоальбомы, детские дневники из пионерских лагерей Подмосковья 1950-х – 1960-х гг., отражающие жизнь детей, организацию их отдыха, работу персонала. Были обнаружены отчеты, составленные руководством лагерей по окончании сезона для передачи в вышестоящие контрольные организации. Отчеты большей частью имели типовую форму, где в обязательном порядке должны быть отражены следующие виды работ персонала и жизнедеятельности лагеря:

- общая организация лагеря;
- организация питания;
- материально-техническое обеспечение;
- организация оздоровительных, спортивных, туристических мероприятий;
- организация общественно-полезного труда детей;
- кружковая, натуралистическая, экскурсионная работа;
- политико-воспитательная работа;
- работа медперсонала;
- недостатки, планы и мероприятия по улучшению работы лагеря.

Отчеты показывают, что организация пионерских лагерей была построена в соответствии с разработанными «Санитарно-гигиеническими правилами и нормами устройства, содержания и организации режима детских пионерских лагерей», утвержденными Главным Государственным санитарным врачом СССР. Эти правила были введены на всей территории СССР. До выезда детей в пионерский лагерь специальная комиссия проверяла готовность лагеря с подписанием акта приемки. Комиссия состояла из ответственных работников служб надзора, профсоюзной и хозяйственной организаций, начальника и главного врача лагеря. Повышенные требования безопасности предъявлялись к организации места размещения и проживания детей, к сооружениям культурно-массового, физкультурно-оздоровительного, административного, технического, хозяйственного назначения, бытового обслуживания технических и жилых помещений. Так лагерь должен

иметь самостоятельный земельный участок, позволяющий создать благоприятные условия для отдыха и оздоровления детей. Помещения проживания должны размещаться в отдельных зданиях или отдельных частях здания и должны быть не выше двух этажей с учетом поотрядного расселения детей и удобного размещения отрядов. Лагеря должны быть обеспечены доброкачественной питьевой водой в соответствии с ГОСТом питьевой воды. Были даже требования к месту купания детей в естественных водоемах. Один из пунктов «Санитарных правил устройства, содержания и организации режима пионерских лагерей» от 30 сентября 1965 г. № 1355-65 гласит: «Пляж и берег у места купания должны быть отлогими, без обрывов и ям. Пляж должен иметь хорошо открытые для солнца площадки, защищенные от ветра. Не допускается устройство пляжей на глинистых участках. На берегу необходимо было оборудовать навесы от солнца, установить окрашенные топчаны и скамейки. На пляжах должен быть предусмотрен пункт медицинской помощи. В период купального сезона вода водоема подвергается химико-бактериологическому исследованию». Реализация этих правил видна в отчете по работе в пионерлагере «Зеленый Шум» Серпуховского района Подмосковья «Центроэнергочермета» 1952 г.: «Большая работа была проделана по оборудованию на реке Ока купальни для ребят. Для малышей была сделана купальня со сплошным деревянным полом и оградой 10х8 и укрепленная на столбиках в 5–15 метрах от берега в течение реки. Для старших пионеров был устроен бон с двумя тумбочками для прыжков в воду и ограда 20х25 м для купанья вблизи берега. Купальня для малышей разборная и сохраняется на следующие годы. В установке купальни и оборудования бона большую помощь оказали комсомольцы п/лагеря» [1, л. 3].

В штат персонала пионерского лагеря входили администрация во главе с начальником лагеря, воспитатели, вожатые, медики, хозяйственный отдел и другие службы. Большинство сотрудников лагеря имели опыт работы с детьми, а на должности воспитателей подбирались педагоги из школ. Подготовка лагеря к эксплуатации и комплектация штата завершалась к началу летнего сезона. Проводилось постоянное наблюдение за санитарным состоянием палат, кухни, столовой, уборных, территории лагеря. Медперсоналом пионерского лагеря проводились беседы на санитарно-профилактические темы среди детей и обслуживающего персонала, осуществлялся профилактический осмотр всех ребят. Из отчета: «В течение 40 дней дети были вымыты в бане 4 раза. Проводилась обработка волос головы против завшивленности с последующим мытьем в бане. Постельное белье и полотенца менялись через 10 дней» [2, л. 21].

Питание в большинстве лагерей было очень калорийным 3 500–3 800 ккал в день, но, с точки зрения ребенка, не очень вкусным. Меню составлялось, исходя из медицинских показаний правильного питания (см.

таблицу № 1). Детей взвешивали в начале и по окончании смены. Следили за прибавкой в весе и повышением гемоглобина. Дети в лагерь ехали поправляться и в отчетах обязательно отмечали привес – главный критерий летнего отдыха ребенка в те годы. «Все дети хорошо отдохнули и поправились в среднем на 1,2 кг. Отдельные дети поправились от 2–4 кг, как например Капкаева – 4 кг, Крюкова – 2,5 кг и др.» – из отчета о работе пионерского лагеря Братцевской базы «Заготзерно» за лето 1955 г. [2, л 2].

Таблица № 1

Пример меню в пионерлагере Снигеревского огнеупорного завода
Московской области [3, л 21–22]

<u>Меню 21 июля 1952 г.</u>	<u>Меню 30 июля 1952 г.</u>
<u>Завтрак:</u> Салат со сметаной Каша пшеничная молочная Хлеб с маслом Какао	<u>Завтрак:</u> Каша рисовая с маслом Яйцо Хлеб с маслом и сыром. Чай сладкий
<u>Обед:</u> Суп рисовый с маслом Творожники со сметаной Компот	<u>Обед:</u> Суп картофельный на мясном бульоне Рожки отварные с куриным мясом Кисель
<u>Полдник:</u> Чай сладкий с печеньем	<u>Полдник:</u> Молоко, сдоба
<u>Ужин:</u> Картофель отварной со сметаной и огурцами Пирожки с повидлом	<u>Ужин:</u> Каша гречневая с маслом Творог с сахаром Чай с конфетами

Пионерские лагеря обычно работали летом. Дети по возрасту разбивались на отряды, которыми руководили вожатые – молодые сотрудники предприятий и организаций или студенты. 1-й отряд был самым старшим, затем шли 2-й, 3-й и т. д. По временным периодам в лагере были, так называемые, смены, их было три, примерно по три недели каждая. Первая смена обычно начиналась в первых числах июня. Сначала родители получали путевку в профкоме, затем вели своих чад на медосмотр в школу или в поликлинику по месту жительства, где получали справку о допуске на отдых в пионерском лагере. В день отъезда дети в парадной пионерской форме с родителями должны были прибыть к месту сбора, где их ждала колонна автобусов с машинами сопровождения. Обычно ехать до лагеря от места сбора час–два. У ребенка был чемодан с вещами, на котором была наклейка с указанием имени, фамилии и номера отряда. В чемодане была

одежда, на каждую обязательно пришивали метку с фамилией ребенка. Это несколько рубашек, футболок, маек, спортивный костюм, куртка, трусы, носки, кеды, средства гигиены, и, конечно, непортящиеся сладости – конфеты, сушки, печеньки и т. п. После погрузки детей в автобусы под музыку пионерского марша со слезами на глазах дети прощались с родителями на долгие три недели, это если ребенок отправлялся на одну смену, а некоторых детей любящие родители отправляли на 2 и на 3 смены.

По прибытии в лагерь детей собирали по отрядам и вели в корпуса с палатами, отдельно для мальчиков и девочек. Обычно в палате было 10–12 человек, где дети занимали свои спальные места – железные кровати с тумбочками. В первые три дня все прибывшие должны пройти в санчасти медосмотр. Там заводилась на каждого ребенка медицинская карточка, записывали общее состояние здоровья, рост, вес, отмечали детей с ослабленным здоровьем или хроническими заболеваниями, а в конце смены процедура повторялась для получения результатов оздоровления детей. Чемоданы забирались в камеру хранения, которая открывалась на один час раз в день, когда можно было забрать из чемодана что ему нужно и переложить к себе в тумбочку. Кровати обязательно должны быть заправлены, тумбочки периодически проверялись на предмет гигиены.

Начальник лагеря проводил первую торжественная линейку, посвященную началу смены, и начиналась жизнь строго по расписанию, что, естественно, нравилось не всем детям. Мало свободного времени, хождение строем, замуштрованность и политизированность мероприятий были главными причинами отказа особо свободолюбивых детей ехать в пионерские лагеря. Распорядок дня во всех лагерях был, примерно, одинаковый (см. таблица № 2). Небольшие, но важные отличия имелись, например, подъем в 7:00, или в 7:30, или 8:00. В назначенный администрацией день, в воскресенье могли приезжать соскучившиеся родители – это был, так называемый родительский день. Привозили вкусности, фрукты, ягоды, газировку, нужные вещи. Общение начиналось после завтрака и продолжалось до 18 часов.

Таблица № 2

Примерный распорядок дня в пионерском лагере

Подъем	7:00	
Зарядка	7:05	7:20
Уборка постелей, водные процедуры	7:20	7:50
Утренняя линейка, подъем флага	7:50	8:00
Завтрак	8:00	8:30
Работа отрядов, кружков	8:30	11:30
Солнечные ванны, купание	11:30	13:00
Свободное время	13:00	13:30
Обед	13:30	14:00
Послеобеденный отдых	14:00	15:30
Полдник	15:30	16:00
Свободное время	16:00	17:00

Общественно-полезная работа	17:00	18:30
Свободное время	18:30	19:30
Ужин	19:30	20:00
Массовая работа (занятия кружков, вечера самодельности, костры)	20:00	21:30
Линейка, спуск флага	21:30	21:45
Приготовление ко сну	21:45	22:00
Сон	22:00	

В список обязательной деятельности пионера входил общественно-полезный труд: пионеры были дежурными отряда по лагерю, какие-то отряды занималась уборкой территории, другие работали в столовой: нарезали хлеб, разливали компот, накрывали столы, убирали грязную посуду, подметали полы. Вот как отражены реальные дела пионеров в одном из отчетов по итогам работы лагеря, найденных в архиве: «Руками ребят в течение лета проведена внутренняя телефонизация лагеря, установлены коммутатор и 10 телефонных аппаратов в различных уголках лагеря. Большую помощь ребята оказали в оборудовании игровой площадки для малышей: карусели с электроприводом, различных качалок. Самостоятельно ребята реконструировали зооуголок, сделали 6 новых клеток, расширили территорию и обнесли зооуголок новым забором. В лагере ребята оборудовали аллею «Законов юных пионеров», «Аллею правил октябрят». «Комсомольский сквер» украсили красочными стендами с орденами, которыми награжден комсомол» [4, л. 2]. Для помощи ближайшим колхозам и совхозам пионеров нередко отправляли туда на прополку, полив или сбор урожая.

В лагерях работали кружки по интересам: хоровой, хореографический, драматический, литературный, рукоделия, лепки, кройки и шитья, рисунок, выжигание, фото и др. Руководили кружками опытные педагоги или вожатые. В конце смены оформлялись стенды детского творчества, на которых экспонировались лучшие работы. В каждом лагере обязательно была библиотека, литература выдавалась с учетом возрастных особенностей. Затем в отрядах проводились конференции по прочитанной литературе. Почти во всех лагерях проводился праздник песни, собиралось много гостей: родителей, администрация лагеря, представители шефских организаций. Красочно оформлялась сцена. Каждый отряд исполнял песню, инсценируя ее. За лучшее исполнение и оформление песни отряду присуждался приз, а победителям конкурса вручались сладости. Проводился также конкурс на лучшего чтеца, певца, танцора, на лучшее исполнение бального танца с вручением призов. Дети очень любили кинофильмы, поэтому в лагере каждую смену показывали 5–6 детских фильмов, чаще всего кино показывали в ненастную погоду. Большой популярностью у ребят пользовались отрядные костры с печеной картошкой, играми, беседами.

Отмечались дни рождения детей – торжественно поздравляли на линейке с вручением памятного подарка.

Натуралистическая работа в лагере проводилась на сельскохозяйственных участках, зооуголках, на территории. Ребята выращивали морковь, лук, редьку, помидоры, горох, чечевицу, редиску. В одном из отчетов отмечается достижения детей в выращивании овощей: «В лагере был возделан огород пл. 30 соток в мае месяце и на нем было посажено: морковь, лук, редис, салат, укроп, редька, огурцы, репа, кабачки, тыква, помидоры, кукуруза, подсолнухи, горох, капуста. Благодаря хорошему уходу за огородом со стороны пионеров, огород прекрасно разросся и обеспечивал дополнительно овощами столовую. Так в течение второй и третьей смен пионерская столовая исключительно снабжалась огурцами, кабачками и морковью с лагерного огорода» [1, л. 12]. В прогулках по лесу, в поле, на лугу ребята изучали виды растительности, условия их жизни. Делали гербарии, собирали коллекции бабочек. Проводились экскурсии в совхозы, колхозы. Дети изучали сельское хозяйство, знакомились с работой сельхозмашин, условиями выращивания овощей, картофеля, злаковых. Кроме того натуралистическая работа проводилась и на всей территории лагеря, ребята регулярно поливали цветы, деревья, окучивали их, пропалывали. Организовывались живые уголки, в которых юннаты ухаживали за кроликами, ежами, черепахами, зайцами, ужами, ящерицами, птицами, аквариумными рыбами. Ребята занимались сбором и сдачей в аптеку лекарственных трав: тысячелистника, липового цвета, зверобоя и др.

Оздоровительные и спортивные мероприятия в пионерском лагере занимали ведущие места. Ежедневно под контролем медперсонала проводилась утренняя зарядка. Все упражнения физзарядки давались с учетом возраста ребят. Кроме физзарядки дети ежедневно совершали прогулки в лес, на луга, на водоем или реку, где проводились закаливающие мероприятия: воздушные и солнечные ванны, купание. Экскурсии, походы, проводились с участием медперсонала лагеря: врача или медсестры. В лагерях работали спортивные секции: легкоатлетическая, волейбольная, футбольная, настольного тенниса, городошная, баскетбольная, стрелковая, бильярдная, шахматно-шашечная, велосипедная и др. По всем видам спорта разыгрывались личные и командные первенства, проводились отрядные и лагерные спартакиады. Особое значение в воспитании у ребят силы, выносливости, оказали походы. В походе ребята получили навыки туристической жизни: разжигать костер, варить пищу, ориентироваться на местности, строить шалаши, уметь ходить на большие расстояния. В некоторых лагерях практиковались утренние поездки на рыбалку, по грибы. Спортивная жизнь лагеря отражалась на специальном стенде «Спортивная жизнь лагеря». На итоговой линейке в конце смены победители соревнований награждались грамотами, медалями, призами. В каждом пионерском лагере проводилась военно-патриотическая игра

«Зарница». Если сценарий и организация этой игры носили неформальный характер, то это было настоящее приключение, похожее на современный квест.

Политико-воспитательная работа среди ребят проводилась в различных формах: беседы у костра, встречи, со знаменитыми людьми, читка газет, кино и т. д. Воспитатели рассказывали детям о стране, о героическом прошлом советского народа, о героях революций, Отечественной войны, о международном значении нашей страны, о советских людях. Ребята из младших отрядов слушали рассказы вожатых о дружбе, товариществе, о моральном облике советского человека. Во всех отрядах регулярно проводились политинформации, читались газеты «Пионерская правда», «Комсомольская правда», журналы: «Пионер», «Мурзилка», «Смена», «Юный техник». Пионерские лагеря стали частью общей идеологии воспитания нового советского человека. Хорошо настроенная система организации пионерского движения даже в период школьных каникул посредством сети пионерских лагерей не упускала возможности управления этой массой подрастающих строителей коммунизма. Атрибутика пионерской жизни – флаг, барабан, горн, галстук – носили идеологический характер. Под барабанную дробь на торжественной линейке выносили знамя, проводили смотры, парады. Горнисты подавали сигналы к побудке, отбою, обеду. На утренней линейке под звуки горна и барабана поднимался пионерский флаг, вечером, также на линейке – опускался. Эта процедура проводилась ежедневно. Главным атрибутом пионерии был галстук – красный треугольник ткани, который считался кусочком знамени и повязывался строго определенным образом на шее пионера. Галстук считался обязательной деталью одежды пионера. Все торжественные мероприятия сопровождалось пионерским приветственным салютом – это поднятие согнутой в локте правой руки с выпрямленной ладонью перед собой чуть выше лба. Это было сродни отдаче воинской чести, а рука выше лба – означала, что общественные интересы у пионера выше личных.

Под лозунгом «Никто не забыт и ничто не забыто» формировались поисковые пионерские отряды, искали захоронения и пропавших без вести во время боев Великой Отечественной войны. Благодаря таким отрядам устанавливали имена героев и на месте их гибели воздвигали памятники. Ездили на экскурсии к памятным местам прошедшей войны, посещали Подмосковные музеи-усадьбы известных писателей, поэтов, художников. В «Дневнике-альбоме интересных дел п/лагеря «Доброе» совхоза им. Горького. Лето 1960» читаем отзыв пионера Анохина Вовы: «В Абрамцево пошел 3 и 2 отряды. Путь наш лежал от ст. Пушкино-Абрамцево-музей. Интересна территория Абрамцева, церковь, избушка на курьих ножках, дом-усадьба, мастерская. В музее нам очень понравилось» [5, л. 9]. В лагерях проводились встречи с известными людьми. В отчете о работе пионерского лагеря месткома Главного управления

государственных материальных резервов за летний период 1958 г. отмечалось: «Была встреча с участником революции 1917 г. в Москве т. А. Г. Ивановым. Весьма интересно прошла встреча ребят с летчиком гражданского флота, участником Отечественной войны, полярным летчиком т. А. С. Полуренко. Ребята очень остались довольны от встречи с мастером спорта по шахматам т. Ватниковым, который в заключении дал сеанс одновременной игры на 15 досках. Пионерка 2 отряда Таня Попова добила лучшего результата в игре с мастером спорта – она сыграла вничью» [6, л. 18]. В этот же лагерь приезжал на встречу с пионерами чемпион мира по шахматам Михаил Ботвинник [7, л. 9]. Приезжали и зарубежные гости, так в отчете о работе пионерского лагеря «Щербинка» Министерства сельского хозяйства СССР летом 1961 г. сказано: «В лагерь приезжал посол Индии и сопровождающие его лица. Всем им повязали галстуки. Дружелюбно ребята приняли и познакомили с лагерем, работой кружков, выставочным залом, где экспонировалось большое количество детских поделок. Состоялся костер “Миру-Мир”. На торжественной линейке дипломаты поблагодарили ребят за их радушный прием и восхищались, как замечательно живут советские пионеры. В заключение встречи ребята показали концерт художественной самодеятельности, на стадионе провели смотр гимнастических отрядных пирамид и ребята сделали надпись “Миру-Мир”, “Да здравствует Индийско-Советская дружба”» [7, л. 9]. Перед отъездом домой, окончание смены и отдыха отмечалось вкусным полдником, давали шоколад, конфеты. Потом был праздник большого пионерского костра с итоговой торжественной частью плавно переходящей в неформальные посиделки вокруг костра с душевными песнями под гитару, трогательным прощанием с лагерем, слезами расставания с вновь приобретенными друзьями и обещаниями друг другу обязательно приехать на следующий год.

Обширная сеть пионерских лагерей, созданная предприятиями и организациями по всей стране, позволяла родителям на время школьных каникул отправлять туда без волнения своих чад. Ребенок не оставался предоставленным самому себе, всегда был под присмотром и проводил досуг в хорошо организованной, здоровой среде с правильным, советским, патриотическим воспитанием. К тому же, родители были довольны, что могут летом отдохнуть от своих детишек. Многие поколения советских людей вспоминали о времени, проведенном в пионерских лагерях, с большой теплотой. Только там, где администрация лагеря подходила к делу формально, когда важны были только внешние атрибуты и отчетность, было действительно скучно и детей тянуло домой. Но таких лагерей было мало, чаще всего воспитатели и вожатые старались создать хорошие условия и доброжелательную атмосферу в лагере.

Источники и литература

1. Московский областной архивный центр (далее – МОАЦ). Ф. 288. Оп. 2. Д. 183.
2. МОАЦ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 323.
3. МОАЦ. Ф. 288. Оп. 2. Д. 162.
4. МОАЦ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 572.
5. МОАЦ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 1081.
6. МОАЦ. Ф. 577. Оп. 1. Д. 676.
7. МОАЦ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 1013.

В. П. Чаплыгин

кандидат исторических наук

Курский государственный университет

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К ПОВЫШЕНИЮ КУЛЬТУРЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (1965–1976 гг.)

Аннотация. Настоящая статья представляет собой краткий обзор исторических исследований, посвященных формированию культурно-досуговых учреждений в Центральном Черноземье в период «развитого социализма» и привлечению кадров для их функционирования.

Ключевые слова: Центральное Черноземье; учреждения культуры; интеллигенция; сельское население; историография.

Проблема повышению культуры сельского населения имеет не только социально-гуманитарное значение, но и экономическое. Так как она тесно связана с эффективностью сельскохозяйственного производства, что приобретает особую актуальность в современных условиях. Так, ООН прогнозирует, что в 2023/2024 годах мир столкнется с угрозой голода. Наиболее остро он по прогнозам специалистов проявится на Африканском континенте. Следовательно, мир ждет череда локальных военных конфликтов, обострение ситуации с нелегальной миграцией и другие негативные последствия. В связи с этим обостряется проблема достижения продовольственной безопасности. Поэтому возрастает актуальность исследования предыдущего исторического опыта проведения модернизации в России. Это имеет не только теоретическое, но и практическое значение для современных процессов. Его изучение дает возможность выстроить правильную стратегию и избежать повторения просчетов прошлого.

С этой точки зрения наиболее интересным является период с 1965 по 1976 г. Именно в эти годы резко возрастает производительность труда в

сельском хозяйстве и урожайность зерновых. В качестве точки отсчета можно взять Мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС. Он занимает особое место в истории реформирования сельского хозяйства страны. На нем впервые был выработан комплексный подход к решению накопившихся проблем в аграрном секторе. Одной из них был низкий профессионально-технический уровень тружеников села. Как правило, раньше в центре внимания исследователей находились вопросы, связанные с анализом экономических, политических, социальных проблем и слабо исследовалась культурная сфера. Она, на наш взгляд, также имеет особое значение. Детальное изучение проблем, связанных с культурой которые, всегда, сохраняя свое значение, приобретают наибольшую остроту в моменты радикальных нововведений, когда в обществе усиливается потребность переосмысления пройденного пути с целью корректировки курса. В этом ряду одно из первых мест занимает проблема культурологического осмысления предполагаемых изменений. Как технократические, экономические, политические решения воспримет общество? Готово ли оно к ним? Данная проблема не является чисто философской. Она позволяет сфокусировать внимание всего общества к поиску решения назревших проблем.

В сегодняшних условиях, когда предпринимаются усилия по достижению продовольственного суверенитета России, особую актуальность приобретает изучение опыта работы государственно-политических организаций с такой частью российской интеллигенции, как сельская. Сам термин «сельская» означает не только территориальный признак размещения, но и подчеркивает целый ряд отличий. Они отражают неодинаковый уровень развития производительных сил города и деревни, наличие существенных социально-экономических и культурно-бытовых различий между ними. В результате – численность сельской интеллигенции отстает от городской, она менее дифференцирована по профессиональным группам, более низким является ее образовательный уровень. Однако интеллигенция села играла и продолжает играть важную роль в повышении общей культуры тружеников деревни. Исследование прошлой практики позволит не только использовать накопленный опыт, но и не повторить ранее допущенных ошибок.

Одним из первых историков, который обратился, к исследованию этого специфического отряда интеллигенции страны был А. И. Сухарев [1]. Он, а затем и другие авторы исследуют многообразную деятельность интеллигенции села по повышению общеобразовательного, профессионально-технического и культурного уровня тружеников деревни [2–9].

По нашему мнению, изучение данной проблематики на материалах отдельных регионов страны происходит явно на недостаточном уровне. К таким регионам мы относим и Центральное Черноземье (далее – ЦЧ). В этом крупном районе Российской Федерации, который объединяет в себе

Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую и Тамбовскую области, исследователи только обращаются к изучению опыта государственно-политических организаций ЦЧ по привлечению интеллигенции к повышению культуры сельского населения

В целом ряде крупных монографических и коллективных работ [10–21] авторы затрагивают те или иные аспекты деятельности сельской интеллигенции ЦЧ. Однако они носят фрагментарный характер, так как исследователи не ставят перед собой эту проблему в качестве основной задачи. Определенный материал по привлечению интеллигенции к повышению культуры села содержится в очерках по истории партийных организаций Центрального Черноземья [22–25].

Исследования деятельности сельской интеллигенции в данный период осуществлялось по нескольким направлениям.

Во-первых, исследователи сосредотачивают внимание на изучении социальных изменений в составе сельского населения региона. Так, члены авторского коллектива монографии «Советская деревня на современном этапе» С. И. Дешков и А. И. Якушев, анализируя происходящие социальные сдвиги на селе, указывают на тенденцию «прогрессирующего размывания социальных различий между колхозниками и представителями сельской интеллигенции» [26, с. 201].

Во-вторых, исследуются источники пополнения этого социального слоя. В 1965–1970 гг. их было два: а) подготовка кадров через систему высшего и среднего специального образования; б) выдвиженчество.

Основные задачи и пути улучшения подготовки специалистов с высшим образованием в вузах ЦЧ в 1966–1970 гг. детально рассмотрены в кандидатской диссертации В. Н. Барсукова [27]. Он одним из первых начал систематическое обобщение деятельности партийных организаций региона в этом направлении [28, с. 3–15; 29, с. 10–22; 30, с. 24–36].

Вопросы совершенствования учебно-воспитательного процесса не только в высших, но и средних специальных учебных заведениях областей ЦЧ рассматриваются также в кандидатских диссертациях И. А. Арепьева [31], А. П. Дрюченко [32], В. Е. Сакулина [33]. Общий обзор развития системы высшего и среднего специального образования региона содержится в статье В. П. Кабанова [34, с. 25–31]. Однако наиболее полно данная проблема исследована профессором А. А. Сойниковым. В своих многочисленных работах он проанализировал систему, структуру, педагогический состав среднего специального образования в областях Центрального Черноземья [35; 36, с. 176–178; 37, с. 175–182; 38; 39; 40].

Другой социальный источник пополнения интеллигенции села – так называемое выдвиженчество, на наш взгляд, незаслуженно обойден вниманием исследователей. А ведь к 1965 г. находились на должностях руководителей колхозов, специалистов сельского хозяйства в ЦЧ, 17 931 практиков, или 65 % [41, л. 291], в совхозах – 5 052 чел., или 44 % [41, л. 207]. И доля практиков в годы восьмой и девятой пятилеток

сокращалась очень медленно. Так, на 1 апреля 1976 г. лица, не имеющие специального образования, занимали в колхозах 40 %, [41, л. 146], а в совхозах 32 % [41, л. 150] всех должностей руководителей и специалистов колхозно-совхозного производства нашего региона. Ученые объясняют выдвигенчество только недостаточным количеством квалифицированных специалистов. На наш взгляд, это правильное, но одностороннее объяснение, которое не учитывает реалии тогдашнего советского общества, которое создавало условия для социального лифта для людей из всех социальных слоев.

Третьим крупным направлением, по которому шло исследование роли интеллигенции на селе, является изучение ее отдельных отрядов.

Углубленно изучается роль и место сельскохозяйственной интеллигенции в поднятии сельского хозяйства региона, раскрывается значение деятельности партийных и других политических организаций по подготовке, расстановке и воспитанию руководящих работников колхозно-совхозного производства, специалистов сельского хозяйства [42, с. 58–71; 43; 44; 45]. Указанные авторы отмечают коренные изменения характера и условий труда на селе, которые происходят за счет увеличения энергомашинновооруженности сельского хозяйства, показывают все возрастающее значение повышения профессионально-технического уровня сельских жителей, обобщают конкретный опыт работы политических организаций в использовании сельской интеллигенции в качестве руководителей кружков механизаторского, агрозооохимвсёобуча, школ передового опыта и других форм повышения профессионального мастерства.

Усложнения решаемых задач на селе, потребовало более тщательного изучения труда сельскохозяйственной интеллигенции. Д. С. Климентов, например, анализируя рабочий день руководителей и специалистов сельского хозяйства приходит к выводу о том, что необходимо избавить их от рутинной работы по заполнению различных бумаг, увеличить эффективность их труда за счет непосредственной работы [46, с. 39]. Однако эти и другие рекомендации по улучшению производства труда руководителей и специалистов сельского хозяйства остались не реализованными.

Обобщенный материал о путях повышения профессионального уровня специалистов и руководителей села содержится в сборнике «Опыт работы по повышению квалификации руководящих кадров и специалистов сельского хозяйства». Он был издан в Воронеже в 1976 г. В обстоятельной диссертации А. В. Струкова [47] приводятся отдельные факты, иллюстрирующие работу местных парторганизаций по привлечению интеллигенции села к пропаганде сельскохозяйственных знаний, опыта передовиков и новаторов, оказанию помощи сельским рационализаторам и изобретателям. Но и в этой кандидатской диссертации раскрытие роли

интеллигенции в поднятии общей культуры тружеников деревни не является основной целью.

Существенный недостаток многих исследований состоит в том, что авторы не всегда объективно оценивали деятельность политических организаций ЦЧ, старались не замечать возникающих трудностей в деле развития сельского хозяйства региона. Исторический процесс ими изображался как цепь непрерывных побед. Особенно ярко эти тенденции стали проявляться в 1970-е – начале 1980-х годов, когда под влиянием не критического отношения к застойным явлениям противоречивый процесс стирания существенных различий между городом и селом не находил адекватного отображения в трудах отечественных историков. Часто в них присутствовала описательность происходящих изменений вместо их всестороннего исследования. Сложнейший процесс поднятия общей культуры тружеников деревни подменялся рассуждениями об уже достигнутом высоком уровне, потоком шло оправдание данной социальной практики вместо ее критического изучения. Повсеместно наблюдалось забегание вперед в оценке достигнутых результатов.

В последние годы появилось немало исследователей о другом многочисленном отряде сельской интеллигенции Центрального Черноземья – учительстве, который, несомненно, играет значимую роль в деле подъема общей культуры тружеников села. Исследователи Г. В. Волошина [48], А. П. Дрюченко [49] на конкретном материале показывают роль политических организаций ЦЧ в деле подготовки, воспитания и закрепления педагогических кадров на селе. Большое внимание они уделяют анализу форм работы партийной, профсоюзной, комсомольской организаций по повышению профессионального и культурного уровня педкадров. Интересный анализ деятельности парторганизаций региона в этом направлении сделал в своей статье И. А. Болотов. Он считает, что они приложили немало усилий в повышении профессиональной квалификации учителей. По его данным, – если всеми формами переподготовки по РСФСР было охвачено 940 тыс. учителей, что составляло примерно 75 % общего состава педагогов, то в Воронежской и Курской областях практически все учителя прошли переподготовку [50, с. 105].

К сожалению, авторы указанных работ ограничиваются лишь периодом восьмой пятилетки, а Г. В. Волошина необоснованно ссужает и географические рамки своего исследования только Белгородской, Воронежской и Курской областями. Мы считаем, что необходимо более полное раскрытие роли учительства в повышении культурного уровня тружеников деревни. Многие исследователи сводят роль сельских педагогов в решении этой проблемы только в осуществлении задач всеобщего среднего образования. А ведь в Воронежской области в 1959 г. по инициативе Россошанского района и правления колхоза «Дружба» появилась такая новая форма обучения сельской молодежи, как учебные

комбинаты. «Учебный комбинат, по мнению Дементьева И.А., включает в себя вечернюю школу сельской молодежи, консультационные пункты общеобразовательных школ, вузов, техникумов, агрозоошколы с отделением полеводства, животноводства, экономики и механизации сельского хозяйства» [51, с. 96]. Уже в 1965 г. в Воронежской области работало 288 учебных комбинатов, в которых без отрыва от производства обучалось 42 тыс. чел. [52, с. 284].

Отдельные аспекты данной проблемы получили свое дальнейшее развитие в работах П. А. Таранникова [53] и М. Ф. Третьякова [54]. Одну из основных причин сокращения сети учебных комбинатов в ЦЧ в конце восьмой и особенно в начале девятой пятилеток М. Ф. Третьяков видит в том, что они сыграли свою роль в быстром обучении сельской молодежи остродефицитным специальностям и утратили свое значение с развитием филиалов профтехучилищ в селах с классами общеобразовательной подготовки [54, с. 32]. П. А. Таранников высказывает мысль о необходимости восстановления работы учебных комбинатов. Мы считаем, что в настоящее время нет необходимости в их возрождении, однако опыт работы учебных комбинатов можно использовать в проведении профессиональной учебы в сельской местности, особенно среди молодежи.

Вопрос о роли интеллигенции в повышении культуры сельского населения самым тесным образом связан с деятельностью другого ее крупного отряда – работников сельских культурно-просветительских учреждений. Значительный вклад в изучении этого отряда сельской интеллигенции внесли И. А. Арепьев [55, с. 15–21; 56, с. 15–21], В. П. Баранов [57; 58, с. 45–51], И. А. Дементьев [26, с. 20–29; 60, с. 29–37], П. И. Кабанов [61; 62].

Анализируя деятельность местных политических организаций И. А. Арепьев указывает не только на количественный рост сети клубных учреждений Министерства культуры в областях Центрального Черноземья, где только за четыре года восьмой пятилетки она увеличилась на 590 единиц, в том числе в сельской местности – на 492 [63, с. 15], но и на улучшение их качественного состава. Если в 1965 г., по его оценке, клубные учреждения Министерства культуры имели 3243 зрительных зала, то в 1969 г. – 3 710, количество мест в залах увеличилось соответственно с 443 457 до 622 753. [63, с. 17]

Острая необходимость в резком расширении материальной базы культпросветучреждений требовала активных целенаправленных действий по их ускоренному строительству. Энергичные меры в разработке этой проблемы предпринял Курский обком КПСС. В 1965–1967 гг., по подсчетам проф. П. И. Кабанова было построено 262 библиотеки, 58 домов культуры и 500 бригадных клубов типа «Спутник», в которых насчитывалось 78 тыс. мест. [61, с. 45] Строительство клубов «Спутник» получило распространение не только в нашем регионе, но и по всей стране. Его проект был выслан в 34 республики и области Советского Союза [61,

с. 34] Успех бригадных клубов типа «Спутник» заключался не только в его низкой сметной стоимости, но и в его возможности многофункционального использования. Ведь сельский клуб, по точному определению П. И. Кабанова, не только массовый, но нередко универсальный тип учреждения культуры, часто совмещающий учебную аудиторию, концертный зал, кинотеатр, лекторий, театр, разнообразные кружки, места отдыха трудящихся и др.» [61, с. 45].

Рассматривая работу сельских культурно-просветительских учреждений в восьмой пятилетки, И. А. Арепьев считает, что в это время был сделан новый шаг к тому, чтобы расширить сферу воспитательного влияния, охватить лекционной работой самые отдаленные населенные пункты. Это достигалось не только открытием бригадных клубов, но и улучшением деятельности автоклубов. По подсчетам автора, «если в 1965 г. в автоклубах областей Центрального Черноземья была прочитана 781 лекция на общественно-политические темы, то в 1970 г. уже 5 825 лекций. Число присутствовавших на них увеличилось с 66,8 тыс. чел. до 493 тысяч» [64, с.11]

Все исследовали, занимающиеся вопросами культурно-массовой работы, единодушны во мнении, что ее размах сдерживался низкой квалификацией кадров культпросветработников. В 1970 году лишь у 20 директоров сельских клубных учреждений системы Министерства культуры СССР нашего региона было высшее специальное образование. Среднее специальное образование имели только 1 401. Около 20 % клубных работников не имели даже общего среднего образования. Однако историки, за исключением И. А. Арепьева, П. И. Кабанова, не дают рекомендаций, как быстро решить эту проблему.

Значительно слабее освещена в научной литературе деятельность политических организаций по руководству культурно-просветительской работой в годы девятой пятилетки. В этот период в народном хозяйстве стали нарастать трудности, значительно снизились темпы экономического роста, что отрицательно сказывалось на всей сфере культуры. Историкам, экономистам, социологам еще предстоит выяснить в какой степени негативные тенденции в экономике отразились на эффективности ведения культурно-просветительской работы в деревне.

Не раскрыта еще полностью специфика деятельности политических организаций по укреплению связи интеллигенции села и культпросветучреждений. Историки в основном в рассматриваемый период сосредотачивали свое внимание на изучении деятельности клубных учреждений села по линии организации лекций, бесед, докладов, различных конференций на социально-политические и другие темы. Значительно слабее изучено другое направление их работы – разнообразные кружки по изучению основ сельскохозяйственного производства, художественной самодеятельности, народного творчества, спортивные, клубы по интересам и т. д. И в этом направлении тоже ярко

проявлялась роль представителей сельской интеллигенции, многие из которых руководили ими на общественных началах. Расширению этой деятельности способствовало создание факультетов общественных профессий (ФОП) в высших и средних учебных заведениях.

Особое значение в раскрытии опыта политических организаций областей Центрального Черноземья по работе с интеллигенцией имеют книги и статьи тогдашних местных партийных, советских, профсоюзных и комсомольских руководителей. В работах секретарей Белгородского обкома КПСС М. П. Трунова [65; 66], Курского – В. Е. Шарова [67, с. 76–97] Липецкого – Г. П. Павлова [68; 69], Тамбовского – О. К. Сазоновой [70; 71] сельских райкомов партии В. И. Клокова [72], В. С. Сяглова [73] и других обобщается практический опыт политической работы с населением, в том числе и с интеллигенцией.

Определенный интерес для исследователей представляют научно-популярные издания, выпущенные Центрально-Черноземным и местными книжными издательствами [74–78]. В них собраны материалы о передовиках, новаторах сельского хозяйства, включая агрономов, зооветспециалистов и других представителей сельскохозяйственной интеллигенции, рассказывается об опыте идеологической работы с различными социальными группами на селе.

Как видно из этого краткого обзора историками Центрального Черноземья проделана значительная работа в раскрытии сложной и многогранной роли местных политических организаций по активизации роли интеллигенции в повышении культуры сельского населения. Однако разработка данной проблемы, сдерживается, отсутствием общепринятого понятийного аппарата. Например, до сих пор нет единого определения дефиниции «интеллигенция». В статистических сборниках не указываются отдельные данные по социальной структуре населения, в том числе и по интеллигенции. В них нет дифференцированных сведений об этом социальном слое, так как он весь охватывается понятием «служащие».

Остро назрела необходимость появления комплексных исследований по истории сельской интеллигенции областей Центрального Черноземья. Определенный фундамент для появления таких работ уже заложен. Так, подробно разработаны в рассматриваемый период вопросы подготовки кадров специалистов через систему высшего и среднего специального образования, деятельность таких отрядов интеллигенции села как сельскохозяйственной, педагогической и культпросветработников. Однако в работах историков региона, рассматривающих эти проблемы, преобладает социологический анализ и количественный подход к выяснению положения и роли сельской интеллигенции. Естественно без социологических и статистических материалов не обойтись, но они не должны быть самоцелью, а призваны помочь исследователям раскрыть вклад интеллигенции села в дело повышения общей культуры тружеников деревни. История интеллигенции неотделима от истории общества. И

попытки отдельных ученых не замечать, игнорировать трудности, с которыми столкнулась наша страна в 1970-е гг., приводит к необъективному показу тех реальных условий, в которых интеллигенции приходилось выполнять свой профессиональный и общественный долг, искажает и качественные изменения, происходившие в среде самой интеллигенции.

Источники и литература

1. Сухарев А.И. Сельская интеллигенция и ее роль в строительстве коммунизма. М., 1963.
2. Беликий П.П. Духовная жизнь современного села. М., 1982.
3. Воронцов А.В. Культурная жизнь современного села. Л., 1982.
4. Кудрина Т.А. Культура современной деревни. М., 1980.
5. Кукса В.Ф. Роль сельской интеллигенции по подъему культуры тружеников деревни в условиях развитого социализма: дис. ...канд. ист. наук. М., 1973.
6. Мамаева К.Е. Сельская интеллигенция и ее роль в ускорении технического прогресса в сельском хозяйстве. М., 1971.
7. Мониц З.И. интеллигенция в структуре сельского населения. Минск, 1971.
8. Недо М.П. Сельская интеллигенция и культурное развитие советской деревни на современном этапе: дис. ...канд. ист. наук. М., 1966.
9. Суздальцев В.П. Развитие сельскохозяйственной интеллигенции в условиях научно-технического прогресса. Пенза, 1974.
10. Авторитет, влияние, ответственность. Воронеж, 1979.
11. Бодренков К.А. Борьба партийных организаций Российской Федерации за подъем колхозного производства республики в условиях развитого социализма (1965–1970). Курск, 1975.
12. Бураков М.Е. партия и творческая активность масс на селе. Воронеж, 1975.
13. Кабанов П.И. Культурные преобразования в Курской области (1917–1967 гг.). Воронеж, 1979.
14. Ленинская программа социалистического преобразования сельского хозяйства современность / под ред. проф. А. В. Лосева. Воронеж, 1979.
15. Лосев А.В., Бураков М.Е. Совершенствование форм и методов партийной работе на селе. (Центр Черноземье). Воронеж, 1970.
16. Лосев А.В., Бураков М.Е., Проскурин А.И. Инициатива, эффективность, качество. Воронеж, 1979.
17. Партийная работа в условиях производственной кооперации на селе. Воронеж, 1979.
18. Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за социалистическое преобразование и развитие сельского хозяйства. 1917–1977 гг. Воронеж, 1970.
19. Попов Г.С., Пастухов И.С. Торжество ленинских идей в деревне. Воронеж, 1979.
20. Торжество ленинского кооперативного плана. Воронеж, 1979.
21. Третьяков М.Ф. Организаторская и идейно-политическая деятельность КПСС по воспитанию у колхозников и рабочих совхозов коммунистического отношения к труду в условиях развитого социализма: (На материалах парт. орг. областей Цетр. Черноземья, Рост. обл., Краснодар. и Ставроп. краев): дис. ...докт. ист. наук. Воронеж, 1966.
22. Очерки истории Воронежской организации КПСС. 2-е изд. перераб. и доп. Воронеж, 1980.
23. Очерки истории курской организации КПСС. Воронеж, 1980.

24. Очерки истории Липецкой организации КПСС. Воронеж, 1980.
25. Очерки истории Тамбовской организации КПСС. 2-е изд. перераб. и доп. Воронеж, 1980.
26. Советская деревня на современном этапе / под общей ред. проф. А.В. Лосева. Воронеж, 1974.
27. Барсуков В.Н. Деятельность КПСС по развитию высшего образования в годы восьмой пятилетки (На материалах Центрального Черноземья): дис. ...канд. ист. наук. Курск, 1977.
28. Барсуков В.Н. О некоторых вопросах идейно-политического воспитания студентов во внеурочное время // Научн. тр. / Т. 42 (135): Вопросы культурного строительства. Курск, 1974.
29. Барсуков В.Н. Роль партийных организаций Центрального Черноземья в профессиональном обучении будущих специалистов с высшим образованием (1965–1970). // Научн. тр. / Т. 208 (135): партийное руководство культурным строительством в Российской Федерации в условиях развитого социализма. Курск, 1980.
30. Барсуков В.Н. Деятельность КПСС по организационному и идейному укреплению партийных организаций высших учебных заведений (1965–1970) (На материалах Центрального Черноземья) // Межвузовский сборник научн. тр.: Партийное руководство народным образованием в условиях совершенствования социалистического общества. (На материалах автономных республик и областей РСФСР). Казань, 1986.
31. Арепьев И.А. Партийное руководство деятельностью культурно-просветительских учреждений села по коммунистическому воспитанию трудящихся (1966–1970 гг.) (На материалах Центрального Черноземья): дис. ...канд. ист. наук. Курск, 1975.
32. Дрюченко А.П. Деятельность партийных организаций областей Центрального Черноземья по профессиональной подготовке и идейно-политическому воспитанию учительских кадров (1966–1970 гг.): дис. ...канд. ист. наук. Воронеж, 1984.
33. Сакулин В.Е. Партийное руководство формированием и воспитанием кадров специалистов сельского хозяйства (1966–1975 гг.): (На материалах парт. орг. Центрально-Черноземного района РСФСР): дис. ...канд. ист. наук. М., 1983.
34. Кабанов В.П. Руководство парторганизациями ЦЧО высшим и средним специальным образованием // Научн. тр. / Т. 19 (112): Культурное строительство в СССР. Курск, 1973.
35. Сойников А.А. Среднее специальное культурно-просветительное образование в Центральном Черноземье (1966–1975 гг.): опыт разработки и реализации государственной политики. Курск, 2002.
36. Сойников А.А. Проблемы государственно-правового регулирования подготовки кадров в средних специальных гуманитарных учебных заведениях РСФСР в 1970-е гг. // Власть и общество в России XIX–XX вв.: Науч. конф. М., 2002.
37. Сойников А.А. Теоретические проблемы исследования государственной политики по развитию средней специальной гуманитарной школы России (1960–1991 гг.) // Актуальные проблемы социогуманитарного знания // Сб. науч. тр. кафедры философии МПГУ. Выпуск XVIII. М., 2003.
38. Сойников А.А. Государственная политика по развитию средней специальной гуманитарной школы в Российской Федерации (1960-е – 1980-е годы): методология, историография, источники. Курск, 2003.
39. Сойников А.А. Государственная политика по формированию условий для развития средней специальной гуманитарной школы в Российской Федерации (1960–1991 годы). Курск, 2004.
40. Сойников А.А. Государственная политика в области подготовки кадров в средних специальных гуманитарных учебных заведениях РСФСР (1958–1991 годы). Курск, 2007.

41. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 616. Оп. 3. Д. 102.
42. Бодренков К.А. О некоторых вопросах работы партийных организаций Российской Федерации по подбору, расстановке и коммунистическому воспитанию сельскохозяйственных кадров // Ученые записки Курского пединститута. Курск, 1971.
43. Зезюков В.А. Возрастание роли первичных партийных организаций в руководстве сельскохозяйственным производством в условиях развитого социализма. (На материалах парторганизаций областей Центрального Черноземья): дис. ...канд. ист. наук. Воронеж., 1984.
44. Плаксин В.Н. Деятельность КПСС по развитию инициативы и повышению ответственности руководящих кадров и специалистов высшего звена колхозно-совхозного производства. 1971–1980 гг. (На материалах п/о обл. ЦЧЭР РСФСР): дис. ...канд. ист. наук. Воронеж, 1986.
45. Провадкин Г.Г. Деятельность партийных организаций Центрального Черноземья по интенсификации сельскохозяйственного производства в условиях совершенствования социализма: дис. ...канд. ист. наук. Воронеж., 1986.
46. Климентов Д.С. Анализ использования рабочего времени специалистами и руководителями колхозов // Записки Воронежского СХА. Т. 52. Воронеж, 1979.
47. Струков А.В. Деятельность КПСС по распространению достижений науки, передового опыта в сельскохозяйственном производстве в 1966–1975 гг. (На материалах Центрального Черноземья): дис. ...канд. ист. наук. Воронеж., 1979.
48. Волошина Г.В. Деятельность парторганизаций по укреплению общеобразовательной школы квалифицированными педагогическими кадрами и их воспитания в годы восьмой пятилетки (1966–1970): дис. ...канд. ист. наук. М., 1986.
49. Дрюченко А.П. Деятельность партийных организаций областей Центрального Черноземья по профессиональной подготовке и идейно-политическому воспитанию учительских кадров (1966–1970 гг.): дис. ...канд. ист. наук. Воронеж, 1984.
50. Болотов И.А. Деятельность п/о Центрального Черноземья по переподготовки и воспитанию учительских кадров в годы восьмой пятилетки // Научн. тр. / Т. 208: Партийное руководство культурным строительством в Российской Федерации в условиях развитого социализма. Курск, 1980.
51. Дементьев И.А. Социальное планирование и развитие культуры села. (По материалам Курской области) // Ученые записки Курского пединститута. Т. 83: Вопросы культурного строительства. Курск, 1971.
52. Социалистические преобразования в Воронежской деревне. Воронеж, 1967.
53. Таранников П.А. Деятельность КПСС по совершенствованию массово-политической пропаганды и повышению ее роли в коммунистическом воспитании трудящихся (1965–1970). (На материалах парт. организаций Воронежской, Курской и Липецкой областей): дис. ...канд. ист. наук. Воронеж, 1973.
54. Третьяков М.Ф. КПСС – организатор борьбы за коммунистическое отношение к труду на селе. (На материалах п/о ЦЧ, Рост. обл., Краснодарского и Ставропольского краев в период между XXII и XXIV съездами КПСС). Воронеж, 1972.
55. Арепьев И.А. Партийное руководство работой библиотек села в годы восьмой пятилетки (На материалах Центрального Черноземья) // Научн. тр. / Т. 178: Партийное руководство культурным строительством в Центральном Черноземье. Курск, 1977.
56. Арепьев И.А. Деятельность партийных организаций Центрального Черноземья по совершенствованию атеистического воспитания тружеников деревни средствами культпросветработы в годы восьмой пятилетки // Научн. тр. Т. 208: Партийное руководство культурным строительством в Российской Федерации в условиях развитого социализма. Курск, 1980.
57. Баранов В.П. Деятельность КПСС по руководству культурно-просветительской работой на селе в период развернутого коммунистического строительства (1966–1970)

(На материалах Воронежской, Липецкой, Тамбовской областей): дис. ...канд. ист. наук. М., 1972.

58. Баранов В.П. Партийное руководство развитием культуры на селе (На материалах работы парт. орг. ЦЧ) Сб. тр. Моск. ин-та культуры. М., 1975. Вып. 24.

59. Дементьев И.А. Руководство парторганизацией Центрального Черноземья массово-политической работой культпросветучреждений села в годы восьмой пятилетки // Научн. тр. / Т. 3 (97): Вопросы культурного строительства. Курск, 1972.

60. Дементьев И.А. Работа культпросветучреждений Центрального Черноземья по воспитанию сельского населения на славных традициях партии и народа (1966–1970) // Научн. тр. / Т. 3 (97): Вопросы культурного строительства. Курск, 1972.

61. Кабанов П.И. пути преодоления культурно-бытовых различий между городом и деревней в СССР // Развитие производственных отношений в деревне в период строительства социализма и коммунизма в СССР. Воронеж, 1967.

62. Кабанов П.И. Общественные начала в культурном строительстве // Развитие советского села в период строительства коммунизма. Воронеж, 1967.

63. Арепьев И.А. Партийная забота о повышении роли сельских клубов в пропаганде марксизма-ленинизма в 1965–1970 гг. (На примере Центрального Черноземья // Научн. тр. Т. 22 (115): Вопросы культурного строительства. Курск, 1974.

64. Арепьев И.А. Подготовка и воспитание кадров сельских культурно-просветительских учреждений в годы восьмой пятилетки (На материале Центрального Черноземья) // Научн. тр. / Т. 3 (97): Вопросы культурного строительства. Курск, 1972.

65. Трунов М.П. Организационная работа партийного комитета. М., 1978.

66. Трунов М.П. Ленинские принципы кадровой политики. М., 1984.

67. Шаров В.Е. Культурно-просветительские учреждения и формирование всестороннего развитой личности // Комплексный подход в идеологической работе. М., 1976.

68. Павлов Г.П. Работа с кадрами – главное звено в партийном руководстве. Липецк, 1972.

69. Павлов Г.П. Чувство нового в партийной работе. М., 1980.

70. Сазонова О.К. Социальное планирование на селе. (опыт Тамб. парт. организации). М., 1974.

71. Сазонова О.К. Опыт социального планирования. М., 1975

72. Клоков В.И. Будни сельского райкома. Воронеж, 1971.

73. Сяглов В.С. По пути указонному партией: записки первого секретаря райкома партии. К 10-летию мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. Воронеж, 1975.

74. Золотые звезды трудовой славы / сб. документов и материалов о курянах – Героях Социалистического Труда. Курск, 1976.

75. Инициатива и поиск. Из опыта идеологической работы. Парт. орг. Черноземья. / сост. Ю. Д. Мещерин, М. П. Козлов, А. С. Силин. Воронеж, 1975.

76. Морозов А., Чекерев В. Звездное поле: Очерки и зарисовки. (О людях Ворон. обл.). Воронеж, 1977.

77. Никитин Н.И. Передовой опыт в производство. (На материалах Воронежской областной, постоянно действующей сельскохозяйственной). Воронеж, 1975.

78. Родное Черноземье / сб. публицистики. Воронеж, 1983.

А. А. Сойников
доктор исторических наук
Курский государственный университет

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОХОД КАК ЧЕРТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКИХ КЛУБОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ (1966–1975 гг.)

Аннотация. В статье дан обзор деятельности ряда руководителей сельских домов культуры и клубов Центрально-Черноземного региона в 1966–1975 гг. Автор на основе архивных документов и опубликованных материалов выделил и охарактеризовал различные категории сотрудников клубных учреждений. Основное внимание уделено анализу деятельности клубных кадров, которые реализовывали дифференцированный подход в содержании и организации культурно-просветительной работы.

Ключевые слова: культурно-просветительная работа; дифференцированный подход; работники клубных учреждений; Центральное Черноземье.

В последние десятилетия интерес к исследованию истории культурно-просветительной работы снизился по ряду объективных и субъективных факторов. Между тем в архивах содержится значительный массив документов, введение которых в научный оборот позволит раскрыть реальные процессы в культурно-досуговой сфере. В советский период исследователи основной упор делали на обобщение опыта деятельности общественно-политических структур по развитию культурно-просветительной работы. Однако в публикациях очень редко упоминался конкретный вклад работников культурно-просветительных учреждений в организацию досуга населения. Такой подход значительно обеднял содержание исследований, обезличивал их, способствовал утверждению представления об исключительно определяющей роли органов власти и управления в развитии культурно-досуговой сферы.

В статье дана краткая характеристика содержания деятельности ряда руководителей сельских домов и клубов Центрально-Черноземного региона по реализации дифференцированного подхода в содержании культурно-просветительной работы в 1966–1975 гг.

В рассматриваемый период содержание работы клубных учреждений выстраивалось на основе идеологических и политических установок правящей партии. На руководителей домов культуры и клубов возлагались обязанности по организации в первую очередь политического и экономического просвещения, трудового воспитания, формирование соответствующих текущей ситуации эстетических вкусов, пропаганда атеистических взглядов и т. д. Такой подход был закреплён и в нормативно-правовых документах. Так, согласно «Положению о

государственных клубных учреждениях РСФСР» (1966 г.) свою деятельность клубы должны были вести с учетом прежде всего общественно-политических задач районов и только потом культурных запросов жителей. Клуб рассматривался как учреждение преимущественно с просветительными целями, а не как место объединения людей на основе общих интересов, самодеятельности, самостоятельности, самоуправления [1, с. 4–6]. Содержание и направления работы колхозных клубов в связи с отсутствием нормативных документов ориентировались на государственные клубные учреждения. При этом многое зависело от позиции председателей и правлений колхозов, местной общественности.

В архивах отложилось значительное количество документов, в которых органы власти и управления критически оценивали деятельность сельских клубных учреждений Центрально-Черноземного региона в 1966–1975 гг. [2, л. 72; 3, л. 6; 4, л. 218; 5, л. 14; 6, л. 38]. Конечно, можно выделить множество причин сложившейся ситуации: слабая материальная база клубов, укоренившийся взгляд на культуру как нечто второстепенное, примат идеологии в содержании клубной деятельности, ограничение самостоятельности в выборе направлений и форм работы, произвольное толкование обязанностей культпросветработников, их высокая текучесть и т. д. И все же одной из основных причин был слабый качественный состав кадров клубных учреждений.

Последнее и привело к появлению нескольких категорий работников клубов. Для одних был характерен разброс обязанностей, выполнение совершенно несвойственных функций: например, беседы и доклады о доении коров, заготовке кормов, ягод и грибов, их хранении, борьбе с вредителями огородных культур и т. д. Другие работники резко сужали круг своих обязанностей, умея при этом приспосабливаться к ситуации, облекать примитивные по содержанию мероприятия во внешне эффектную форму, создавать видимость благополучных показателей. На практике это выливалось в массовые приписки, что неоднократно вскрывали проверки клубных учреждений. А в итоге проигрывали местные жители, которые не получали возможность организовать свой досуг и развить творческие способности.

И, наконец, была третья, достаточно небольшая группа работников клубных учреждений, которые отличались творческим подходом к делу, умением владеть многообразными формами культурно-досуговой деятельности, знанием духовных потребностей и культурных запросов населения.

Так, в течение многих лет Туголуковским сельским клубом Жердевского района Тамбовской области заведовала заслуженный работник культуры РСФСР А. Г. Туголукова. Несмотря на не отвечающее современным требованиям материальное оснащение, она постоянно привлекала жителей разнообразием форм работы. Опыт заведующей, помощь правления колхоза и совета клуба позволили оперативно отражать

изменения в повседневной жизни села и района и на этой основе регулярно обновлять содержание деятельности с учетом запросов различных групп населения. В клубе действовали кружки для детей, коллективы художественной самодеятельности, объединения для молодежи и лиц старшего возраста, агитбригада, народный театр. В практику работы вошли встречи с интересными людьми, обсуждение актуальных проблем общественной и культурной жизни. Но А. Г. Туголукова не ограничивала деятельность только рамками своего клуба. Она регулярно организовывала выезды в соседние районы с концертами, спектаклями, тематическими вечерами [7, л. 24]. На Всероссийском совещании работников культуры и искусства (январь 1968 г.) Туголуковский сельский клуб был отмечен в числе лучших клубных учреждений России [8, л. 27].

В рассматриваемый период в центральной и местной печати широко освещался опыт работы Чернавского сельского дома культуры Измалковского района Липецкой области. Его возглавляла заслуженный работник культуры РСФСР З. И. Халяпина. При поддержке исполкома сельского совета и правления колхоза «Россия» было построено новое здание клуба. Его обеспечили инвентарем, оборудованием, музыкальными инструментами. Значительную роль в организации деятельности играл совет дома культуры. Совместно с директором он не только планировал работу кружков, любительских объединений, кружков художественной самодеятельности, но и регулярно оценивал ее эффективность. З. И. Халяпина установила прочные связи с представителями интеллигенции села. Учителя, врачи, специалисты сельскохозяйственного производства активно включились в работу, возглавив кружки и клубы по интересам. Так, поисковой работой в музее истории села руководил преподаватель школы, занятия на факультете здоровья народного университета вел главный врач больницы. В доме культуры действовали восемь кружков художественной самодеятельности, клуб женщин, любительская киностудия, клуб физкультуры и спорта. В салоне искусств обсуждались новинки художественной литературы, новые фильмы, организовывались литературные и музыкальные вечера, на которых выступали липецкие писатели, поэты и композиторы. Для детей работали духовой оркестр, драматический и танцевальный кружки, пионерский кинотеатр и т. д. Опыт деятельности З. И. Халяпиной регулярно освещался в местной печати, изучался на районных и областных семинарах работников культуры, а также был рекомендован Министерством культуры СССР всем клубным учреждениям страны [9, л. 27; 10, л. 12; 11, л. 35].

Среди руководителей клубных учреждений Липецкой области тех лет, активно применяющих разнообразные формы организации досуга людей, выявления и развития их творческого потенциала, можно выделить директоров П. Ф. Соболева (Колыбельский дом культуры Чаплыгинского района), А. Н. Левикина (Афанасьевский дом культуры Измалковского

района), Т. Г. Пашкову (Трубетчинский дом культуры Добровского района) [12, л. 12; 13, л. 51].

В Белгородской области клубные учреждения, применяющие дифференцированный подход в работе с населением, возникли в середине 1960-х гг. В некоторых районах были проведены исследования среди жителей с целью выявления их культурных запросов [14, л. 13]. На основании опросов удалось выделить основные направления и формы деятельности, что позволило организовать работу в интересах разных групп населения.

Так, заведующий Васильевского сельского клуба Ракитянского района И. М. Сыровицкий, установив тесную связь с местной школой и библиотекой, выявил интересы и увлечения детей. При активном участии совета клуба были созданы кружки детской художественной самодеятельности, юных киномехаников, кинотеатр «Юный зритель». В клубе действовала тимуровская команда, регулярно проводились экскурсии по родному краю, походы по памятным местам Курской битвы [15, л. 8–11].

В Шелаевском сельском доме культуры Валуйского района директор К. М. Чурносова на основании пожеланий односельчан создала объединения с учетом возрастных особенностей. Для молодежи действовали духовой и эстрадный оркестры, драматический кружок, люди старшего поколения посещали занятия хора. Занятия родительского университета проводила заместитель директора местной школы. С учетом возрастных особенностей проходили развлекательные вечера, «голубые огоньки», соревнования команд клуба веселых и находчивых. По просьбе жителей села были организованы юридические консультации, встречи с работниками суда, прокуратуры и милиции [16, с. 85–89; 17, л. 147–149].

Оригинальное содержание и разнообразные формы работы были характерны для ряда сельских домов культуры Алексеевского, Ракитянского и Яковлевского районов Белгородской области [18, л. 11–14; 19, л. 5].

Опыт реализации дифференцированного подхода в деятельности рассмотренных клубных учреждений и их руководителей регулярно обсуждался органами власти и управления региона и рекомендовался к внедрению повседневную работу клубов [20, л. 115, 128, 138; 21, л. 21–136]. Подобный подход дал положительные результаты: в 1973 г. в Белгородской области действовало более 2 тыс. объединений по интересам [22, л. 34].

Следует отметить и творчески работающих в те годы ряд руководителей сельских клубов и домов культуры: заслуженного работника культуры РСФСР М. В. Пышнограеву и Н. Г. Орловского (Воронежская область), Л. А. Струкову и Т. К. Косолапову (Курская область) [23, л. 44–45; 24, л. 123–124; 25, л. 22].

В заключение отметим, что именно такие руководители клубных учреждений стремились идти в ногу со временем и находились в постоянном творческом поиске. Именно на их энтузиазме и держалась повседневная культурная жизнь в населенных пунктах. Именно их клубы были реально действующими центрами досуга жителей.

Источники и литература

1. Положение о государственных клубных учреждениях РСФСР и другие материалы для клубных работников. М., 1966.
2. Государственный архив Белгородской области (далее – ГАБО). Ф. Р-87. Оп. 4. Д. 110.
3. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИВО). Ф. 72. Оп. 39. Д. 39.
4. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. П-69. Оп. 11. Д. 3.
5. Государственный архив новейшей истории Липецкой области (далее – ГАНИЛО). Ф. 34. Оп. 17. Д. 458.
6. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (далее – ГАСПИТО). Ф. 401. Оп. 5. Д. 5.
7. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 2. Д. 1091.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 501. Оп. 1. Д. 5655.
9. ГАНИЛО. Ф. 34. Оп. 28. Д. 18.
10. ГАНИЛО. Ф. 41. Оп. 6. Д. 19.
11. ГАНИЛО. Ф. 41. Оп. 7. Д. 2.
12. Государственный архив Липецкой области. Ф. Р-514. Оп. 1. Д. 650.
13. ГАНИЛО. Ф. 34. Оп. 28. Д. 102.
14. ГАБО. Ф. Р-87. Оп. 4. Д. 46.
15. ГАБО. Ф. Р-87. Оп. 4. Д. 34.
16. С учетом интересов и запросов: по материалам областной научно-практической конференции культпросветработников. Белгород, 1970.
17. Государственный архив новейшей истории Белгородской области (далее – ГАНИБО). Ф. 1. Оп. 9. Д. 7.
18. ГАБО. Ф. Р-87. Оп. 4. Д. 34.
19. ГАБО. Ф. Р-87. Оп. 4. Д. 119.
20. ГАНИБО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 124.
21. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 7. Д. 92.
22. ГАБО. Ф. Р-87. Оп. 4. Д. 343.
23. Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-2825. Оп. 5. Д. 771.
24. ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 52. Д. 400.
25. Государственный архив Курской области. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 422.

А. И. Шевельков
кандидат исторических наук
Российский Союз ветеранов

Б. Г. ПАШКОВ: НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация. В публикации освещается малоизвестная государственная и научная деятельность доктора исторических наук, профессора Б. Г. Пашкова. Приводятся его оценки роли государственных и политических деятелей в новейшей истории страны, дается краткий анализ его трудов по отечественной истории.

Ключевые слова: Пашков Борис Григорьевич; история России; российская государственность.

В мае 1988 г., войдя в кабинет Генерального секретаря ЦК КПСС, по поручению Председателя СМ СССР Н. И. Рыжкова, его помощник по экономике Б. Г. Пашков, положил на стол Горбачева несколько объемных томов и справочно-сопроводительный том. В них были представлены различные варианты проекта закона «О кооперации в СССР», пояснения к ним, отдельные статьи и положения, заключения экспертов, юристов, а также дополнительные предложения правительства.

М. С. Горбачев предложил сесть и взялся достаточно бегло изучать справочно-сопроводительный том. Буквально через несколько минут он поднял голову и на повышенных тонах задал вопрос Б. Г. Пашкову, а в его лице Н. И. Рыжкову и другим разработчикам проекта закона «О кооперации СССР»: «Почему же вы не предусмотрели создание кооперативов в системе Министерства обороны?!». Как рассказывал Борис Григорьевич почти четверть века спустя: «Меня буквально пронзило: он хочет развалить армию!». О том, что было сказано в ответ Горбачеву, бывший помощник по Н. И. Рыжкова (1985–1990), не уточнил. В итоге, закон «О кооперации в СССР» был принят 26 мая 1988 г.

Это был практически единственный эпизод из его многолетней работы в ЦК и на государственной службе, о котором поведал Борис Григорьевич за время нашего знакомства в 2007–2014 гг. Года четыре ранее, когда я попросил его рассказать о событиях периода перестройки, «лихих» 1990-х гг., происходящих в высших эшелонах партии и власти, он с улыбкой ответил: «Ничего рассказывать и писать воспоминания, не буду. Хочу жить спокойно».

По всей видимости, дав однажды подписку о неразглашении государственной тайны, и после завершения военной и государственной службы, Б. Г. Пашков строго ее соблюдал.

Борис Григорьевич Пашков родился в рабочей, шахтерской семье 18 июля 1938 г. в г. Копейске, недалеко от Челябинска [1, с. 14–17].

Окончив местный горный техникум в первой половине 1950-х гг., с 17 лет трудился на шахтах № 4–6 подземным десятником и горным мастером, являлся секретарем комсомольской организации шахты. После службы в Советской Армии, оказался в Москве, где, будучи членом КПСС, в течение 1968–1976 гг. работал в Министерстве радиопромышленности СССР. И одновременно обучался во Всесоюзном заочном финансово-экономическом институте, который окончил с отличием в 1970 г. К сожалению, нет никакой информации о его трудовой деятельности сразу после службы армии, когда у него появилась семья, родилась дочь.

Работоспособного, высококвалифицированного сотрудника министерства заметили на одном всесоюзном совещании по экономике, на котором он выступал, и пригласили перейти на должность инструктора сектора труда и социальных вопросов ЦК КПСС, который позднее возглавил. Когда в ноябре 1982 г. вместо отдела плановых и финансовых органов, был создан Экономический отдел во главе с новым Секретарем ЦК по экономике Н. И. Рыжковым, в его состав был переведен Б. Г. Пашков.

С Н. И. Рыжковым у Б. Г. Пашкова были установлены не только хорошие рабочие, но прекрасные человеческие отношения. Н. И. Рыжков, как и Б. Г. Пашков – являлся представителем потомственной шахтерской династии, но только на Донбассе. Его компетентность, ответственное отношение к делу, внимание ко всем коллегам по отделу, вызывало их уважение. Когда Н. И. Рыжков был включен в состав «рабочей группы» во главе с В. И. Долгих и М. С. Горбачевым, которой Ю. В. Андропов поручил тщательно изучить состояние отечественной экономики и, в срочном порядке, подготовить предложения по ее реформированию, Б. Г. Пашкову поручалось готовить для «шефа» аналитические записки, информационные справки. Однако, после смерти Ю. В. Андропова в феврале 1984 г., при больном К. У. Черненко «рабочая группа» прекратила существование.

После избрания Горбачев Генеральным секретарем ЦК в марте 1985 г., на апрельском (1985 г.) пленуме ЦК, где был провозглашен курс на перестройку, Н.И. Рыжков был избран членом Политбюро, а в сентябре того же года назначен Председателем Совмина СССР, до конца декабря 1990 г. одним из его помощников по экономике, являлся Б. Г. Пашков. Таким образом, в условиях перестроечных процессов, нарастания системного кризиса в стране во второй половине 1980-х гг., он находился в центре всех событий. И, несомненно, принимал определенное участие не только в подготовке экономического блока курса перестройки, законодательных актов, но и многих других правительственных решений.

Об отношении Б. Г. Пашкова к событиям 1980–1991-х гг., к руководителям партии: Л. И. Брежневу, Ю. В. Андропову, К. У. Черненко, М. С. Горбачеву, другим деятелям в новейшей истории страны, отчасти можно найти в его авторском учебнике «История России. XX век » [2,

с. 337–366, 377–379]. Входящего в комплект из трех учебников по истории России, подготовленные им в 2-х изданиях в конце 1990-х гг. – начале 2000-х гг. Следует отметить, что это были, пожалуй, достаточно «выношенные» выводы за годы работы в ЦК и правительствах СССР и РФ.

Так, Б. Г. Пашков отмечает очень осторожное отношение Брежнева к своей огромной власти, стремление «...не проводить реформы, а только сохранять существующее положение... многие разумные инициативы тормозились или замалчивались. Шел процесс сращивания партийного и государственного аппарата. Внутрипартийная жизнь при Брежневе замерла. Партийная верхушка все больше отдалялась от массы коммунистов» [2, с. 337–338]. Ю. В. Андропова он назвал дальновидным политиком, который прекрасно владел обстановкой в стране, укреплял дисциплину в партии, развернул борьбу с преступностью и «теневой» экономикой и понимал, что без демократизации деятельности партии и реформирования экономики не обойтись [2, с. 341–342]. С целью подготовки радикальных экономических реформ им и было инициировано создание в конце 1982 г. «рабочей группы». Однако, «...наработанный материал не обнародовался, и его пришлось использовать уже в другую историческую эпоху, связанную с деятельностью М. С. Горбачева» [2, с. 342].

Повествуя о Горбачеве, Б. Г. Пашков называет причины его популярности у членов партии и народа весной 1985 г.: «Подкупали его живость, умение легко и складно говорить, импровизировать» [2, с. 355]. По заключению Б. Г. Пашкова, лозунги, выдвинутые Горбачевым на первоначальном этапе его деятельности, основывались на тех разработках, которые были подготовлены при Ю. В. Андропове в 1983 г. «Это уже потом, начиная с 1987 г., Горбачев, импровизируя на ходу, перестраивал партию и экономику... пытался действовать андроповскими методами, развернув антиалкогольную кампанию. Дело было доведено до абсурда... Главный вопрос стоял в масштабах и темпах перестройки. М. С. Горбачев форсировал события, он хотел быстрых результатов... Не дождавшись доработки программы Н. И. Рыжкова – Л. И. Абалкина, ... дал указание Совмину СССР принять за основу программу «500 дней»... Несмотря на возражения правительства СССР, внёс свою программу, в основу которой были положены идеи С. С. Шаталина. В итоге, ни одна программа не была реализована» [2, с. 256, 364–366]. Что, по всей видимости, и привело к сердечному приступу у Н.И. Рыжкова в декабре 1990 г. и замене его В. С. Павловым.

После утверждения 14 января 1991 г. В. С. Павлова премьер-министром СССР (Совмин СССР был переименован в Кабинет Министров СССР, а Председатель Совмина СССР – в Премьер-министра СССР), Б. Г. Пашков назначается его помощником по общим вопросам. Позднее он достаточно сдержанно, если не критически, оценивая меры Кабинета Министров СССР в первой половине 1991 г., заключил: «Экономический и

политический кризис были налицо, СССР находился на грани краха» [2, с. 366].

Судя по всему, после прекращения полномочий Павлова, не участвующий в политических событиях августа 1991 г., Б. Г. Пашков вошел в состав Комитета по управлению народным хозяйством СССР во главе с И. С. Силаевым (24 августа – 26 декабря 1991 г.). Не имея возможности выявить его место работы при Ельцине, который с 6 ноября 1991 г. – по 15 июня 1992 г. совмещал президентство с должностью Председателя Правительства РФ, а также его нахождение в правительстве Е. Т. Гайдара (15 июня – 15 декабря 1992 г.), можно рассматривать вариант: в течение 1992 г. он мог состоять в «резерве» сотрудников Правительства РФ. Что не помешало ему оценить итоги работы правительств времен Ельцина и Гайдара. «Политики России отказались от эволюционного пути развития в экономике и решили сделать радикальный ход» [2, с. 383]. Перечисляя три основные направления программы Гайдара, их осуществление не в пользу населения (двенадцатикратный рост цен, увеличение числа населения за чертой бедности, обесценивание сбережений, резкий спад производства, безработица, отсутствие финансирования многих отраслей, появление детской беспризорности) и оценив его реформы, как «противоречивые», Б. Г. Пашков делает вывод: «все это породило глубокое недоверие к правительству», за которым последовала отставка Гайдара [2, с. 384].

В. С. Черномырдин, утвержденный 23 декабря 1992 г. Председателем Совета Министров – Правительство РФ, по-видимому, по рекомендации Н. И. Рыжкова, в январе 1993 г. назначает Б. Г. Пашкова своим помощником, а затем продвигает по службе. Оценив ответственное, компетентное отношение Б. Г. Пашкова к выполнению правительственных поручений, его аналитические способности, умение общаться с аппаратными работниками, в 1994 г. назначает его начальником Департамента государственной службы и кадров Аппарата Правительства РФ. В 1995–1999 гг. Борис Григорьевич трудится сначала первым заместителем, а затем заместителем Руководителя Аппарата Правительства РФ, который практически все 1990-е гг. возглавлял бывший руководящий работник аппарата ЦК – В.С. Бабичев. Главными задачами этого органа и сегодня являются: организация деятельности Правительства, а также контроль за исполнением его поручений федеральными органами исполнительной власти. К основным его функциям относятся: разработка главных направлений деятельности по реализации внутренней и внешней политики; подготовка экспертных заключений на поступившие в Правительство РФ проекты актов и других документов; подготовка для главы Правительства материалов к его докладам и выступлениям; обеспечение ведения делопроизводства; соблюдение режима секретности и защита сведений, составляющих государственную тайну.

Работая в правительственных структурах РФ, Б. Г. Пашков непосредственно участвовал в создании и становлении системы государственной службы и в подготовке предложений по совершенствованию структуры федеральных органов исполнительной власти. Являясь инициативным, творческим работником, всегда профессионально отстаивал интересы государства.

Положительно оценивая три, дополняющие друг друга программы по развитию реформ, стабилизации и развитию экономики, структурной перестройке, разработанные при В. С. Черномырдине, при непосредственном участии Е. Г. Ясина, Б. Г. Пашков заключает: «...многие задачи, поставленные правительством на 1993–1997 гг., остались невыполненными. Это, прежде всего, относится к подъему экономики, стабилизации финансов, укреплению платежной дисциплины, привлечению инвестиций, повышению жизни уровня населения, борьбе с коррупцией, с теневой экономикой, которые приняли за последние годы угрожающие масштабы» [2, с. 385].

После освобождения В. С. Черномырдина от должности Председателя Правительства РФ (23 марта 1998 г.), начинается «правительственная чехарда». Сменивший его на этом посту С. В. Кириенко, уже через четыре месяца (23 марта–23 августа 1998 г.), сроком менее чем на двадцать дней, вновь заменяется В. С. Черномырдиным, исполняющим обязанности Председателя Правительства (23 августа – 11 сентября 1998 г.). Подводя итоги деятельности С. В. Кириенко, Б. Г. Пашков заключает: «100 дней работы правительства ознаменовались как некоторыми достижениями, так и явными провалами. Финансовый кризис становился неизбежным» [2, с. 387].

На смену «временщика» В. С. Черномырдина, на 8 месяцев приходит авторитетное правительство Е. М. Примакова (11 сентября 1998 – 12 мая 1999 гг.). По мнению Б. Г. Пашкова, суть его курса «...заключалась в обеспечении политического согласия в обществе и проведении сверх осторожной экономической политики. Не было объявлено о разработке каких-либо социально-экономических программ, но принимаемые правительственные решения имели общую внутреннюю логику» [2, с. 389].

Скоротечное пребывание С. В. Степашина на посту Председателя Правительства РФ после отставки Е. М. Примакова (19 мая – 9 августа 1999 г.), Б. Г. Пашковым было оценено «лишь как стремление контролировать инфляцию, поддержать ВПК и решить социальные вопросы» [2, с. 390].

О том, как был установлен мир на Кавказе, реализовывались экономические планы В. В. Путина, задачи по укреплению российской государственности, Б. Г. Пашков мог только наблюдать со стороны, так как в августе 1999 г. он становится советником генерального директора

Агентства по реструктуризации кредитных организаций (АРКО), с 2004 г. – Агентство по сбережению вкладов, А. В. Турбанова, где и работает до 2013 г. Переход на более спокойную работу, дал возможность Б.Г. Пашкову завершить целый ряд научных проектов. Так как, к этому времени, он уже авторитетный историк-исследователь в России и за рубежом.

Свой глубокий интерес к истории Отечества, появившийся еще в юности, Борис Григорьевич стал воплощать в реальные действия еще в 1970-е гг., когда работал в Министерстве радиопромышленности СССР. С этого времени его домашняя библиотека постоянно пополнялась исследованиями отечественных историков. Его настольными книгами становятся труды В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева.

За годы научно-исследовательской работы, Б. Г. Пашков стал автором более 200 научных публикаций по проблемам экономической истории, многовековой истории России.

Среди его научных исследований, на подготовку которого ушло пятнадцать лет, особое место занимает труд «Русь – Россия – Российская империя. Хроника правлений и событий 862–1917 гг.». С уникальной авторской, широкоформатной (136X97 см.) двух оборотной, цветной схемой «Русь – Россия – Российская империя. Генеалогическое древо основных русских родов (862–1917)». Из-за отсутствия в тот период в стране необходимой полиграфической техники, схема была напечатана в Англии. Как отмечали в те годы специалисты, она являлась своеобразной «Таблицей Менделеева» в отечественной историографии. Это издание было востребовано во многих европейских странах (Англия, Франция, Германия, Швейцария и др.). На базе упомянутой схемы по просьбе украинских ученых-историков, во второй половине 1990-х гг. Б. Г. Пашковым была подготовлена и издана аналогичная схема «Киевская Русь – Россия. Генеалогическое древо. Правители IX – XX вв.».

В год защиты докторской диссертации «Роль государства и государственных деятелей в становлении и развитии России (Древняя Русь – Русское государство – Российская империя» (1995 г.), Б. Г. Пашковым издается новый труд «Роль правителей в истории Русского государства (862–1917 гг.). Еще через год на русском и английском языках, выходит в свет его книга «История России IX–XX вв.».

В 1995 г. с просьбой подготовить специальное издание труда «Русь – Россия – Российская империя. Хроника правлений и событий 862 – 1917 гг.» для образовательных учреждений России, к нему обратилось Министерство образования РФ. И в 1997 г. тиражом в 138 тыс. экземпляров, появилось второе, переработанное и дополненное издание этой книги. В частности, в ней появился новый раздел «Основные события (хроника 862 г. – 1917 г.)». На обороте титульного листа книги напечатано: «Специальное бесплатное издание для школ. Продаже не подлежит» [3, с. 2]. К труду вновь прилагалась схема «Русь – Россия – Российская

империя. Генеалогическое древо основных русских родов (862–1917)». В 2007 г. появилось третье, переработанное, подарочное издание труда, тираж которого составил всего 1 тыс. экз. К примеру, в труд был добавлен раздел «Некоторые высшие чины, звания и должности в Российской империи» [4, с. 672].

В мае 2008 г. в Коломенском государственном педагогическом институте состоялась презентация основных трудов Б.Г. Пашкова, на котором он подарил более 150 учителям истории школ юго-восточного района Подмоскovie второе издание монографии «Русь – Россия – Российская империя. Хроника правлений и событий 862–1917 гг.». Сделав дарственную запись в каждой книге [2, с. 17]. Пяти лучшим шестиклассникам Коломны он подарил по комплекту авторских учебников по истории России [5], включая уже упомянутый учебник «История России для 9 классов [2, с. 17].

Итоговым исследованием, которому Борис Григорьевич отдал более 10 лет, стал еще один уникальный труд: 3-х томный Справочник «История Государственности России», изданный в 2009 г., всего 2-х тыс. тиражом. С приложенными в отдельной папке 22 схемами. В Предисловии к Справочнику, тогдашний Руководитель Администрации Президента РФ С. Е. Нарышкин, определил его исследование как «...необычный труд по истории государственности России за XV–XXI века» [6, с. 6]. В I-м томе приводится объемная справочная информация о высших и центральных органах государственной власти и управления, а также иных учреждениях XV–7.XI.1917 г. [6]; во II-м томе – о высших и центральных органах государственной власти и управления, а также иных учреждениях РСФСР – СССР 8.XI.1917–26.XII.1991 г. [7]. В III-м томе – о высших и центральных органах государственной власти и управления, а также иных учреждениях Российской Федерации 26.XII.1991 – 7V. 2008 г. [8].

Презентация этого труда состоялась сначала в Коломенском госпедагогическом институте в сентябре 2009 г., а затем в Кремле. Более 600 экз. было бесплатно передано в Администрацию Президента РФ, Правительства РФ, Федеральное собрание, субъекты РФ, ведущие библиотеки, научные учреждения.

Тогда же Б. Г. Пашковым впервые был представлен проект упомянутого 3-х томного Справочника [2, с. 17]. В подарок вузу Б. Г. Пашков преподнес 10-килограммовый бестселлер «Москва многонациональная» (история, религия и культура народов), изданный на русском и английском языках в 2004 г. При его подготовке он являлся главным научным консультантом [9, с. 2). Он был главным научным консультантом и автором концепции официального издания Правительства РФ – книги-атласа «История России IX–XX века» (изданной на русском и английском языках); книги-атласа «История Москвы» [10]; книги-атласа «Россия и Европа» (2000 лет до н. э. – 2000 лет н. э.), состоящего из трех разделов «Политика», «Наука» «Культура» [11]. Труд коллектива

историков заключает авторская схема Б. Г. Пашкова «Связь дома Романовых с европейскими династиями» [11, с. 29].

К глубокому сожалению, 23 июня 2014 г. после тяжелой болезни ушел из жизни действительный государственный советник РФ 1 класса, член Союза журналистов РСФСР (1984 г.), Заслуженный экономист РСФСР (1988 г.), доктор исторических наук (1995 г.), академик РАЕН (1995 г.) и Международной академии информатизации (1995 г.), профессор (1996 г.), лауреат Премии Президента РФ в области образования (1997 г.), Почетный работник высшего образования РФ (1998 г.), Почетный работник высшего образования РФ (1998 г.) Борис Григорьевич Пашков. Человек жизнерадостный, творчески одаренный, писавший стихи и картины.

За безупречную службу Отечеству и исторической науке, Борис Григорьевич Пашков был награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом Почета, многими медалями.

Источники и литература

1. Шевельков А.И. Ученый с мировым именем // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века /составитель и отв. ред. А. И. Шевельков. Коломна, 2009. Вып. 2.
2. Пашков Б.Г. История России. XX век. 9 кл.: Учебн. для общеобразоват. Учеб. Заведений. 2-е изд., доп. М., 2002.
3. Пашков Б.Г. Русь – Россия – Российская империя. Хроника правлений и событий 862–1917 гг. 2-е издание. М., 1997.
4. Пашков Б.Г. Русь – Россия – Российская империя. Хроника правлений и событий 862–1917 гг. 3-е издание. М., 2007.
5. Пашков Б.Г. История России с древнейших времен XVII века. Учеб. для 6–7 кл. общеобразоват. учеб. заведений. 2-е изд., доп. М., 1999.
6. Пашков. Б.Г. История государственности России: справочник. М., 2009. Т. 1: Россия. Российская империя, XV в. – 7.XI.1917 г.
7. Пашков Б.Г. История государственности России: справочник. М., 2009. Т. 2: РСФСР – СССР, 8.XI.1917–26.XII.1991 г.
8. Пашков. Б.Г. История государственности России: справочник. М., 2009. Т. 3: РФ, 26.XII.1991–7.V.2008 г.
9. Москва многонациональная. М., 2004.
10. История Москвы. М., 2007.
11. Россия и Европа. М., 2001.
12. Пашков Б.Г. История России. XVIII–XIX века: Учеб. для 8 кл. общеобразоват. учеб. заведений. 2-е изд., доп. М., 2000.

ЛЮДИ И СУДЬБЫ XX ВЕК

*Материалы
Всероссийской научной конференции,
Курск, 17 февраля 2023 г.*

**Оригинал-макет подготовлен
ОКУ «Госархив Курской области»**

Дизайн обложки: *С. С. Шишков*
Верстка, подготовка к печати: *О. Н. Аргунов*

Фотография на обложке из фотокаталога
ОКУ «Госархив Курской области»

Подписано в печать 03.02.2023 г.
Формат 60х84. Печать офсетная 80 г/м². Гарнитура Таймс. Тираж 54 экз.
Отпечатано ООО «Центр рекламы «Лоцман»
г. Курск, ул. Семеновская, 78